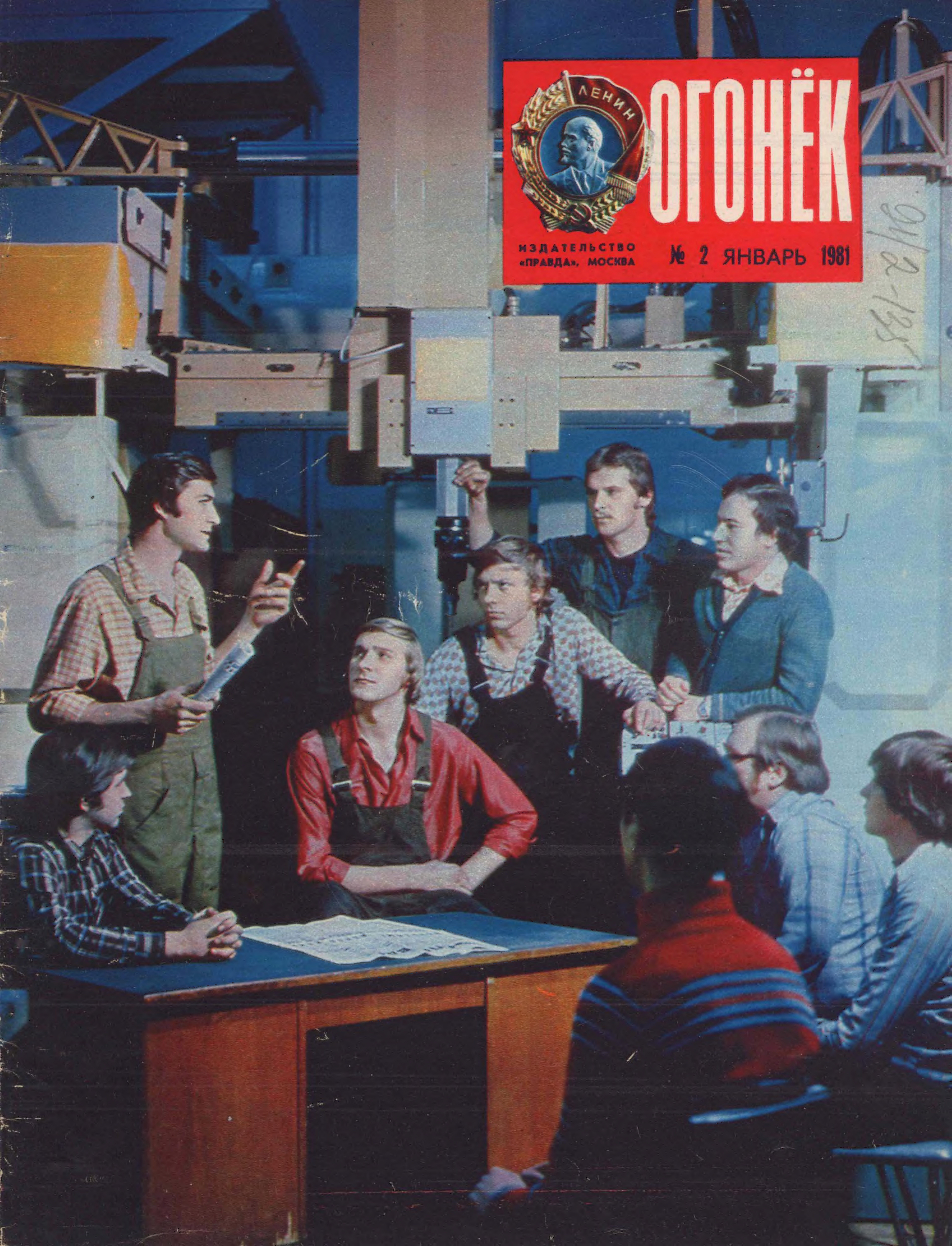

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 2 ЯНВАРЬ 1981

91/2-1981

НОВОГО СОВЕТ ВЫСТУПЛЕ

Дорогие товарищи, друзья!

Кремлевские куранты отсчитывают последние минуты 1980 года. Уходящий год вобрал в себя многое: были в нем трудности и огорчения, были и успехи и радости. Но провожаем мы его с добрым чувством.

В год славного ленинского юбилея советские люди поработали самоотверженно и вдохновенно. В этой пятилетке сделан новый крупный шаг в развитии экономики. Повысилось благосостояние народа. Более 50 миллионов человек справили новоселье. Получила дальнейшее развитие социалистическая демократия. Единой дружной семьей живут народы Советского Союза. На должном уровне поддерживается наша обороноспособность.

Сердечное спасибо всем, кто трудится на заводах и фабриках, нефтяных промыслах, на транспорте, на полях и фермах, возводит дома, прокладывает магистрали, строит электростанции, кто создает духовные ценности, учит и воспитывает детей, охраняет здоровье людей, украшает их быт,— всем, кто работает сознательно и плодотворно на благо социалистической Родины.

В обстановке высокого политического и трудового подъема страна готовится к XXVI съезду КПСС. Это показывает ход обсуждения проекта Основных направлений экономического и социального развития СССР на предстоящую пятилетку и на период до 1990 года. Особое значение придается ускорению научно-технического прогресса,

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 2 (2791)

10 ЯНВАРЯ 1981

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», «Огонек», 1981

ДНЕЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ СКОМУ НАРОДУ

НИЕ Л. И. БРЕЖНЕВА

ПО ЦЕНТРАЛЬНОМУ ТЕЛЕВИДЕНИЮ И ВСЕСОЮЗНОМУ РАДИО

повышению эффективности производства, решению продовольственной проблемы, увеличению выпуска товаров народного потребления, жилищному строительству.

С полным основанием мы заявляем — народ и партия едины. В этом нерушимом единстве — залог новых успехов в нашей борьбе за коммунизм.

Советский народ единодушно одобряет и горячо поддерживает ленинскую внутреннюю и внешнюю политику Коммунисти-

ческой партии и Советского государства. Внешняя политика Советского Союза преследует ясные и благородные цели. Мы хотим мира для всех народов. Наша приверженность идеалам свободы, справедливости и прогресса непоколебима. Советский Союз решительно выступает за разрядку, за укрепление сотрудничества и говорит твердое «нет» гонке вооружений, осложнениям и конфликтам, вызываемым империалистической политикой.

У Советского Союза много добрых друзей в мире. В канун Нового года мы выражаем самые лучшие пожелания трудящимся стран социализма, коммунистическим, рабочим, национально-демократическим партиям, всем борцам против империализма, реакции и войны.

От имени Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР сердечно поздравляю с Новым годом героический советский рабочий класс, славное колхозное крестьянство, народную интеллигенцию!

Крепкого вам здоровья, хорошего настроения, успехов в труде, учебе, творчестве!

Новогодний привет ветеранам революции, войны и труда, глубокая вам благодарность и признательность Родины!

От всей души желаю счастья и радости советским женщинам!

Горячие поздравления замечательной советской молодежи, доблестным воинам Армии и Флота!

Наилучшие пожелания всем, кто в новогоднюю ночь несет трудовую вахту одиннадцатой пятилетки, бдительно охраняет священные рубежи Страны Советов, работает вдали от родной земли.

Пусть в каждом доме, в каждой семье всегда будут благополучие и согласие!

С Новым годом, дорогие товарищи!

С новым счастьем!

ВЗГЛЯД- НА ГОДЫ ВПЕРЕД

Сборочный цех считается главным на Московском ордена Трудового Красного Знамени заводе шлифовальных станков, и от того, как трудятся здесь слесари-сборщики, во многом зависят производственные показатели всего завода. Особенно на участке сборки прецизионных станков, где эти высокоточные, во многом уникальные, необходимые для любого производства агрегаты получают жизнь. Впрочем, на современном предприятии зачастую не скажешь, что такой-то участок важнее другого, что эта вот рабочая профессия главенствует по отношению к остальным, потому что сейчас на любом производстве нет и не может быть подразделений, от которых не зависел бы ритм работы всего заводского коллектива.

Трудиться, чувствуя свою ответственность перед заводом, отраслью, вносить предложения по улучшению организации производства, условий труда и быта — вот какие раздумья вызывает обсуждение «Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» в цехах предприятия.

Эти собрания, а то и просто беседы,

как в зеркале, отражают те задачи, которые стоят перед заводом в наступившем году. А они сложны, тем более что у предприятия в десятой пятилетке были определенные трудности в реализации производственной программы. Вступая в начавшееся одиннадцатое пятилетие, станкостроители разработали целый комплекс организационно-технических и социально-экономических мероприятий, призванных в конечном счете обеспечить выполнение производственных планов и социалистических обязательств. О них говорил бригадир слесарей-сборщиков А. К. Корсаков, обсуждая с товарищами по цеху проект ЦК КПСС к XXVI съезду партии — ведь в конце концов за каждым мероприятием стоят живые люди, их труд.

Фамилия Корсаковых широко известна на предприятии: десятки лет отдал заводу Константин Иванович Корсаков, прошедший здесь путь от рабочего до руководителя цеха, а сейчас его сын, Александр Константинович, депутат Верховного Совета РСФСР, показывает пример в труде. За десять лет, которые Александр работает в сборочном цехе, он был трижды удостоен Почетного знака ЦК ВЛКСМ,

имеет звание победителя Всесоюзного социалистического соревнования, ударника пятилетки. Свое пятилетнее задание А. К. Корсаков завершил досрочно — к 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. Умеют добиваться высоких результатов и товарищи Александра — их усилиями сборочный цех во внутривзаводском соревновании пять раз завоевывал переходящее Красное знамя.

Закончен короткий рабочий разговор. Александр подытожил мнения товарищей: у слесарей-сборщиков есть все для того, чтобы отметить первый год новой пятилетки, приближающийся XXVI съезд КПСС ударным трудом.

С. БОРИСОВ

ПЯТИЛЕТКА В МОЕЙ ЖИЗНИ

КОМБИНАТ, СТАНОК И СЦЕНА

Рита ХАСАНОВА,
старшая сьемщица пряжи
2-й прядильно-ткацкой
фабрики
Ташкентского текстильного
комбината

Детство меня не баловало. Родители не ладили между собой, и росла я у бабушки. Спасибо ей, она скрасила мне детские годы лаской и заботой. А школьные друзья стали сестрами и братьями. Когда кто-нибудь из них, случалось, уезжал из родного Самарканда, я очень переживала...

Как раз такое огорчение для меня совпало с началом истории, которую я хочу рассказать. В 1976 году уехала в Ташкент на знаменитый текстильный комбинат моя лучшая подруга-одноклассница Вера Ким. Мы, конечно, переписывались. Вера горячо приглашала меня к себе, в цех, но мои стремления были иными... Я продолжала учиться в десятилетке, надеясь, что ближайшие годы принесут какую-то необык-

новенную счастливую перемену в мою жизнь. Мне, девчонке-школьнице, увлекавшейся сценой, эта перемена представлялась в ореоле артистической славы...

И вот, получив аттестат зрелости, я тотчас отправилась в Ташкент поступать в театральный институт. Жила, разумеется, у Веры Ким. Экзамены сдавала вполне успешно. Более того, сыгранные мной этюды-сценки из школьной жизни были особо отмечены. А в свободные от экзаменов дни Вера — кстати, тогда уже комсорг цеха — водила меня вдоль станков, рассказывала, показывала, демонстрировала свое мастерство. Не скрою, уже тогда я как-то невольно, из самолюбия, что ли, примеривалась: смогу ли вот так же ловко, так же артистически обращаться с пряжей? Помню, подошел к нам начальник цеха Сулейман Ибрагимович Сулейманов — и в одно мгновение проделал операцию, которая показалась мне вообще невыполнимой... Волшебство, да и только! «А ну попробуй», — предложил он. — Ничего особенного... Научим, если хочешь...»

И вот настал решающий день:

в институт меня зачислили, но в группу будущих актеров детских театров. Остальные вакансии, дескать, уже заполнены...

Знали бы мои экзаменаторы, как я стремилась поскорее выбраться из детства! Короче, взяла я документы из института и на следующий же день стала ученицей сьемщицы пряжи.

Уже второй год работаю я на комбинате и могу уверенно сказать: именно в тот летний день произошла главная, определяющая перемена в моей жизни. И вот почему. Я обрела не только очень нужную профессию текстильщицы (теперь я уже старшая сьемщица пряжи), но и, как говориться, крепко, по-взрослому встала на ноги в жизни. Здесь познакомилась с Юрой Атабаевым, помощником мастера из мотальной цеха. Недавно сыграли свадьбу. Из общежития, где мы жили врозь, вскоре переедем в квартиру, выделенную для нас комбинатом.

Появились и общественные обязанности — комсомольцы цеха избрали меня своим комсоргом. В нынешнем году, накануне XXVI съезда КПСС, быть вожа-

ком молодежи и почетно и ответственно. Лучший способ повести за собой ребят — личный пример.

В поддержку движения на комбинате «Задание пятидневки — за четыре дня!», возникшего в честь съезда партии, в нашем цехе теперь ежедневно производится полтора ста килограммов пряжи сверх нормы. Лично я обслуживаю вместо двадцати шести машин тридцать две.

Не жалею ли об «ореоле артистической славы»? Во-первых, ничуть не менее ярок «ореол славы» у таких текстильщиц, как Виноградовы или у нашей узбекской мастерицы Дильбар Кульматовой. А, во-вторых, спектакли, которые мы, комбинатовские драмкружковцы, ставим на сцене нашего Дворца культуры текстильщиков, в какой-то мере удовлетворяют и эту мою духовную потребность. Признаться, как раз эта сцена помогла мне сблизиться с Юрой Атабаевым, одаренным музыкантом, ныне руководителем эстрадного ансамбля текстильщиков... Видите, как ни прикинь — комбинат во всем стал основой моего счастья.

КОГДА ДЕЛО ПО ДУШЕ

Ю. КРАСНОШАПКА,
первый секретарь
Белоцерковского
горкома Компартии Украины,
делегат XXVI съезда КПСС

Судьба всех наших планов решается прежде всего на рабочих местах — руками, талантом людей, их приверженностью делу. Отсюда вывод: надо всячески помогать каждому, кто ищет дело по душе, дело, в котором наиболее полно раскрылись бы его личные качества. Но если на эту же проблему взглянуть «сверху», то задачу можно поставить несколько иначе: добиться того, чтобы как можно больше людей работали с полной отдачей.

Чтобы объяснить свою мысль, приведу такой несколько пространный пример. Наш город Белая Церковь один из древних городов еще Киевской Руси. И вместе с тем его смело можно назвать детищем последних десятилетий: практически он построен заново, здесь выросли современнейшие предприятия, объем промышленного производства по сравнению с уровнем 1970 года вырос в 4,2 раза.

Понятно, как нам нужны строители. Мы не можем сидеть и ждать, пока значительная часть молодежи, вступающей в трудовую жизнь, перепробовав несколько специальностей, найдет свое истинное призвание. Тем большее значение приобретает разумная профориентация молодежи на школьной скамье. Не будем лукавить: почти каждый хочет быть Менделеевым, но далеко не каждому хочется мыть пробирки. (Хотя истинный химик начинается с прилежания, образно говоря, с мытья пробирок.) И если равнодушно наблюдать за тем, как в поисках своего призвания люди приходят на стройку и... уходят с нее, мы ничего не построим. Где же выход?

Его подсказывает живая практика. Есть у нас комплексная бригада строителей, которой руководит В. М. Проценко. В этой бригаде почти каждый новичок открывает в себе способности строителя. Люди тут легко приживаются, становятся настоящими мастерами, и если уходят, то в качестве руководителей других бригад, или призываются в армию, или по каким-то особым причинам. Но практически все остаются на стройке.

И все дело тут в личности руководителя бригады. Владимир Михайлович умеет подойти к человеку, определить, кому труднее всех, и помочь именно ему, умеет организовать труд и постоять за интересы бригады не в ущерб общему делу. Вот и тянутся к нему люди.

Могу назвать руководителей и более высокого ранга, которые умеют поставить дело так, чтобы лучшие качества людей раскрывались именно под их началом. Таков директор домостроительного комбината С. И. Злобинский. Он работал здесь рядовым мастером,

прошел, как говорят, все ступеньки служебной лестницы. Его умение располагать к себе людей, смелость, я даже сказал бы — обоснованный риск в ряде технических решений, создают в коллективе творческую атмосферу.

Дело ведь не в том, чтобы уметь набрать людей, быть хорошим зазывалой, а в том, чтобы закрепить их, дать возможность хорошо и с удовольствием трудиться. Надо создать, как это требует проект ЦК КПСС к XXVI съезду партии, наиболее благоприятные условия для высокопроизводительного труда, усиления его творческого характера. И тут легко понять человека, который ищет: где бы он мог наиболее эффективно, творчески применить свои способности?

Поиск человеком своего места в жизни, своего призвания — проблема не новая и многогранная. Я хотел бы прежде всего остановиться на том, как рассматривать ее на первом этапе, в начале жизненного пути. Никогда еще молодежь не имела такого широкого выбора профессий, как в наши дни. Теперь практически каждый получает среднее образование и, можно сказать, подготовлен для овладения любой специальностью. А научно-техническая революция с ее узкой специализацией труда неизмеримо увеличила количество профессий, их выбор. Если же к этому добавить, что у каждой проходной можно увидеть приглашения на работу, то станет ясно: проблема поиска человеком работы, которая позволила бы ему наиболее полно раскрыть его способности, — это проблема не сугубо личная. Кстати, об этом, как мне показалось, справедливо сказано в очерке Г. Куликовской, опубликованном в «Огоньке» № 4 за 1980 год, «А человек ищет...».

Мне, как секретарю горкома партии, проблема «человек ищет» видится прежде всего как проблема обеспечения кадрами многочисленных предприятий истроек. Если исходить из интересов города, практически не имеет значения — раскроется талант некоего «искателя себя» в производстве машин, мебели, трикотажа или на монтаже заводских корпусов. Но одобрять действия человека, который проработал год-другой на стройке, потом год-другой на нефтебазе, а потом решил поискать свое призвание у станка, нельзя. Можно понять человека, действительно ищущего свое призвание, но одобрить бесконечные метания с места на место нельзя! О необходимости решения этой проблемы сказано и в проекте ЦК КПСС к XXVI съезду партии: «Осуществить меры по закреплению кадров и снижению текучести рабочей силы».

Текучесть кадров — зло, и это не требует доказательств. Несколько месяцев новичок приобретает определенные навыки. На первых порах он является своего рода издвигенцем в коллективе (требует особого внимания, отнимает у окружающих время, не учтенное ни-

какими производственными нормативами, его работу часто приходится поправлять, а то и вовсе переделывать). Наконец, он становится самостоятельным в труде, только начинает работать с полной отдачей, и вдруг... решает начать все сначала. Разве это не наносит ущерба самому «ищущему»? Ведь он теряет годы жизни, теряет темп в раскрытии своих собственных качеств. Сейчас люди в трудовую жизнь вступают довольно поздно (нередко даже позже, чем в брак!). Пока выучится, отслужит в армии, получит первые навыки работы, смотришь — уже за тридцать...

Отсюда вывод: искать, конечно, можно, только надо отчетливо сознавать, что каждый переход с предприятия на предприятие — беда. Прежде чем сделать такой шаг, надо тысячу раз взвесить и убедиться, что в будущем это неизбежно зло обернется добром.

Есть, однако, еще одно обстоятельство, на которое хотелось бы обратить особое внимание. Если работа не по душе и человек начинает подыскивать другую, это не дает ему права трудиться спустя рукава. Тут уже речь идет о чувстве ответственности. Я бы даже сказал — о порядочности. Нравится тебе работа или нет, но пока ты получаешь за нее зарплату — будь добросовестным и даже щепетильным в исполнении своих обязанностей.

Я уверен, что при таком условии девять из каждых десяти «ищущих» тут же нашли бы себя. Потому что каждая работа, если вникнуть в нее глубоко, приобретает с профессиональным секретарем, становится настолько привлекательной. Да и тот единственный из десяти не пропадает. Ведь принимая человека в новый коллектив, прежде всего интересуются: а каким он был на прежнем месте работы?

Между прочим, таков порядок и при подборе руководителей. Ведь и среди них встречаются ищущие свое призвание, место и должность, наиболее полно отвечающие их данным. В практике нашего горкома тоже бывали случаи, подобные описанному в «Огоньке», когда герой очерка чувствует, что может справиться с более ответственной работой, и по праву претендует на нее. На электроконденсаторном заводе работал заместителем начальника производства И. С. Боровиченко. Пришел он однажды в горком и попросил дать ему более сложную работу. Такое, скажем прямо, бывает не часто. Посоветовались мы на бюро и первым делом посмотрели, как он трудился до этого. О нем отзывались с похвалой... В то время у нас неважно складывались дела в бытовом обслуживании. Вот и назначили его директором горбыткомбината. И не ошиблись!

Если же говорить о руководящих кадрах вообще, то тут упущения в работе, если они наблюдаются, никакими «поисками себя» нельзя оправдывать. Номенклатурное скольжение, когда развалившего работу в одном месте пере-

водят на такую же руководящую в другое, слишком дорого обходится государству.

Главное качество руководителя (независимо от того, в какой отрасли народного хозяйства он занят) — умение работать с кадрами, умение организовать коллектив, заставить рядовых исполнителей проникнуться важностью поставленных задач. Даже его профессиональная подготовленность, технический кругозор, инженерная смелость в значительной степени нужны для того, чтобы верно оценить действия подчиненных.

Я ловлю себя на мысли, что все стороны характеристики руководителя так или иначе отражают его взаимоотношения с коллективом. Взять хотя бы директора нашего крупнейшего предприятия — Объединения по производству шин и резино-асбестовых изделий М. Т. Митрофанова. Это блестящий организатор производства, который не проводит разделительной грани между хозяйственной и общественно-политической работой. Глубина знаний, умение видеть перспективу, государственная масштабность в решении технических проблем помогают ему увлечь за собой тысячи.

На Шинном, как у нас в обиходе называют это предприятие, регулярно и с большой пользой проводятся идеологические планерки, в микрорайоне работают клубы выходного дня, клубы по интересам; развитие производственных мощностей ведется параллельно со строительством жилья; культурно-бытовые объекты, спорт, художественная самодеятельность, вечерняя учеба — все это не лишено внимания и делового участия директора. Естественно, что тут действует четкий контакт с парткомом, профсоюзом, общественными организациями.

Этот коллектив, в котором уже свыше 16 тысяч работающих, освоил проектную мощность первой очереди предприятия за пятнадцать месяцев вместо тридцати по норме, а сейчас ведется строительство второй очереди, значительно большей по своей мощности.

Но именно в работе с кадрами проявляется не только достоинство директора, но и его недостатки. На бюро горкома М. Т. Митрофанову указывали, что его волевые качества, умение вызвать «огонь на себя» хороши до определенного предела. Но когда он в своем всеведении начинает подменять, а порой и просто оттеснять от решения вопросов своих ближайших помощников, это вредит делу. В результате наиболее перспективные кадры постепенно отвыкают самостоятельно решать вопросы, находящиеся в их компетенции. Ведь не оторвавшись от земли, летать не научишься!

Работа должна давать человеку удовлетворение. И решение проблемы «человек ищет» надо искать как в самом человеке, в особенностях склада его характера и качеств натуры, так и в состоянии производственного микроклимата, коллектива, который он возглавляет.

И. ГАВРИЛОВ
Фото автора

Шел последний выпускной экзамен в 105-й московской школе. Саша Борисов отвечал хорошо, говорил своими словами: не по учебнику, но правильно. Учителя поставили «отлично». Последний экзамен... Стоишь ты перед комиссией еще учеником, а закончил ответ, получил оценку — сра-

ды. Станки, на которых предстояло трудиться, выбирали долго — ребята не соглашались стать за первые попавшиеся. И руководство завода пошло навстречу новичкам: Саша Скомарох облюбовал расточный станок, а Саша Борисов стал строгальщиком. Из отдела кадров мы возвращались вместе.

Прощай, детство!

зу перешел в новое качество, ты уже не школьник.

— Мы, преподаватели, часто задаем себе вопросы: «Кем станут наши воспитанники? Сумели ли научить каждого главному — быть человеком?» — говорит Сашина учительница Седа Павловна Гарибян. — Поэтому мы часто ставим на прощальном экзамене непрограммные вопросы.

У Саши учителя спросили: «Почему ты идешь на завод?» Ответ был по-мужски бесхитростным: «Нужны деньги. Чтобы скорее маме помогать. Хватит на шее сидеть...» Уже через три дня после шумного выпускного вечера мы вместе с Сашиним другом и тезкой Сашей Скомарохом и мастером производственного обучения Александром Ивановичем Борковым ходили по цехам Пресненского машиностроительного завода. Ребятам завод хорошо знаком — два года они проходили здесь практику, успели получить разря-

Обычно молчаливый Саша Борисов вдруг разразился монологом: «И что это все в институт рвутся? Диплом получить? А потом иные всю жизнь бумажки перебирают. А на заводе интересно. И — заработок. А если по-настоящему работать, так и мастером можно стать».

— На мастера, между прочим, учиться надо, — подсказал Александр Иванович.

Саша возразил:

— Да я не про должность... Хочу мастером своего дела быть.

Не секрет, что достичь успехов в любом деле нелегко. Успех зависит от желания добиваться его, от любви к делу, от способностей и очень во многом от трудолюбия. Судя по всему, Борисов это понимает. Его наставник, один из старейших работников завода, Алексей Иванович Терехов, сказал: «Парнишка толковый, старательный...» Для начала это уже много.

Последние вопросы...

СТАНЬ

Друзья по школе и теперь неразлучны.

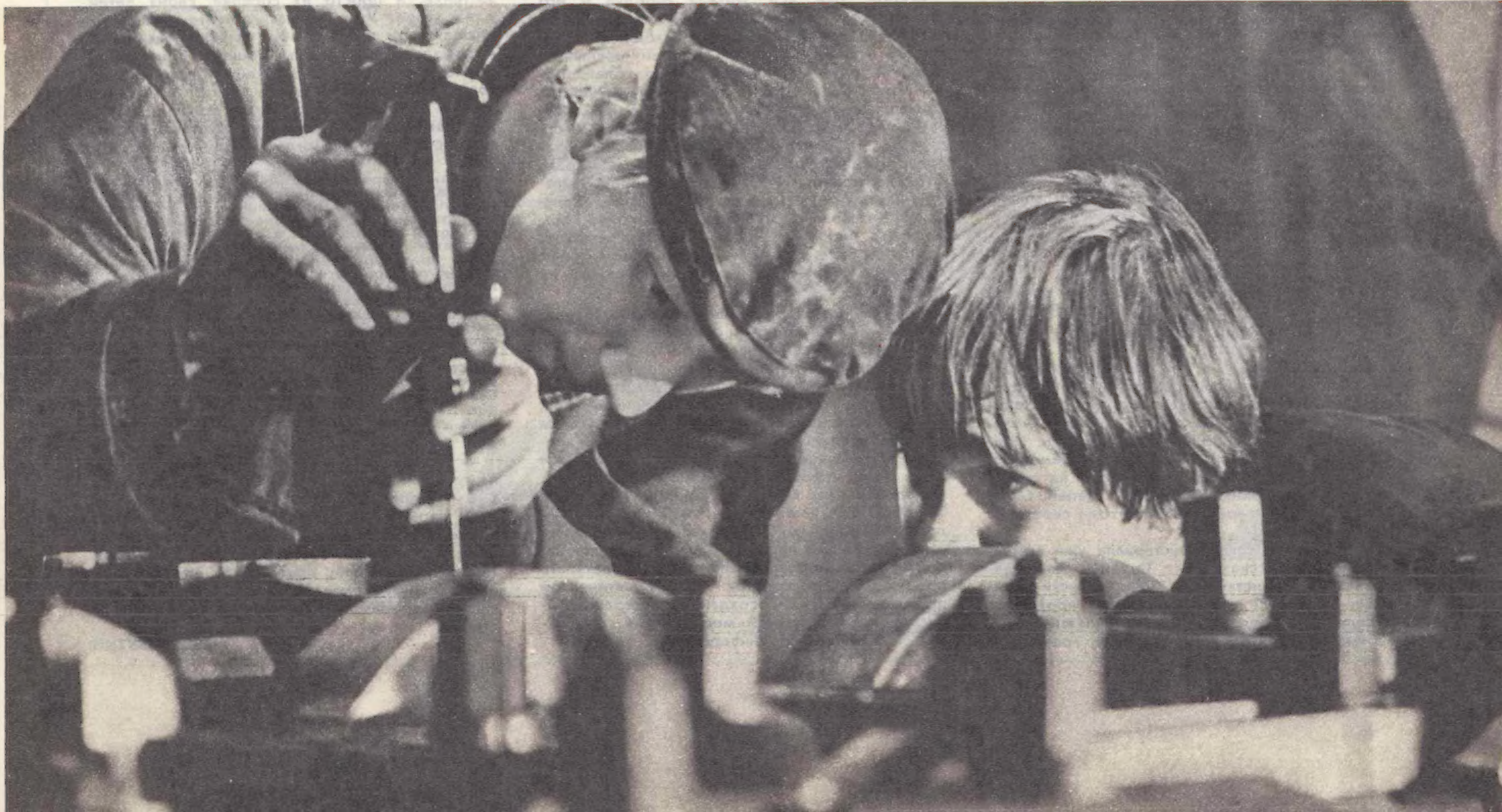
Александр Иванович Борковой помогает Саше выбрать станок.

Семейный совет одобрил Сашино решение.

МАСТЕРОМ

С новичком — бригадир Юрий Зайцев.

Пномпень сегодня.

На приеме у советского врача.

Фото В. Логинова

ПОРА ВОЗРОЖДЕНИЯ

— Красив Пномпень! Теперь здесь по-прежнему бурлит рынок, мостовые загромождены велосипедисты — кто спешит на работу, кто за покупками. Открылись предприятия, магазины, мастерские, работает Национальный театр. Мы ходили по городу, видели, как уверенно он возрождается к жизни, и такой противоестественной, бесчеловечной казалась мысль: ведь он, как и вся страна, вся нация, был обречен полпотовцами на вымирание!

Мой собеседник Татьяна Владиславовна Кузнецова, кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник ВНИИ социальной гигиены и организации здравоохранения имени Н. А. Семашко, возглавляла подвижной медицинский отряд Советского Красного Креста. После девяти месяцев напряженного труда отряд вернулся из Кампучии.

Всего два года насчитывает новая история страны. 7 января 1979 года победа революционно-патристических сил под руководством Единого фронта национального спасения положила конец правлению пропекинской клики Пол Пота — Иенг Сари. 8 января был создан Народно-революционный совет, 11 января провозглашена Народная Республика Кампучия. Сказать, что ей досталось тяжелое наследство, — значит не сказать ничего. Была разрушена вся экономическая и государственная структура общества. «Из восьми миллионов жителей Кампучии нам нужен только один», — заявил когда-то Пол Пот, и за неполные четыре года, что он находился у власти, истреблено более трети населения. Тем же, кто пережил эту ночь, угрожали болезни — не могли не сказаться почти четыре года систематического недоедания и непосильного труда. Забота о здоровье людей — среди первых забот нового правительства. В момент освобождения на всю страну оставалось 69 врачей, и на помощь кампучийским коллегам пришли медицинские работники из Вьетнама, Советского Союза, с Кубы, из Венгрии, ГДР, Польши, из других стран.

...Городок Такмау, в центральной провинции Кандаль, в 12 километрах от Пномпеня. Несколько заасфальтированных улиц, одно-двухэтажные дома. За глухим забором — старые, приземистые больничные корпуса. Полпотовцы превратили их в тюрьму. Каменные лежаки, массивные двери, решетки на окнах, в стенах — выбоины с остатками цепей. Сюда и прибыли в январе прошлого года советские медики.

— Больница тогда действовала уже по назначению, — рассказывает Татьяна Владиславовна. — В единственном мало-мальски пригодном корпусе размещались два крохотных отделения — родильное и терапевтическое. Прием вел доктор Ним, опытный, грамотный

врач, но один на всю округу. Мы сразу же взялись за работу, каждый принимал в день до ста больных. Одновременно начался с помощью местных властей и Международного Комитета Красного Креста ремонт других корпусов, уже к лету тут были оборудованы новые отделения, и больница приобрела нормальный вид. Переводчиком у нас был молодой парень по имени Сидач, студент медицинского факультета Пномпеньского университета, разогнанного полпотовцами в первые же дни своего правления. Его отец, филолог, старший брат, инженер, сестра-студентка — все погибли. Сколько таких трагедий узнали мы от кампучийских коллег, от пациентов! Можно лишь преклониться перед мужеством народа, сумевшего вынести этот кошмар.

Вскоре уже все жители городка и его окрестностей знали, что в Такмау работают советские врачи, и многие приходили, чтобы просто увидеть своими глазами посланцев далекой страны, поблагодарить за благородный труд. Более чем 30 тысячам кампучийцев оказал необходимую помощь отряд Советского Красного Креста. Тысячи людей были спасены от инфекционных заболеваний благодаря санитарно-профилактическим мерам, которые проводили терапевты Кайрат Байгарин и Владимир Верещагин. Фельдшер Светлана Казакова организовала детскую сандружицу из школьников старших классов, и, может быть, они тоже со временем станут врачами, которые так необходимы сейчас их родине.

Два-три раза в неделю на желтом «уазике» — он также прибыл самолетом из Москвы — отряд выезжал в районные медпункты центральной провинции. Тут положение было еще хуже: тесные, часто полуразрушенные помещения, нет инструмента, медикаментов, нет квалифицированного персонала, в лучшем случае — фельдшер или медсестра. Наши медики устраивали для них консультации, снабжали всем необходимым, сами вели прием, тяжелобольных брали на лечение к себе, в Такмау. Постепенно положение нормализовалось и в районах. Сюда пришли выпускники организованных народной властью курсов по подготовке медперсонала, стала поступать продукция собственной фармацевтической промышленности, воссозданной в стране. Выпустил первых врачей медицинский факультет Пномпеньского университета.

— Вволновала меня, вызвала еще более глубокое уважение к кампучийцам их спаянность, взаимовыручка, — рассказывает Татьяна Владиславовна. — Все, от мала до велика, дружно выходят на субботники по благоустройству городов и сел, восстановлению дорог, дамб, мостов. Здесь двое из каждого троих детей — сироты, но вы не увидите бездомных: для ребят, оставшихся без родителей, без крова, правительство создало приюты, а многих взяли на воспитание другие семьи. Однажды ко мне на прием пришла женщина с девочкой лет пяти на руках. Малышка металась в жару: малярия. Спрашиваю: «Это ваша дочь?» Та качает головой и показывает на бывшее тюремное кладбище во дворе: «И отец и мать Ан погибли в этом застенке. Я просто их соседка, своих детей у нас трое. Умоляю вас, спасите девочку!» И она почти не выходила из больницы, пока Ан выздоравливала. На прощание благодарил меня со слезами на глазах: «Спасибо, доктор! Приходите к нам в гости. Теперь мы живем хорошо: в городе открылась авторемонтная мастерская, муж получил там работу. Государство помогает продуктами, одеждой».

Страна возрождается. Дают продукцию уже четыре пятых всех промышленных и кустарных предприятий, работавших до 1975 года. Представлен на всенародное обсуждение проект новой конституции, а в начале этого года состоятся первые за много лет всеобщие выборы. Зреет урожай на почти полутора миллионах гектаров угодий, засеянных в нынешний полевой сезон. Республике уже не угрожает голод, отступают такие распространенные совсем недавно болезни, как малярия, дизентерия, холера. Значительно снизилась смертность. В этом немалая доля заслуг и медицинского отряда Советского Красного Креста. Страна высоко оценила труд наших врачей: министр здравоохранения НРК Ну Бенг вручил каждому медаль «За освобождение Народной Республики Кампучии».

Наш разговор с Т. В. Кузнецовой происходил в последние дни 1980 года.

— А встречали мы его... в апреле, по лунному календарю, — с улыбкой вспоминает она. — Новогодний праздник там похож на наш: наряжают гирляндами огней и яркими игрушками пушистое зеленое деревце, собираются семьями за столом, поют, танцуют. Люди поздравляли друг друга не просто с очередным годом, а с новым годом новой жизни, которая все уверенней побеждает в стране.

Б. ЛАБУТИН

НАМИБИЯ

СВАПО ПРОДОЛЖАЕТ БОРЬБУ

В пятистах километрах к северу от Виндхука, столицы Намибии, на главной дороге, которая ведет к границе Анголы, расставлены заграждения и размещены военные лагеря с пулеметами на сторожевых вышках. Овамбленд — район, в котором Народная организация Юго-Западной Африки (СВАПО) пользуется наиболее широкой поддержкой населения, превращен оккупантами ЮАР в огромный укрепленный лагерь. На протяжении 450 километров территория окружена проволочными заграждениями, проход туда осуществляется только через военные посты. Самолеты, бронетранспортеры, противоминные машины, наземные, патрули — на всем лежит печать войны. Самые высокие строения — например, водонапорные башни — служат наблюдательными пунктами. Города, где собраны белые — главным образом чиновники и военные, — воскрешают в памяти концентрационные лагеря.

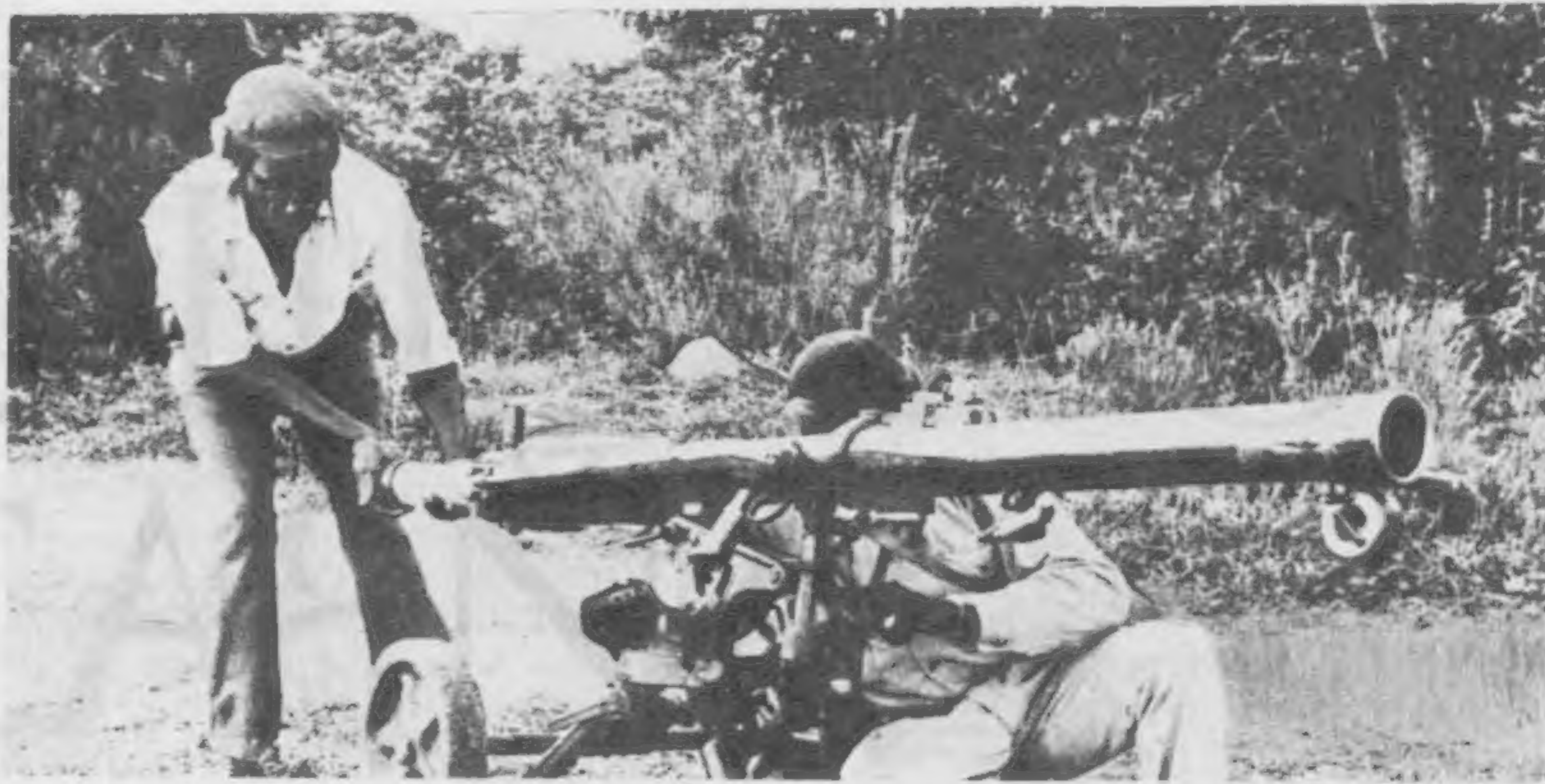
Так режим Претории пытается увековечить незаконную оккупацию страны, позволяя тем самым

некоторым западным державам продолжать хищническую эксплуатацию природных ресурсов Намибии, которые, как известно, огромны, особенно запасы урана. Вот зачем нужны расистам укрепленные районы, танки и колючая проволока.

Но даже официальные лица в ЮАР признают, что рано или поздно им придется убраться из этой страны. Убраться, несмотря на то, что ими сосредоточено в Намибии от 75 до 100 тысяч солдат.

Партизанские отряды СВАПО — мобильные, хорошо знакомые с местностью — наносят все более ощутимые удары по войскам оккупантов. Выступая в прошлом году в Париже на Международной конференции солидарности с борьбой народа Намибии, президент СВАПО Сэм Нуйома заявил, что «усиление вооруженной борьбы остается единственным эффективным средством достижения независимости».

На снимке: артиллеристы народно-освободительной армии Намибии ведут огонь по оккупантам.

ФРГ

«НАЦИСТОВ — ВОН!»

Под транспарантом с такой надписью выступает известная исполнительница политических песен Лиза Фитц.

Демократическая общественность ФРГ встревожена ростом неонацистской активности, провоцируемой попустительством со стороны властей и юридических инстанций. Большинство населения страны требует принятия решительных мер против коричневой опасности, немедленного роспуска неонацистских организаций.

Некоторые западные средства

массовой информации пытаются ввести в заблуждение общественное мнение, представляя деятельность неонацистов чуть ли не «движением неудачников», действующих изолированно и практически неорганизованно. Однако у многих жителей ФРГ свежи в памяти акты насилия и вандализма, совершенные хорошо оснащенными неонацистскими группами, например, так называемой «военно-спортивной группой Гофмана», взорвавшей совсем недавно бомбу в Мюнхене, в результате чего были десятки жертв.

ИТАЛИЯ

НА ПОРОХОВОЙ БОЧКЕ

Они уже «привыкли» к грохоту реактивных моторов, лязгу танковых гусениц и артиллерийской канонаде. У них отняли почти десятую часть территории, и почти двести тысяч гектаров теперь нельзя использовать для сельского хозяйства, промышленности, туризма. Они — это жители острова Сардиния, одного из живописных мест Средиземноморья.

Этот остров находится в самом центре Средиземного моря, а следовательно, представляет собой в глазах натовских стратегов нечто вроде непотопляемого авианосца. Помимо ядерного оружия, здесь находятся склады горючего и боеприпасов, полигоны для боевых самолетов НАТО и США, стартовые ракетные площадки и многие другие военные объекты, которые, по мысли их создателей, должны обеспечить жителям острова безопасность.

Сардинцы же платят за все это постоянным риском. В 1972 году один из рыбаков, ловивших кефаль неподалеку от мыса Фраска, был «по ошибке» прошит пу-

леметной очередью с самолета «Фантом». А вскоре после этого ракета уничтожила все посевы на полях в Сальто-ди-Куирре. Затем другая ракета, рассказывают очевидцы, «взбесилась» в небе над Пердасдефогю и пустилась в погоню за рейсовым реактивным самолетом. Микеле-Антонио Ледда, мэр города Сан-Веро, рассказывает, что «во время учений во всех домах вылетают стекла». Все это способствует вынужденной эмиграции (за тридцать лет отсюда уехало около 800 000 (!) человек), упадку сельского хозяйства и промышленности.

На расположенном неподалеку острове Сан-Стефано находится база атомных подводных лодок. Отмечено, что в этой зоне резко возросло число наследственных уродств, заболеваний лейкемией и злокачественными опухолями. А между тем единственная станция, сотрудники которой осуществляют контроль за радиоактивностью воздуха и моря, может быть закрыта из-за отсутствия государственных средств.

ПАНОРАМА
МЕЖДУНАРОДНАЯ
ПАНОРАМА

Старый романс на новый лад.

Все в прошлом.

Южноафриканский расист: — По защите прав человека мы держим пальму первенства.

Поддерживает.

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

ВОЗВРАЩЕНИЕ АЙВАЗОВСКОГО

Цветная художественная вкладка этого номера «Огонька» представляет шесть полотен И. Айвазовского, почти неизвестных широкому зрителю. До недавнего времени они находились во Франции, в Париже, и принадлежали коллекционеру А. Джинджяну. Несколько лет назад он подарил Ереванской картинной галерее сорок одно полотно И. Айвазовского и четыре работы И. Репина и И. Шишкина. Произведения, представленные на нынешней вкладке, — из их числа.

Специальный корреспондент «Огонька» Ашот Арзуманян побывал в Париже и встретился в А. Джинджяном. Сегодня и в следующем номере мы публикуем рассказ об этом собирателе, о том, как складывалась его коллекция.

Февральским вечером я шел по улицам Парижа на церемонию учреждения Ассоциации по передаче культурных ценностей Советской Армении. Кружа в воздухе, падали редкие снежинки, таявшие тут же на лету, и только на вереницах автомашин они задерживались легкой вуалью.

На торжественном открытии присутствовали представители армянских прогрессивных организаций, советского посольства, художники и артисты. В приветственном слове председатель ассоциации рассказал о ее целях и задачах, о воскресной школе для армянских детей, желающих изучить родной язык. Были приветствия, а потом началась непринужденная беседа. Я познакомился с пожилым человеком.

— Джинджян, — представился он. — Вы из Еревана, а потому разрешите спросить: моя фамилия вам ничего не говорит?

Я несколько смутился. Джинджян сказал:

— Я подарил моей родине сорок одно полотно Ованеса Айвазовского и по две работы Репина и Шишкина. То есть все, что составляло смысл моей сознательной жизни. Сейчас мне восемьдесят семь. По моей просьбе многие парижские армяне, мои друзья и родственники посетили картинную галерею Еревана, но в залах, где экспонируются картины Айвазовского, нигде не встретили моей фамилии...

Абраам Джинджян вопросительно и взволнованно смотрел на меня, ожидая моей реакции, моего ответа. Я вспомнил залы выставки картин Моне в Париже, где на днях провел несколько чудесных часов. Под одной из работ, привезенных из Советского Союза, на латунии значится фамилия человека, подарившего это полотно Эрмитажу.

По возвращении в Ереван я зашел к директору галереи, профессору, народному художнику Армении, моему другу детства Эдуарду Исабекяну. Он немедленно распорядился исправить досадное упущение.

Наш разговор коснулся работ Айвазовского. «Большое количество картин создал великий мастер, — говорил Исабекян, — их можно встретить почти во всех музеях мира. Много лет наша картинная галерея кропотливо собирала и собирает его работы, и можно смело сказать, что она обладает значительной коллекцией полотен художника — около семидесяти работ, и среди лучших — картины, подаренные Джинджяном. Особо хочется упомянуть полотна «Христофор Колумб», «Буря у берегов Ниццы», «Перед бурей», «Волна», «Кораблекрушение»...»

Эдуард Исабекян попросил передать Джинджяну фото картины Айвазовского, на которой он прочтет свою фамилию на армянском языке.

Через несколько месяцев я еще раз посетил залы Айвазовского и встретил здесь одного из основателей картинной галереи Еревана — заслуженного деятеля искусств Армении Рубена Дрампяна. Наша беседа также шла о творчестве великого мариниста.

— Собрание произведений Айвазовского в нашей галерее по количеству уступает лишь Феодосийской, — заметил Дрампян. — Еще в первые годы организации галереи к нам поступило несколько значительных произведений мастера. К ним следует отнести «Восход солнца на набережной Феодосии», написанный в 1855 году, «Рыбаки на берегу моря» — 1852 год, «Неаполитанский залив в туманное утро» — 1874 год.

Картина «Неаполитанский залив» — одно из лучших творений Айвазовского и не уступает таким прославленным картинам, как «Девятый вал» в Русском музее или «Черное море» в Третьяковской галерее, — продолжал старейший искусствовед. — Полотно получило высокую оценку И. Н. Крамского: «Айвазовский, кто бы и что бы ни говорил, есть звезда первой величины, и не только у нас, а и в истории искусства вообще».

В картине «Неаполитанский залив в туманное утро» художник поставил и разрешил пленэрную задачу, которую также ставили французские импрессионисты. Передача туманной атмосферы, которой пропитан окружающий воздух, выполнена им блестяще. Эта картина в галерее среди работ Айвазовского не только лучшая, но и единственная в своем роде. Конечно, истинное сокровище — полотна, подаренные Абраамом Джинджяном, — заключил Рубен Дрампян.

В следующий мой приезд в Париж однажды вечером в гостинице раздался телефонный звонок.

— Мсье Ашот, вас беспокоит Джинджян. Я вернулся из поездки и готов встретиться с вами. Мне будет очень приятно видеть вас в своем доме.

Через несколько дней, первого июня, я оказался на улице Рошешуар у старинного дома 26, где живет Джинджян. Он встретил меня еще у станции метро. Двухместный лифт доставил нас на четвертый этаж. На площадке полумрак. Звоним. Дверь распахивается. Мы входим в слабо освещенную узенькую переднюю. Встречает зять. Он приветствует меня на своем родном — французском и на армянском языках. По-видимому, слова приветствия — весь запас его знаний армянского. Абраам Джинджян приглашает меня в залитый светом кабинет-гостиную.

— Нам сегодня повезло. Вообще-то, энергетики Парижа вот уже который день бастуют.

Я передаю хозяину дома большой конверт с фотографиями.

— Это вам, обещанное.

Он быстро достает снимки и вслух читает под картиной «Христофор Колумб» подпись: «Из подарков Джинджяна. Париж».

Передо мной сидел человек, который от радости не знал, как выразить свои чувства.

— Помните нашу первую случайную встречу?

— Как не помнить. Теперь я счастлив. Значит, на родине помнят старого Джинджяна.

Я бросил взгляд на убранство комнаты. Высокий буфет, стол, стулья — все старинное. На стенах несколько фотографий в рамках, среди них в красивой раме редкий фотопортрет Айвазовского. Через дверь в смежную комнату виден телевизор, рядом этажерка с книгами и два низких мягких кресла. Ничего лишнего. Джинджян, словно очнувшись, спросил:

— С чего начнем нашу беседу?

— С вашей биографии.

— Я скромный человек, с раннего возраста видевший холод и голод, и когда я пустился в самостоятельное плавание по морю житейскому, то не знал, к какому берегу пристану. Скитаясь по разным городам и городишкам, я всегда помнил слова отца: «Если смолodu не научишься какой-либо профессии и языкам, пропадешь в жизни». Поэтому я владею, кроме армянского, французского и немецкого, еще и арабским языком. В 1911 году, когда мне было восемнадцать лет, учился и работал в сельскохозяйственной школе, неподалеку от Марселя. Но агроном из меня не получился, хотя накануне первой мировой войны окончил школу с отличием. К этому времени в поисках средств для существования я попал в городок недалеко от Марселя. С ужасом вспоминаю работу в подземных угольных карьерах, грошовые заработки — три франка в день. Чтобы начать жить по-человечески и обзавестись семьей, надо было иметь какую-то более надежную профессию, думал я. Поэтому с 1917 года обосновался в Марселе и в двадцать четыре года стал учеником у одного из прекрасных мастеров, знатока кожаных и обувных дел. Опытный специалист терпеливо учил меня всем тонкостям своей профессии, постоянно твердя: «Без любви нельзя овладеть каким-либо делом. Запомни, Абраам». С тех пор я работаю посредником по оптовой продаже продукции различных французских обувных фирм. До недавнего времени представлял пять фирм, работал с семи утра и до одиннадцати вечера. Теперь, когда мне восемьдесят семь лет, я получаю пенсию и представляю только две фирмы. Слава богу, дочь моя Вероника окончила марсельскую консерваторию. Она пианистка. Зять тоже работает. Жена рано ушла из жизни. Сын Рене, невропатолог, внезапно скончался три года назад...

Воспоминание о смерти сына опечалило Джинджяна. Рядом со мной теперь уже сидел, сжавшись, глубоко страдающий человек. Немного успокоившись, он продолжал:

— Как видите, в моей биографии нет ничего примечательного. Обычная борьба за существование и стремление дать детям образо-

И. Айвазовский. 1817—1900. БУРЯ НА МОРЕ. Публикуется впервые.

Ереванская картинная галерея.

ЧУМАКИ. (ЦЫГАНСКИЙ ТАБОР). Публикуется впервые.

И. Айвазовский. НИЦЦА НОЧЬЮ. Публикуется впервые.

Ереванская картинная галерея

вание, чтобы они оказались более жизнестойкими в мире, где перед франком снимают шляпу.

— Как родилась у вас идея коллекционировать полотна Айвазовского? — спросил я.

— Живя в Марселе, я влюбился в море. Все свободное от работы время проводил в марсельском порту, на лазурном берегу Канн и Ниццы, куда приезжал по служебным делам. Постепенно капризное море завладело всем моим существом. Я любил в марсельском порту наблюдать за уходящими в океан кораблями, за причалившими к берегу в штормовую погоду рыбацкими шхунами. Был заядлым пловцом. Несколько раз на себе испытал могучую силу штормов. Тонул. Все было. В годы молодости я еще не имел ни малейшего понятия о творчестве Айвазовского. Но вот однажды в двадцать четвертом году раздался звонок. Я отворил двери. Незнакомый человек средних лет передал мне письмо от моих близких родственников с просьбой устроить его — Грима — на какую-либо работу и оказать на первое время материальную помощь.

Я выполнил их просьбу. Грим ушел, довольный теплым приемом. Несколько недель он не появлялся. И вот как-то прибыл с большим пакетом. Он сказал, что по моей рекомендации хозяин книжного магазина принял его на работу. Его обязанностью стало приобретение ценных старинных книг у частных лиц. Протянув мне пакет, Грим объяснил, что находившуюся в нем картину купил по сходной цене и подносит мне как благодарность за горячее участие в его судьбе. Я раскрыл пакет и увидел полотно в добротной раме с подписью: «Буря на Черном море», Айвазовский». Опомившись от неожиданной встречи с прекрасным творением, я вопросительно смотрел на Грима. Он стал рассказывать мне некоторые подробности об авторе этой картины.

«Буря на Черном море» настолько заворожала меня, что стало чудиться, будто картина дышит, волны вздымаются и вот-вот хлынут из рамы. Я был потрясен мощью этого видения. С того момента, с первой встречи с Айвазовским, я как будто вновь родился. Родился человек, для которого творчество художника стало почти болезненным увлечением. Мне хотелось все глубже проникать в мир его образов. И я стал учиться. Теперь уже при первой возможности приобретал книги о живописи, о маринистах. Постепенно интуитивная любовь к Айвазовскому стала осмысленной, продуманной.

Через несколько дней Грим сообщил, что в Каннах, приобретая старинные книги у одного отставного офицера по фамилии фон Тервиш, он увидел большое полотно Айвазовского «У берегов древней Греции». Утром на своей старенькой машине я выехал в Марсель, благо у меня там были дела, а оттуда в Канны.

О цене мы с фон Тервишем быстро сговорились, и я стал обладателем второго произведения моего любимого художника. В картине все подчинено душевному движению автора, насыщено глубокой поэтической правдой, любовью к Элладе, к жизни.

— Мсье Джинджян, судя по всему, вы рисковали. Вас могли обмануть, предложив искусно выполненную подделку.

— Совершенно верно. Вначале я был доверчив, и мне просто везло. Эксперты подтверждали подлинность моих приобретений. Но однажды я все-таки обжегся. Когда я показал специалисту небольшой морской пейзаж, он прямо сказал, что это не оригинал Айвазовского. Я долго буду помнить полный сочувствия взгляд эксперта, который в назидание на будущее посоветовал никогда не покупать картин без консультации со знатоками. Охотников копировать великого мариниста слишком много.

Любовь к искусству Айвазовского целиком овладела мною. Друзья и знакомые, как только узнавали, что кто-нибудь собирается продать картины художника, звонили, телеграфировали, писали мне письма.

С каждым годом коллекция увеличивалась, и мне стало ясно, что я не могу остановиться. Для осуществления замыслов нужны были деньги, и немалые. Поэтому большую часть заработка я откладывал на приобретение и заявил членам моей семьи, чтобы жили экономно.

Однажды в Ницце произошел забавный случай. За картину «Буря на море» торговец антикварного магазина заломил такую высокую цену, что мне пришлось отдать ему даже деньги, отложенные на обратный путь. Вдогонку он бросил: «Мсье, не огорчайтесь, в Париже живет армянин по фамилии Джинджян, он коллекционирует картины Айвазовского. Найдите его. Эту же картину он купит у вас за еще большую сумму». Я не знал, плакать мне или смеяться. Радостный, что приобрел еще одно полотно, без единого франка в кармане, голодный, отправился на вокзал, чтобы переночевать на скамье в зале ожидания. Постепенно в нашей семье создался культ Айвазовского. Если сын и дочь одобряли мое увлечение, то этого нельзя сказать о моей жене.

— Абраам, не останавливаясь перед расходами, ты приглашаешь реставратора, страховые расходы тоже велики. Таким вниманием, как Айвазовский, у тебя не пользуется ни один из членов нашей семьи. Не считаясь с нами, зашторил окна большой комнаты — гостиной, чтобы солнце не повредило картины. Нагрузил себя непомерной работой, не знаешь отдыха. Влезаешь в долги, занимаешь деньги. Пусть это трижды шедевры, но я не могу быть спокоен. Ты сам всегда осуждал тех, кто живет в долг. С тобой творится неладное. Тебе нужно привести в порядок нервы.

Я старался не вступать в спор с моей труженицей, милой женой. Все тяготы домашней жизни она несла мужественно. Чувство признательности не оставляло и тени обиды за ее ворчания. В глубине души я сознавал справедливость таких волнений. Она готова была сидеть на одном хлебе и воде, только не влезать в долги. Я же был спокоен. Не было в моей жизни случая, чтобы вовремя не возвратил свой долг.

Из года в год пополнялась коллекция. Оказавшись по своим делам в Бордо, знакомый антиквар, которому я доверял, раздобыл для меня адрес старика, собиравшегося продать картину Айвазовского «Чумаки». Тот запросил такую цену, что мой горячий порыв вдруг поостыл. Сделав над собой усилие, я собирался извиниться за беспокойство и уйти. Но тут хозяин дома примирительно пригласил присесть. Я машинально опустился в первое попавшееся кресло.

Он сказал: «Мсье, за это прекрасное творение Айвазовского мне предлагали и больше. Но тогда я не хотел с ним расстаться. А сейчас мне очень нужны деньги. Вы же видите, я еле передвигаюсь. Как бы франки ни менялись, Айвазовский всегда в цене. Пока у меня были некоторые сбережения, я обходился. А на пенсионные средства никто не станет меня лечить. Вы же знаете, как дорого беру у нас в госпитале за день».

У меня никогда не было таких денег. В уме прикинул возможную стоимость и то, что держу в кошельке. Назвал сумму, правда, тоже солидную, и сказал, что это все, чем я располагаю.

— Давайте остановимся на новой цене. У вас в Бордо, вероятно, есть друзья, берите займы остальное — и картина ваша.

Я не стал отказываться. Так картина «Чумаки» заняла свое почетное место в моей коллекции.

Нашу беседу прервал телефонный звонок. Дочь Вероника попросила отца к аппарату.

Пока Джинджян был занят деловыми переговорами, я мысленно перенесся в картинную галерею Еревана, где перед приездом в Париж любовался произведениями Айвазовского, картиной «Чумаки» («Цыганский табор»). Это полотно выделялось не только высоким мастерством, но и необычным для Айвазовского сюжетом. Море едва заметно в глубине картины, а на переднем плане изображен цыганский табор. Цыгане собирают на побережье соль, а точнее, песок, из которого соль вываривают.

На полотне видное место занимают фигуры людей, которые редко присутствуют в произведениях художника. Картина написана в 1857 году, в пору наивысшего расцвета мастерства Айвазовского.

Окончание следует.

ПОМНИТЕ НАС...

Спектакль Брянского драматического театра «Дмитрий Донской» посвящен великому событию в истории нашего народа — 600-летию Куликовской битвы.

Постановка создана по героико-эпической драме Н. Витарского (режиссер В. Голуб). Драматург концентрирует свое внимание на одном из решающих этапов русской истории. Речь идет о преданности Родине, о защите национальных прав, о солидарности людей во имя свободы и независимости.

Замысел постановки во многом определен трактовкой образа Дмитрия Донского. Молодой актер В. Поляков подчеркивает такие черты характера героя, как страстность и бескомпромиссность, убежденность в своей правоте. В спектакле Дмитрий Донской — опытный и умудренный государственным делами правитель, но и молодой совсем, горячий, темпераментный человек, чуждый дипломатическим уловкам. Внешний облик Дмитрия, каким он возникает на сцене Брянского театра, совпадает с представлением о русском богатыре, былинном герое. Дмит-

рий — Поляков — высокий и крепкий, на пригожем лице выделяются ясные пронизательные очи. И портрет и вся в целом интерпретация образа Дмитрия Донского воплощают личность в полной мере героическую, осознающую свою ответственность и свое право на то, чтобы вершить судьбы нации.

Все практически персонажи в спектакле — горожане, латники, бояре, монахи, крестьяне, полководцы — чувствуют значительность своего личного вклада во всенародное дело, в саму историю, которая творится их собственными усилиями. Одна из самых запоминающихся, выразительных сцен — прощание жителей Москвы с воинами, направляющимися прямо к Соборной площади в поход на Мамаю. На фоне всеобщего волнения, под звон колоколов и гул разноликой толпы зритель успевает заметить многих персонажей — тех, кому суждено стать участниками великой битвы. Это застенчивый молодой крестьянин Карлуша (В. Мусатов) и озорная, бойкая на язык Любка (З. Багаева); основательный, хозяйственный му-

жик-сермяжник (К. Вологдин) и его хлопотливая жена Маланья (Н. Горшенина). По-разному сложатся судьбы этих людей. Кто-то из них познает горечь невозможной утраты, кто-то погибнет на поле Куликовом, в кровавой сече...

Спектакль Брянского театра обрамлен вступлением и эпилогом. Эти красочные эпизоды призваны раскрывать идейную и художественную задачу «Дмитрия Донского». Вступление — плач русских женщин по истерзанной, кровотокающей русской земле, призыв к стойкости и мужеству. В финале хор вновь появляется перед зрителями, но уже для того, чтобы воспеть героический подвиг воинов-освободителей. И тогда особенно выразительно звучат слова Дмитрия Донского, обращенные прямо к зрительному залу: «Вы, нынешние, не позабудьте...»

Из глубин истории мы слышим призыв: помните нас...

Т. ЕРМАКОВА
Сцена из спектакля.
Фото И. Рабиновича

Лет сто назад, а может быть, еще раньше, завезли кубанские казаки на родину семена экзотического растения, которое они называли «сарацинским просом». Это был рис. Он рос в самых топких, гиблых местах Приазовья, чем неизменно поражал воображение стихийных экспериментаторов, собиравших по соседству с дремучими камышами тяжелые золотые метелки с белым, как жемчуг, зерном... Понадобились многие десятилетия, пытливость и смелость хлеборобов нашего века, чтобы рис покорила сердца кубанцев и наконец занял как полноправный хозяин тысячи и тысячи гектаров в низовьях Кубани. С 1974 года здесь настойчиво и последовательно осуществлялась в небывалых масштабах комплексная программа освоения Приазовских плавней.

И вот плавни отступили, поднята кубанская целина. За годы десятой пятилетки освоены новые сто тысяч гектаров бросовых земель. В минувшем 1980 году кубанцы собрали БОЛЕЕ ОДНОГО МИЛЛИОНА ТОНН РИСА. Центральный Комитет партии, товарищ Л. И. Брежнев горячо и сердечно поздравили всех трудящихся Кубани с большой трудовой победой. Но большие победы не бывают легкими.

Наш специальный корреспондент Н. Быков попросил первого секретаря Краснодарского крайкома КПСС, Героя Социалистического Труда Сергея Федоровича МЕДУНОВА рассказать об освоении Приазовских плавней, о новых успехах рисоводов Кубани и о проблемах рисосеяния в крае.

С. МЕДУНОВ,
первый секретарь
Краснодарского
крайкома КПСС

Фото Б. КУЗЬМИНА,
специального
корреспондента
«Огонька»

«Отрадно отметить, что Кубань ныне не только зона производства высококачественной пшеницы, она стала и крупным районом отечественного рисосеяния» — эти слова Леонида Ильича Брежнева кубанцам особенно дороги. Победа действительно одержана большая. Решение XXV съезда КПСС по освоению тысяч гектаров новых рисовых плантаций выполнено.

Все мы в Краснодарском крае до сих пор находимся под впечатлением суровой и яростной, иначе не скажешь, битвы за большой рис в минувшем году. Известно, как складывался год с ранней весны — трудно, тревожно. Но это был особенный год — завершающий год десятой пятилетки, когда наступили последние сроки для выполнения обязательств, взятых нами на XXV съезде партии. Обязательств больших и очень ответственных! Это означало, что за считанные годы предстояло создать у нас крупную базу отечественного рисосеяния.

Мы знали: даже такая грандиозная задача нам по плечу. Но понимали и другое: поход за большой рис будет нелегким. Тем серьезнее готовились к нему, тем ответственнее каждый кубанец относился к взятым обязательствам, к своему делу.

Все, что произошло на рисовых плантациях в минувшем году — это настоящий подвиг широких масс трудящихся. В крае не было ни одного человека, который бы так или иначе не поработал на кубанский миллион риса! С весны до поздней осени труженики Кубани жили одной думой: взять рис весь, до зерна, несмотря на все невзгоды, обрушившиеся на нашу землю в том году. Весна была холодная и настолько дождливая, что угроза сорвать сев была реальной. Что делать? Ждать погоды? Ждали, пока можно было, но вот наступил день, когда нужно было что-то решать, брать ответственность за судьбу будущего урожая. И мы решились действовать! Как? Ведь чеки наполнены лишней дождевой водой. Решили применить по рекомендации ученых из Всесоюзного НИИ риса эффективный способ подготовки почвы в чеках по воде. Преодолели сомнения, возражения, доводы скептиков — дело сделали. А как сеять? Тоже по воде? Да, и сеяли всеми способами, даже с воздуха! Представьте, даже родилось такое слово: авиасев. Почти на сорока тысячах гектаров, где обычные сеялки тонули в чеках, семена риса рассеивали с самолетов и вертолетов...

Итак, первый — весенний — этап битвы выиграли. Но год, повторюсь, был на редкость сложным, даже коварным. Летом пошли сорняки, да так густо, что борьба с ними потребовала всех сил и способов самых оригинальных. Снова подняли в небо сельскохозяйственную авиацию. Многие переулаженные поля впервые в практике обрабатывали с самолетов смесями гербицидов, что дало заметный эффект: засоренность полей даже в год чрезвычайно неблагоприятный уменьшилась по сравнению с предыдущими годами на тридцать — сорок процентов.

Но лето преподнесло еще один сюрприз — жару. Хлебостой в пшеничной степи и рис на всех двухстах двадцати тысячах гектаров был прекрасный. Душа радовалась. Казалось, главные трудности позади. Но такова доля хлеборобская — как бы ты мудр и трудолюбив ни был, многое еще зависит от неба, от капризов погоды. Вдруг теплое лето стало нестерпимо жарким. Ртутный столбик термометра пополз вверх и преодолел отметку сорок. А ближе к земле температура поднялась до плюс шестидесяти — семидесяти.

И такая жара навалилась как раз во время формирования метелки риса. Вода в чеках чуть не закипала. Каково растениям? Все, кто болел за урожай, срочно искали вы-

КУБА

хода из создавшейся ситуации. Принять неожиданное решение помогли рекомендации ученых, советы с опытными хлеборобами, агрономами: горячую воду спустить в каналы! Прекратить пытку растений можно было только так. Но это был риск, очень большой риск. Воду спустить недолго, но вот-вот наступят сроки для налива зерна — хватит ли тогда воды в хранилищах, в нашем рукотворном Краснодарском море, чтобы снова залить чеки? Хватит ли воды в верховьях Кубани и еще выше — в горах, откуда мы получаем воду? Вдруг не хватит? И снова сердце замирало... Не хватит воды — зерно не вызреет, не будет весомым. Настоящая драма положения, и драматизм тех дней кубанцам долго не забыть. И все-таки воду в чеках заменили. Взамен спущенной дали полмиллиарда кубометров свежей воды. Кроме того, был ужесточен режим ее экономии, на учет взяли каждый кубометр воды, и риск оправдал себя.

Урожай был заложен могучий. Оставалось готовить технику к уборке. Все говорило о том, что самое худшее позади... Но, к сожалению, пока зерно не в амбаре, не сдано на элеватор, нет и не может быть покоя у хлебороба, особенно у рисовода.

Наступило третье действие драмы: в самом начале рисовой страды зачастили дожди, да какие — холодные, без передышки. Надо было спасать прямо-таки богатырский урожай. Весь край был как бы отоброшен. Предстояло так организовать жатву, обмолот, вывозку риса, ремонт техники, питание и хотя бы краткий отдых людей, чтобы выйти из этого беспощадного испытания с минимальными потерями риса.

Запомнились слова комбайнера Валентины Афанасьевны Зайцевой: «Такой сложной уборки никогда не было, хотя за мною одиннадцать сезонов!» Таково мнение и тех, кто проработал еще больше.

Так начиналась памятная битва за рис.

НСКИЙ РИС

Поединок с природой выиграли люди. В чеки была брошена вся наличная техника, южным рисовым районам помогали все районы края. На помощь приехали тысячи горожан. Там, где комбайны даже на широких гусеницах тонули, рис косили косами, жали серпами. Да, было и такое — в ход пошли серпы и косы, которых многие молодые люди никогда в глаза не видели. Но рис надо было спасти, взять — и его взяли, спасли. Вынесли из затопленных чеков в буквальном смысле слова на руках!

Все весомые тонны риса, все до единой — а их более миллиона — прошли через руки мужественных, самоотверженных участников небывало тяжелой страды. На каждый комбайн нагрузка возросла с двадцати пяти гектаров до сорока пяти... Но кто подсчитает, на сколько, а точнее, во сколько возросла нагрузка на каждого человека? Комбайнеры, машинисты жаток, косари, шоферы, механики по два-

дцать часов не выходили из чеков, не ложились спать, ели почти на ходу, пока заправлялась машина. Часто впереди ползущего с трудом комбайна шли, погружаясь в спутанный рис и почти болотную топь, мужчины и женщины с вилами — они, промокшие до нитки, поднимали рис, чтобы способнее было захватить его жаткой...

Можно так сказать: победить помогло чувство обоснованного оптимизма! Переживания достались самые нелегкие, порою мучительные. Люди наши готовы к трудностям, но не к такому злему стечению обстоятельств, которое преследовало с апреля по ноябрь нас на Кубани. Тем дороже победа!

Помню, вот-вот должно было открыться партийное собрание работников аппарата в крайкоме, я задержался в кабинете, и вдруг на стол легла долгожданная сводка с фронта страды: есть миллион! Поверьте, горло перехватило... Победа. Трудно сдержать слезы, так ве-

лико было напряжение тех дней, физическое и нервное.

Есть кубанский миллион! Эта весть мгновенно облетела Краснодар, весь край. Вполне понятно ликование и горожан и жителей станиц и хуторов, всех, кто с облегчением и счастьем пережил столь ожидаемый момент: «Слово, данное партии, Родине, народу, сдержали!»

Поздравление товарища Леонида Ильича Брежнева с победой рисоводов вызвало новую волну энтузиазма. По всем районам, хозяйствам прошли летучие митинги. Обмолот — в иных местах вторично, а то и в третий раз — продолжался. Продолжалась и продажа риса государству, вывозка его на элеваторы. Сбор «белого зерна» перевалил скоро за миллион тонн...

Многие причины способствовали успеху. Помните, в книге «Целина» написано: «Историческая дистанция, делая малозаметными детали и частности, позволяет тем самым лучше, рельефнее видеть

главное, основное». Так вот главное, основное — это глубоко продуманная, научно обоснованная аграрная политика нашей Коммунистической партии. Кубанцы давно приравливались к рису как к культуре огромных возможностей. Краугольный камень новой отечественной базы рисосеяния — подписанное В. И. Лениным в апреле 1921 года постановление Совета труда и обороны «О борьбе с засухой». Именно оно положило начало плановым ирригационным работам, в частности, у нас на Кубани. Через три года был создан Кубано-Черноморский союз мелиоративных товариществ. А еще через пять лет, в 1929 году, здесь был учрежден «Плавстрой», и началась мелиорация Приазовских, Закубанских и Адыгейских плавней. А возглавил исторически перспективные работы по созданию рисовых систем герой гражданской войны, легендарный командир Стальной дивизии Д. П. Жлоба, любимец простого народа и го-

Большой рис Кубани — большой праздник.

сударственный деятель нового, революционного типа.

Потом землеробы, мелиораторы, экскаваторщики, рисоводы, агрономы, селекционеры из года в год писали все новые и новые страницы истории рисовой целины и покорения плавней. Одно за другим появлялись водохранилища, рисовые системы, сеть чеков. Полвека назад в Краснодаре был создан Всесоюзный НИИ рисового хозяйства, а в 1966 году — ВНИИ риса. Семь лет назад завершилось наполнение водой Краснодарского водохранилища, которое с тех пор не раз спасало от наводнений сотни станиц и хуторов. И, наконец, в 1974 году новый стимул в борьбе за рис на Кубани дало известное постановление партии и правительства об ускорении работ по освоению Приазовских плавней. Вот тогда-то и была поставлена задача довести производство «белого зерна» до миллиона тонн в 1980 году.

Жизнь подтвердила еще раз: большая цель порождает большую энергию, особую силу преодоления. Так получилось и у нас в 1980 году. Сознательно укрупненная задача взять более миллиона тонн риса породила в крае широкое патристическое движение, в котором активно участвовали не только рисоводы.

Как всякая борьба, борьба за кубанский рис, за кубанский миллион выдвинула своих героев — героев беззаветного труда, Мастеров с большой буквы. Правозащитным среди пятнадцати ри-

сосеющих районов у нас был и остается Красноармейский район. А в районе свой флагман — рисовод совхоз «Красноармейский», который возглавляет не знающий усталости даже в свои 77 лет Алексей Исаевич Майстренко, один из старейших директоров совхозов в стране. Красноармейский район засеивает рисом свыше семидесяти тысяч гектаров, в том числе и на месте только что освоенных плавней. Урожай на всей площади собран прекрасный — более пятидесяти одного центнера с каждого гектара!

С первого дня страды лидерство в соревновании комбайнеров захватил Василий Иванович Священко из совхоза «Полтавский». Это подлинный мастер своего дела, механизатор-самородок. Он так переоборудовал, переоснастил свою машину, что к его новшествам присматриваются конструкторы. Кавалер двух орденов Трудовой Славы, он не успокоился на достигнутом в прошлые годы. Василий Иванович хорошо знает, что рисовый валок в отличие от пшеничного весьма объемист, тяжел и влажен чрезвычайно. Чтобы его с ходу поднять и обмолотить, Священко переделал свой «Колос», поставил второй бак для топлива, а когда смонтировал еще и второй бункер, пришлось ему ставить на «Колос» кабину с «Нивы» — из нее лучше обзор чека, в ней меньше пыли и шума. Такой он человек, Василий Иванович, что многие годы мечтал намолотить тысячу тонн «белого

зерна» за сезон. Он добился этого именно в нынешнем, таком «не подходящем» для рекордов сезоне — намолотил 1353 тонны. Подвиг самый настоящий! В том же «Полтавском» совхозе более тысячи тонн отгрузил из бункера и Геннадий Васильевич Упоров.

Не могу не рассказать еще об одном герое рисовой страды. На Кубани давно полюбили скромного, но такого волевого парня — Василия Темчуру. Судьба его испытывала на прочность не раз. Любит Василий технику, в частности комбайн. Начиная комбайнером завоевал первенство среди молодых механизаторов, за что был в свое время награжден орденом Трудовой Славы III степени. Но в следующем сезоне Василий постигло несчастье, он потерял ногу. Только сам Василий знает, что он пережил. Было ему чуть больше двадцати лет... Но характер помог справиться с горем, помогли друзья-комсомольцы Николай Суров и Анатолий Бедный. И вот Василий Темчура снова в строю, он возглавил комсомольско-молодежное звено в родном колхозе «Россия», а сам, как только началась жатва, повел комбайн. В минувшем году герой, а иного слова и не подберешь, намолотил 1285 тонн риса. Да еще 430 тонн пшеницы. А главное, урожай риса в его звене составил 72 центнера на каждом из 424 гектаров. Как же не гордиться нам, кубанцам, такими хлопцами!

И Священко и Темчура — коммунисты. На рисовом фронте коммунисты все страдные дни были впереди. Они были там, где рис сеяли впервые, и там, где техника не выдерживала, останавливалась в непогоду, и там, где нужно было не словом, а делом бороться за кубанский миллион.

Я уже говорил, какое решающее значение имело содружество рисоводов с учеными. Именно решающее. Всесоюзный НИИ риса возглавляет энтузиаст внедрения индустриальных рисовых систем, член-корреспондент ВАСХНИЛ, лауреат Государственной премии СССР Евгений Павлович Алешин. И директор института и его сотрудники умеют работать и в лабораториях и в поле, там, где их своевременная помощь, конструктивная мысль особенно ценны.

Своеобразие риса в том, что это растение объединило интересы, усилия агрономов и инженеров. А теперь еще и авиаторов. Рис — растение огромных возможностей. Урожай его может намного превысить и сто и двести центнеров с гектара. Наши ученые ведут целенаправленные работы в области селекции, в области программирования урожая риса. Они разрабатывают новые, все более совершенные технологии для рисовой индустрии. Важно, чтобы растение полностью проявило могучие генетические возможности, запрограммированные природой.

Изучение риса и первые годы эксплуатации инженерных систем на Кубани четко обозначили серьезные проблемы рисосеяния. В одиннадцатой пятилетке предстоит создать тысячи гектаров орошаемых площадей и почти на восьмидесяти тысячах гектаров провести реконструкцию старых систем, внедрить новые сорта. Все это потребует новых усилий в разработке специальных машин, особенно уборочных. Мы

теряем многие тонны только из-за несовершенства существующих марок уборочной техники. Комбайны не могут взять урожая выше сорока центнеров. Но рис сплошь и рядом дает и пятьдесят, и семьдесят, и сто центнеров! Ясно, что устарели сами принципы молотильного устройства существующих комбайнов. Давно разработано планетарно-очесывающее молотильное устройство. Однако конструкторский «воз» и ныне там, на задворках сельскохозяйственного машиностроения...

Проблем решено немало, но часть их переходит с нами в одиннадцатую пятилетку. Сейчас весь советский народ внимательно изучает проект ЦК КПСС к XXVI съезду партии «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года». Программу, которая будет принята на XXVI съезде КПСС, кубанцы выполнят, как выполняли до сих пор все предначертания партии. Мы на Кубани гордимся тем, что осуществление грандиозного плана развития рисовой житницы в крае связано с именем товарища Л. И. Брежнева. Его внимание и помощь мы ощущали постоянно. В победе на плантациях решающую роль сыграло принятое в свое время по инициативе товарища Л. И. Брежнева постановление партии и правительства «Об ускорении работ по освоению Приазовских плавней для дальнейшего увеличения производства риса в Краснодарском крае».

В стране да и за рубежом не было опыта, который можно было бы взять за образец и применить на наших богатырских плантациях. Рис — культура завтрашнего дня, требует инженерного мышления на всех стадиях возделывания и уборки. Технология выращивания его в мелких чеках с применением малой механизации, с львиной долей ручного труда нам не подходила и не подходит. И кубанцы разрабатывали, внедряли и совершенствуют свою агротехнику риса на индустриальной основе. Она полностью отвечает как возможностям растения, так и современной технической вооруженности, а также требованиям социалистической экономики. У нас созданы прекрасные отечественные сорта риса, например «краснодарский-424», короткостебельные «спальчик», «жемчужный», «старт», «кулон». Испытаны и ждут серийного производства оригинальные машины: культиватор-сеялка, фреза-глубококорытатель, новый трактор МТЗ-82Р, есть и конструктивные задания на специальный рисовый комбайн. Сельскохозяйственное машиностроение и комбайностроители в большом долгу перед рисоводами, из-за несовершенства комбайна потери риса на уборке составляют более тонны на каждом гектаре.

Коммунисты Кубани готовятся к краевой партийной конференции. Предстоит большой заинтересованный разговор о проекте ЦК КПСС к очередному съезду партии, о решении широкого круга социально-экономических вопросов. Скажут свое слово и рисоводы. Им идти дальше, нужно не только закрепить на миллионном рубеже, но освоить новые земли в плавнях, создать новые рисосистемы, чтобы дать Родине еще больше «белого зерна».

Тюбегга

Александр ЧАКОВСКИЙ

Рисунок И. ПЧЕЛКО

И вот что увидел Воронов. На передней выпуклости трамвая, под окном вагоновожатого, был прикреплен броский красочный плакат. На первый взгляд он показался Воронову знакомым. Такие плакаты в огромном количестве выпускали в Советском Союзе во время войны. На них был изображен советский солдат, занесший приклад своей винтовки над головой пресмыкающегося гада — то ли удава, то ли дракона, — свернувшегося в форме свастики. А надпись гласила: «Смерть немецким оккупантам!»

Но кому могло прийти в голову вешать этот плакат на трамвай сегодня, когда прошло уже почти три месяца после окончания войны? Зачем? С какой целью?

Воронов сделал еще несколько быстрых шагов вперед. Людей на тротуарах скапливалось все больше. На лицах отчаяние и страх.

Попристальнее взглядевшись в плакат, Воронов вдруг обнаружил, что это, как говорится, Федот, да не тот: свастики нет, удав выглядит безобидным ужом, покорно свернувшимся у ног солдата и обреченно взирающим на занесенный над ним приклад винтовки. И надпись другая: «Смерть немцам!» Под печатным текстом красной краской от руки — немецкий перевод этого страшного призыва.

Явная провокационная фальсификация! «Что делать? Остановить трамвай? Потребовать у вожатого снять плакат?»

После происшествия у Стюарта он дал себе слово проявлять сдержанность, осторожность в самых острых ситуациях и теперь не мог решить, как ему следует поступить.

Неожиданно среди столпившихся немцев произошло какое-то движение. Они расступились. С тротуара на рельсы выбежал какой-то человек. Широко раскинув руки, крикнул:

— Хальт!

От медленно двигавшегося трамвая этого человека отделяли какие-нибудь четыре-пять метров. Но и это ничтожное расстояние каждую секунду сокращалось.

— Хальт! Хальт! — закричал он еще громче, тоном категорического приказа, не только не сходя с рельсов, но даже делая шаг навстречу трамваю.

Раздался дребезжащий звонок — вагоновожатый требовал освободить путь.

Перед самым буфером трамвая человек отпрянул в сторону, но лишь для того, чтобы ухватиться за деревянные поручни, перемахнуть разом через все ступеньки и оказаться в кабине вагоновожатого. Что произошло там, внутри, Воронов не видал, но спустя еще мгновение трамвай остановился. И тогда десятки людей, до тех пор будто загипнотизированных, мгновенно очнулись, загалдели и устремились к передней площадке трамвая.

Воронов последовал за ними. Ему удалось ухватиться за один из поручней и поставить ногу на нижнюю ступеньку. Рядом на подножке сгрудились еще несколько человек, однако почему-то не решались войти внутрь вагона.

Воронов все же протиснулся туда. Человек, остановивший вагон, стоял спиной к нему, положив руку на контроллер и склонившись над вагоновожатым, кричал тому прямо в ухо:

— Я из районной магистратуры! Немедленно снимите свой подлый плакат! Зачем вы его повесили?

Услышав слово «магистратура», пожилой вагоновожатый резво вскочил со своего сиденья и вытянулся, как солдат на смотре. Испуганно доложил:

— Я не вешал его!

— А кто повесил?

— Наверное, в депо, майн герр! Когда я собрался выезжать на линию, этот плакат уже висел!

— В каком секторе расположено ваше депо?

— В американском, майн герр! Но мне сказали, что это русский плакат и что русские будут довольны, когда вагон пройдет в таком виде по советскому сектору!

— А еще кто будет доволен? Недобитые нацисты?.. Господа, — обратился представитель магистрата к толпе, — прошу сорвать эту гадость с трамвая!

Просьба прозвучала, как приказ, и несколько рук немедленно потянулись к плакату, сорвали неплотно приклеенный лист.

— Дайте сюда! — неожиданно для самого себя вырвалось у Воронова.

В этот момент из толпы кто-то крикнул:

— Оставьте старика в покое! При чем тут вагоновожатый? Это русский плакат! Я сам видел десятки таких в русских городах.

Воронов попытался разглядеть кричавшего, но тот спрятался за спины остальных.

И тогда Воронов, стоя на верхней ступеньке трамвайной подножки, закричал в толпу:

— Ложь! Тот, кто вступился сейчас за вагоновожатого и тут же трусливо спрятался, наглый лжец! Я русский и могу засвидетельствовать, что какой-то негодяй или негодяи сострепали подложный плакат! По общему виду он напоминает подлинный, антифашистский, а по существу возводит клевету на советских людей. Именем советского народа я отмечаю ее и у вас на глазах рву эту пакостную фальшивку!

— Айн момент, товарищ Воронов! Дело должно быть расследовано до конца. Не сомневаюсь, что ваши власти заявят решительный протест...

Воронов в изумлении обернулся: этот человек, остановивший трамвай, назвал его фамилию. Но откуда он ее знает?

И вдруг вспомнил, узнал: это ж Нойман, тот самый немец-коммунист, который вместе с советским офицером из Карлсхорста провожал его на квартиру Вольфа!

— Вот так встреча! — не веря глазам своим, воскликнул Воронов.

— Спокойно, товарищ! — все так же негромко произнес в ответ Нойман. И, отстраняя Воронова, снова обратился к толпе: — Итак, провокация разоблачена. Она свидетельствует о том, что фашизм еще не добит. И еще кое о чем... но в этом еще нужно разобраться. Я забираю фальшивку в районный магистрат. Для расследования.

Он решительным движением взял из рук Воронова плакат и свернул его в трубку.

В это время Воронов услышал дрожащий голос вагоновожатого, все еще стоявшего на вытязку:

— Меня... расстреляют!

Этот вопрос в одинаковой мере относился и к Нойману и к Воронову.

— Вы доедете до конечной остановки и будете ждать вызова, — строго сказал Нойман. — А теперь быстро вперед, без остановок!

— Но... майн либер герр, ведь я нарушу инструкцию! — жалобно взмолился вагоновожа-

тый. — По инструкции я обязан останавливаться на каждой остановке и брать пассажиров!

Как ни взволнован был Воронов всем происшедшим, он чуть не рассмеялся: человек только что опасался расстрела, а теперь остергается нарушить «инструкцию»! Да, в определенном смысле немец всегда остается немцем...

Толпа, окружавшая вагон, между тем стала редеть. Сзади доносились нетерпеливые гудки машин.

— Поезжайте же! — вторично приказал Нойман вагоновожатому и вслед за Вороновым соскочил с подножки.

Уже на тротуаре они поздоровались, как будто только что встретились здесь:

— Здравствуй, товарищ майор!

— Добрый день, товарищ Нойман! Вот уж не думал, что встретимся при таких обстоятельствах!

— Мы все еще живем в особых обстоятельствах, — серьезно ответил Нойман и кивнул на подрулившую к ним «эмку»: — Это ваша машина?.. Тогда до свидания. Я пойду в магистрат. Необходимо выяснить, из какого депо вышел этот трамвай, вызвать для допроса вожатого и немедленно связаться с вашей командатурой...

— Но погодите! — воскликнул Воронов. — Моя машина в вашем распоряжении! Да и я сам, наверное, могу пригодиться. В качестве свидетеля.

— Вы действительно хотите побывать в районной магистратуре? — вроде бы удивился Нойман.

— А почему бы и нет?

— Ну... просто я догадываюсь, что событие, ради которого вы находитесь сейчас в Германии, целиком занимает все ваше время и внимание.

Это было и так и не так.

В данный момент больше всего, если не всецело, Воронова занимала «трамвайная история». Она по-своему перекликалась с отъездом в западную зону Вольфов.

Воронову показалось, что Германия взглянула на него сейчас как-то по-новому. Что было в этом ее взгляде? Страх? Робкая надежда или безнадежность? Вера, смешанная с недоверием?..

Германия, которая совсем недавно концентрировалась для Воронова в клочке потсдамской земли, теперь простерлась гораздо шире и смотрела на него глазами прохожих, смотрела из окон сохранившихся домов, из развалин, из подворотен. Смотрела и спрашивала: «Ну, ты, русский, советский, скажи нам, каким будет завтрашний день? Скажи, каковы твои намерения? Скажи, что нам делать: бежать ли подальше от твоих соотечественников с красными звездочками на фуражках и пилотках или искать у них защиты?»

«Защиты от кого?» — мысленно спросил Воронов.

Ему не терпелось узнать, кто все-таки устроил провокацию с плакатом. В магистратуре, наверное, это сумеют выяснить.

— Едем, — решительно сказал он, раскрыл заднюю дверцу «эмки» и, пропустив Ноймана вперед, уселся рядом с ним.

— Вишь, чего творят фашисты проклятые! — сердито проворчал Гвоздков и осекся, вспомнив, что в машине находится посторонний человек, немец к тому же. Предупреждая упреки Воронова, извинился: — Простите, товарищ майор!

— На этот раз, Алексей Петрович, вам извиняться нечего, — откликнулся Воронов. — Фашизм был и остается проклятым. И товарищ Нойман, который едет с нами, такого же мнения.

Соблюдая вежливость, Воронов тут же перевел для Ноймана свой короткий диалог с водителем. И, снова обращаясь к Гвоздкову, сказал по-русски:

— У этого человека к фашизму свой счет есть.

— Коммунист, значит? — понимающе улыбнулся Гвоздков. — Скажите ему, товарищ майор, от советского солдата скажите, что приятно с ним познакомиться.

— А мы же знакомы, — ответил Нойман, выслушав перевод Воронова.

— Это где же встречаться приходилось? — с недоумением оглянулся Гвоздков.

Воронов напомнил об их первой поездке к Вольфам, и ему захотелось при том сказать Нойману, что Вольф сбежал на Запад. Но он промолчал, решив, что Нойман может воспринять это сообщение как косвенный упрек. Ведь не кто иной, как Нойман, рекомендовал ему поселиться у Вольфов и дал такую хорошую аттестацию им.

Нойман тоже хранил сосредоточенное молчание, лишь время от времени подсказывая Гвоздкову: «Rechts... links»¹. И Воронов сосредоточился, стал обдумывать так случайно подвернувшийся ему явно интересный материал

для очередной статьи. Ее можно назвать «Фашизм еще жив!» или как-нибудь в этом роде. Не напрасно он хотел поехать с Нойманом в магистрат: надо обязательно узнать, кто и как организовал эту провокацию с плакатом.

Наконец Нойман положил руку на плечо Гвоздкову, а другой показал на двухэтажное здание, к которому они приближались.

— Понятно, — сказал Гвоздков, — яволь, значит, — и затормозил у подъезда.

Комната на нижнем этаже районного магистрата была переполнена людьми. Общим видом своим и царящей здесь атмосферой она напоминала приемную какого-нибудь райжилотдела в послевоенной Москве или регистра-туру районной поликлиники. Люди сидели на расставленных вдоль стен скамьях, толпились возле закрытой двери, ведущей в следующую комнату.

— Сегодня прием ведет Шульц, — тихо пояснил Нойман Воронову, когда они пробирались к той двери, и добавил: — Он социал-демократ.

Приподняв на уровень плеча свернутый в трубку плакат и повторяя одни и те же слова — «Entschuldigen... verzeihen Sie bitte»², Нойман довольно быстро пробивался к закрытой двери. Воронов неотступно следовал за ним, также бормоча по-немецки извинения.

Шульц сидел лицом к двери за небольшим письменным столом. У стола, на самом краю

стула, спиной к выходу, тоже кто-то сидел, очевидно, проситель.

Воронов услышал обрывок их разговора:

— Значит, я могу не волноваться, герр советник? Правда? Моя жена вот уже вторую ночь боится ложиться спать...

— Никаких оснований для беспокойства нет, повторяю вам, — устало ответил Шульц.

Теперь Воронов разглядел его лицо. Оно было немолодо, сухощаво, на голове редкие седые волосы. На Шульце был толстый, несмотря на жару, застегнутый на все пуговицы пиджак, из-под лацканов виднелись застиранная, белая, с желтоватым оттенком рубашка и скрутившийся в жгут темный галстук. Стол, за которым он сидел, завален папками, бумагами; там почти не оставалось места для пригнувшегося на самом краю телефона.

— Спасибо, герр советник... — снова заговорил, встав со стула, человек, лица которого Воронов по-прежнему не видел. — Значит, я могу сказать дома, что...

— Да, да, герр Браун, — прервал его Шульц, — вы можете говорить всем и каждому, что заняли это помещение по ордеру магистрата.

— Осмелюсь спросить, как фамилия герра советника?

— Генрих Шульц меня зовут!

— Да, но та записка...

— Наплюйте на нее! Такие записки рассылают трусы, бессильные что-нибудь сделать. Однако, если хотите, я перешлю ее в советскую комендатуру.

¹ Направо... налево... (нем.).

² Простите... извините, пожалуйста (нем.).

— О, нет, нет, — торопливо и даже с испугом в голосе произнес тот, кого Шульц назвал Брауном. — До свидания. Спасибо. Огромное спасибо, герр Шульц.

И Браун, поклонившись, направился к выходу, пятясь то задом, то боком.

— Передайте ожидающим, — крикнул ему вслед Шульц, — что прием возобновится через десять — пятнадцать минут.

— Яволь... гевисс... натюрлих¹, герр Шульц, — пробормотал Браун и наконец исчез за дверью, плотно притворив ее за собой. Нойман представил Шульцу Воронова:

— Вот познакомься: это советский журналист, герр Воронов. Точнее, товарищ Воронов. Шульц протянул руку.

— Очень рад познакомиться, товарищ.

— Я тоже, — сказал Воронов, несколько удивленный, что социал-демократ называет его «товарищем».

— Интересуетесь работой магистрата?

Воронов ответил уклончиво:

— Я вижу, у вас ее очень много. — И, в свою очередь, поинтересовался, кивнув на дверь: — Чего главным образом хотят эти люди?

— Лучше спросите, чего они не хотят! — с горькой усмешкой ответил Шульц. — Хотят продовольствия, хотят жилья, хотят работы.

— А о чем просил этот Браун?

— О, тут особая история. Он ремесленник, точнее, сапожник. Большая семья. Дом, где он жил, разрушен. Мы вселили его в квартиру бывшего нациста. Гауляйтера районного масштаба. Этот тип сбежал еще до того, как ваши войска вступили в Берлин. Квартира небольшая, три комнаты, но почти целая.

— Так что же, ему трех комнат мало?

— Для семьи из семи человек она была бы в самый раз. Но мы вынуждены были поселить в этой квартире четыре семьи.

— И он недоволен?

— Что вы! Сейчас в Берлине доволен каждый, если имеет крышу над головой.

— Так в чем же дело?

— А вот почитайте.

С этими словами Шульц взял со стола и протянул Воронову смятый, захватанный многими пальцами листок бумаги. Там коричневыми чернилами или какой-то краской было написано печатными буквами:

«Советский лизоблюд! Если в течение трех дней ты не уберешься из украденной тобой чужой квартиры, она станет кладбищем для тебя и твоей семьи. Понял? Это приказ».

И в конце нечто вроде лозунга: «Смерть русским и их прихлебателям!»

— Такие, с позволения сказать, послания берлинцы получают нередко, — сказал Шульц. — К счастью, в большинстве случаев это только шантаж. Угрозы редко приводятся в исполнение. Тем, кто их расточает, достаточно посеять панику, вызвать у людей страх, недоверие к нам, ну и, разумеется, к вам. Тем не менее мы пересылаем подобные записки в советскую комендатуру, и она дает соответствующие указания своим патрулям... Конечно, взять под охрану всех жителей Берлина, точнее, советского сектора, патрули не в состоянии, однако...

Нойман не дал ему закончить фразу, протянул свернутый в трубку плакат.

— Что это... такое? — не сразу понял Шульц.

Нойман вкратце рассказал о происшествии. Наступило тягостное молчание.

Потом Шульц сдвинул свои седые брови и медленно произнес:

— Ясно...

— А мне многое еще неясно, — сказал Нойман. — Вагеновожатого надо бы основательно допросить.

— Где он? — оживился Шульц.

— Поехал по своему маршруту.

— Его следовало задержать.

— Какой ты стал умный, Шульц! — с добродушной иронией сказал Нойман. — Оставив вагон без вожатого, я бы перегородил дорогу для другого транспорта, нарушил бы и без того затрудненное уличное движение. Это, во-первых. А во-вторых, ты же знаешь, что я не обладаю полицейской или военной властью. И так пришлось сослаться на магистрат.

— Надо немедленно включить в это дело советскую военную комендатуру.

— Вот тут ты прав. Действуй...

Шульц снял телефонную трубку. Нойман и Воронов вышли из его комнаты, чтобы не нервировать людей, ожидающих приема.

Принадлежность Шульца к социал-демократам вызвала у Воронова смутную неприязнь к нему. С первых же школьных уроков обществоведения Воронов, как и все его сверстники, усвоил, что социал-демократы — предатели рабочего класса; своим отрицанием революционного насилия, диктатуры пролетариата, пропагандой «постепенного реформизма» они мешают революционной борьбе и тем самым объективно помогают буржуазии.

— Вы давно знаете Шульца? — спросил Воронов у Ноймана.

Тот почему-то усмехнулся:

— Давно. Мы познакомились в тридцать пятом. Впрочем, тогда это было знакомство, о котором мы оба еще ничего не знали.

— То есть как?

— А вот так. Он съездил меня по физиономии, ну, а я в порядке ответной меры свернул ему челюсть.

— Вы?! Ну, а... потом? Выходит, что помирились?

— А потом была война, товарищ майор, — задумчиво произнес Нойман.

— Я чего-то не понимаю, — пожал плечами Воронов.

— Понять это и легко и трудно, — с невеселой усмешкой продолжал Нойман. — Легко, потому что стычки между коммунистами и социал-демократами были когда-то обычным делом. К сожалению, приходилось драться не только с нацистами.

Дальше Нойман распространяться не захотел. Извинившись, предложил:

— Может быть, мы поговорим об этом как-нибудь... в следующий раз? У вас ведь дела. Да и мне пора уже быть в районном комитете партии.

Но Воронов вовсе не собирался расставаться с ним.

С тех пор как он выехал из пресс-клуба, где не узнал ничего из того, что его интересовало, прошло немногим более часа. За это время Воронов оказался как бы в другом измерении. Он не был профессиональным журналистом-международником, им сделала его война, точнее, ее вторая половина, когда его, работника фронтовой газеты, неожиданно назначили на работу в Совинформбюро. Однако и там в обязанности Воронова не входило писание статей на международные темы. Продолжая оставаться в действующей армии, Воронов должен был писать корреспонденции, рассказывающие западным читателям правду о боях на советско-германском фронте. Политическим корреспондентом в узкопрофессиональном понимании этого слова он стал только теперь. Положение обязывало его все глубже и глубже вникать в международные проблемы.

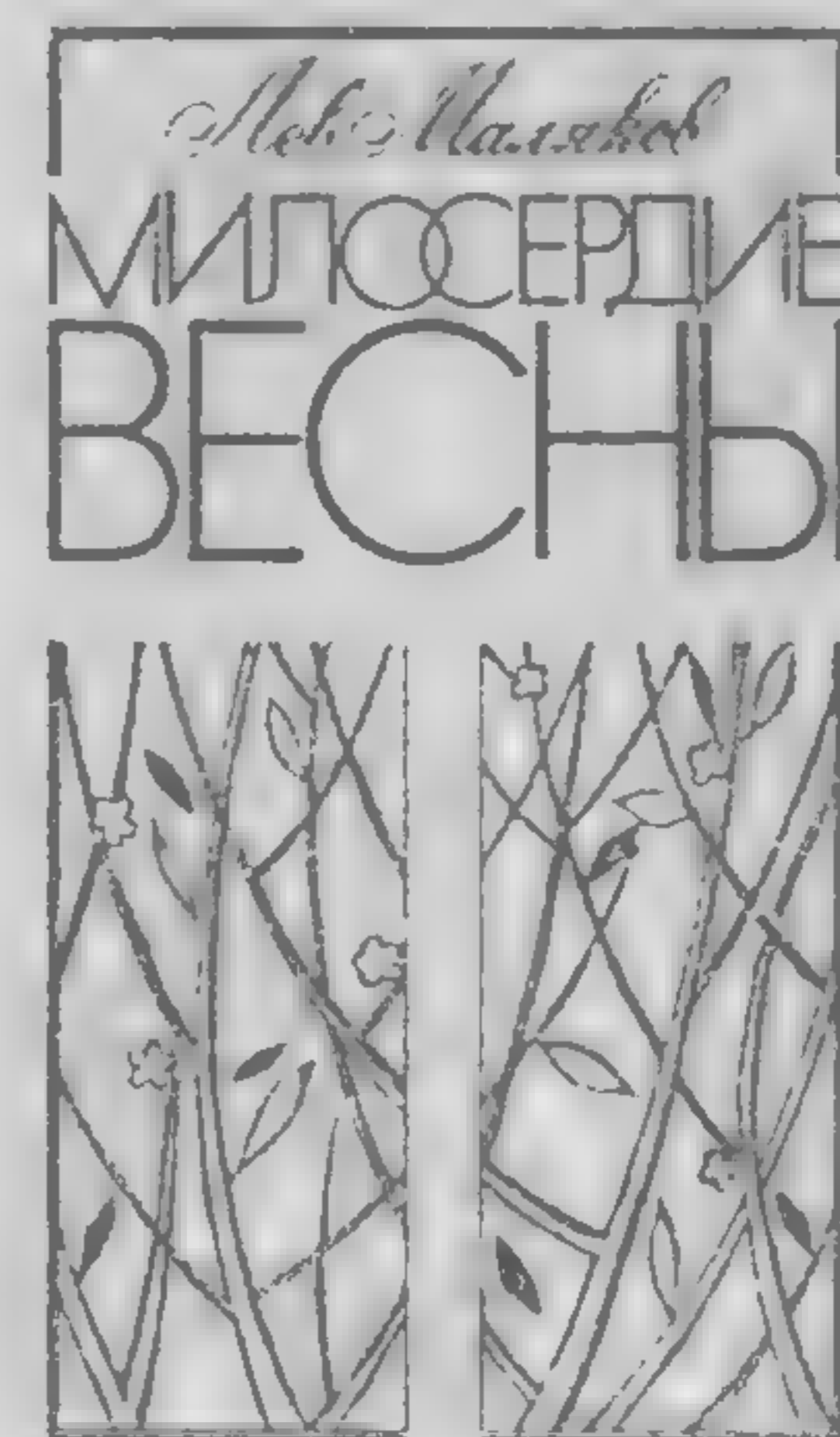
Жизнь довоенной Германии была известна Воронову лишь в самых общих чертах. Когда к власти пришел Гитлер, он еще учился в школе. Там на уроках обществоведения говорилось, конечно, о фашистских погромах, кострах из книг, преследованиях коммунистов. Об этом же сообщали советские газеты и московское радио. Позже, уже будучи студентом, Воронов читал в газетах решения Исполкома Коминтерна и узнал кое-что о взаимоотношениях между германскими партиями, о ликвидации их всех, кроме фашистской. Но эти его знания были более чем поверхностны.

Да и новые служебные заботы, новые поручения, какие он исполнял теперь, обращали его взгляд не столько внутрь Германии, сколько как бы вовне ее. До сих пор его интересовало только то, что имело непосредственное отношение к Конференции глав трех великих держав.

Однако то, что произошло в течение последнего часа — провокация с плакатом, посещение магистрата и та история, которую Нойман сейчас начал ему рассказывать, но так и не окончил, — обострило интерес Воронова к внутренней жизни Германии.

— А мне нельзя пойти вместе с вами в райком? — спросил он Ноймана.

— Если у вас есть такое желание, пожалуйста, — сделав приглашающий жест рукой, сказал Нойман.

«...ЛЕСА ТАК СКОРО НЕ РАСТУТ»

Новую книгу стихов Льва Маякова открывает стихотворение-пролог: автор, прошедший дорогами войны, чутко улавливает в нем единство труда ратного и труда поэтического:

На этой легкой с перышком работе
Не то что спину — сердце надсадил.
А было время — в партизанской роте
За сотню верст
Взрывчатку я носил...

В пору зрелости и раздумий поэт как бы заново открывает мир, созная себя одновременно и малой его частицей и человеком, ответственным за его судьбы. Сложные людские отношения, любовь, природа родного псковского края, воспоминания о войне — вот основные мотивы книги. Светлая грусть ложится на сердце, когда читаешь щемящие строки:

За что-то выпала мне честь
Пройтись тропой земною...
И без меня все будет цвести,
Но лучше бы — со мною.

За этим признанием встает чистая «вера в жизнь», которой «я до смерти отравлен». Однако это не значит, что поэт видит реальность только в розовом цвете. Сложность жизни, новые и новые ее противоречия рождают в лирическом герое и горькие чувства:

Река не та,
и лес теперь не тот.
Пскову вороны переходят вброд,
А деды наши баржи гнали тут.
С тех пор прошло поменьше ста годов,
А сколько встало новых городов!
Как жаль —
Леса так скоро не растут.

Горячо и бескомпромиссно звучат стихи Льва Маякова из цикла «Один за всех», завершающего книгу. Поэт рассказывает новым поколениям о своей военной юности, рисует горькую радость победной весны, тяжелейший труд по возрождению родимой земли, обожженной войной, — и над всем этим семицветной радугой горит неугасимо его любовь к Родине:

Так нестерпимо ярко светит Русь
Под семицветной чистой дугой!

Г. БЛЮМИН

Лев Маяков. Милосердие весны. Ленинград, 1980, 144 стр.

¹ Слушаюсь, конечно, несомненно (нем.).

В

В. НИКОЛАЕВ,
специальный корреспондент
«Огонька»
Фото автора

серии очерков «Американцы», опубликованной недавно в «Огоньке» (№№ 21—26, 37—40 за 1980 год), я назвал Соединенные Штаты страной контрастов и парадоксов. В подтверждение было приведено немало примеров, и при ближайшем рассмотрении многие удивительные для нас, сторонних наблюдателей, странности прояснились, становились закономерными. Президентские выборы лишний раз подтвердили известную парадоксальность общественной жизни, быта и нравов в США.

Кто не помнит о лавине прогнозов, которые целый год обрушивались не только на американцев, но и буквально на весь мир? Дружно предсказывали, что борьба за Белый дом закончится победой одного из двух главных претендентов с минимальным преимуществом. Одни считали, что победит Картер, другие ставили на Рейгана, но все были уверены, что президент определится, выражаясь по-спортивному, с помощью фотофиниша, то есть оба претендента наберут почти одинаковое количество голосов. И вдруг — ошеломляющая победа Рейгана! Такая победа, что ее сравнивали с обвалом, землетрясением, переворотом! Любопытно, что оплошали не только политические обозреватели, но и столь модные на Западе гадалки. Вот, например, гороскоп Картера на четвертое ноября, день выборов: «Любовь, деньги, слава и победа близки. Будете участвовать в политических торжествах». У Рейгана гороскоп на тот день ничего хорошего не обещал.

В октябре — ноябре прошлого года, на финише президентской гонки, я находился в США и оказался в самом центре урагана прогнозов, которые набирали силу по мере приближения дня выборов. Все эти предсказания опирались на так называемые опросы населения, регулярно проводимые в США по самым разным поводам. Этим делом занимаются специальные научные организации, главные из них широко известны в США и во всем мире. Прогнозирование — давно уже одна из отраслей американской индустрии, ее владельцы зарабатывают на своих заказчиках, которым для ведения дел нужны анализы на будущее. Опираясь на современную науку, в том числе и на прогресс в области электроники, специалисты-прогнозисты, как правило, довольно точно предсказывают то, что от них требуется, в том числе и исход президентских выборов. Во всяком случае, я не припомню, чтобы они когда-нибудь так садились в галюшу, как на этот раз. Например, в 1976 году, на предыдущих президентских выборах, пять крупнейших служб по опросам населения (Харриса, Гэллапа и другие) весьма точно предсказали их исход. Четыре из пяти отдали победу Картеру над Фордом, предугадав ее с точностью до 1—2 процентов, и лишь одна служба обещала победу Форду, но и в этом случае ее ошибка составляла всего два процента.

До сих пор в США службы, проводившие подобные опросы, были очень авторитетны. Газета «Дейли ньюс» свидетельствует: «Возможно, ни одна другая отрасль американской индустрии не располагает таким количеством людей с высоким интеллектом и ни одна не растет так быстро. Две тысячи опросов в 1980 году стоили двадцать миллионов долларов, тогда как в 1968 году (тоже в год президентских выборов — В. Н.) их было 1200, и обошлись они в шесть миллионов долларов». Американский обозреватель Оуэн Мориц пишет: «Нас делили на категории, изучали, опрашивали, интересовались, как мы себя чувствуем, кто нам нравится, что мы думаем... А в результате мы перехитрили всех прогнозистов. Но стоит ли так этому удивляться? Меня, например, никто не опрашивал. И вокруг меня никого ни разу не опрашивали. Кого же тогда

они изучали? Согласно данным национального совета по изучению общественного мнения, всего было опрошено около полутора миллионов американцев». Эти данные отнюдь не являются окончательными, итоговыми для характеристики индустрии прогнозов, они просто дают представление о ее масштабе. Дело в том, что существуют тысячи специалистов по изучению общественного мнения, которые служат не в научных центрах, анализирующих мнения и вкусы американцев, а состоят (за очень приличные деньги!) консультантами при политиках и бизнесменах.

Как сообщала та же «Дейли ньюс», Дейв Гарт, специалист в этой области, заработал на последних выборах полтора миллиона (!) долларов. Его услуги обошлись независимому кандидату в президенты Андерсону в 300—350 тысяч долларов, а с Джона Рокфеллера IV, боровшегося за второй губернаторский срок в штате Западная Вирджиния, Гарт получил около одного миллиона долларов. Целое состояние! Член семейства Рокфеллеров не зря потратился на столь дорогого консультанта: он добился своего и остался губернатором на второй срок. Правда, для достижения цели ему пришлось платить не только по этой статье расходов, и в результате пост губернатора обошелся ему в одиннадцать миллионов долларов! Как видите, почти десятая часть этой суммы ушла на Гарта, который, надо добавить, является специалистом не только по изучению общественного мнения, но и по его обработке. Он и его подручные организовали с помощью средств информации кампанию в пользу Рокфеллера, обошедшуюся последнему в шесть миллионов долларов (в счет уже указанных выше одиннадцати миллионов).

Так уже в одном конкретном случае ясно видна взаимосвязь между системой опросов, интересующих данного политика, и его рекламой. И понятно, что вся эта система изучения общественного мнения может, с другой стороны, служить и орудием рекламы того или иного лица; той или иной отрасли бизнеса, того или иного товара. Ведь кто-то может с помощью этой системы манипулировать общественным мнением! Недаром в ходе выборов американских избирателей окрестили «заложниками системы опросов». В данном же случае, на выборах 1980 года, система впервые не оправдала себя, и теперь многие американцы, прежде верившие в нее, начали сомневаться в ее эффективности. Газета «Нью-Йорк пост» не случайно после выборов писала: «Это был триумф американцев, одержавших победу над системой опросов общественного мнения. Ученые с их электроникой опозорились. Механически они считали, что мы не люди, а числа. И опрашивали удивительно малую часть населения, на этом основании думая, что читают наши мысли. Как ошиблись эти узколобые люди с их ширококолобными машинами! Этот урок подорвет всю систему опросов — от серьезных политических оценок до определения, какие телевизионные программы наиболее популярны».

Ниже мы попытаемся разобраться в парадоксальности исхода выборов, который настолько разошелся с прогнозами. Оговорюсь сразу, что, по-моему, дело не только в общем мнении: не столько, мол, победил Рейган, сколько проиграл Картер. Это ясно, как дважды два — четыре. Такое объяснение лежит на поверхности, но есть более глубокие причины, о них мы ниже и поговорим, а пока еще немного о самой избирательной кампании, поскольку она во многом отличалась от всех президентских выборов, какие знала история Америки.

Во-первых, как известно, она оказалась самой длительной из всех американских избирательных кампаний и поэтому самой дорогостоящей. Журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд ри-

порт», орган деловой Америки, сообщил, что расходы на выборы президента в 1980 году намного превысили двести миллионов долларов (в 1976 году на ту же кампанию ушло около ста шестидесяти миллионов). Вся же эта эпопея обошлась много дороже, поскольку одновременно с президентом избиралась треть сената — 34 места, вся палата представителей — 435 мест и 13 губернаторов штатов. Вспомните указанные выше затраты на выборы одного только губернатора Джона Рокфеллера IV!

На финише президентской гонки у меня сложилось впечатление, что оба главных претендента на Белый дом безмерно устали, точно так же, как и их ближайшие сотрудники, делившие с ними в течение года с лишним все тяготы избирательной кампании. Оба претендента налетали на самолетах сотни тысяч километров, пожали десятки тысяч рук и произнесли сотни речей. Что же касается рядовых избирателей, то они были на редкость пассивны и не проявили бурных симпатий ни к одному из двух главных кандидатов в президенты. Известный американский сатирик Арт Бухвальд писал в своем очередном фельетоне: «Нынешние президентские выборы отличаются от всех предыдущих тем, что никто, кажется, не обсуждает достоинств кандидатов, за которых собирается голосовать, а говорит о тех, кого не будет поддерживать». Такой взгляд на создавшуюся ситуацию подтверждала и предвыборная статистика: опросы общественного мнения свидетельствовали, что только одиннадцать процентов избирателей из собравшихся принять участие в выборах были энтузиастами, поклонниками Рейгана и девять процентов — Картера. Большинство выражавших свои соображения по поводу обоих кандидатов в президенты сходились на том, что предстоит выбор из двух дилетантов. Газета «Вашингтон пост» писала, что оба кандидата настолько плохи потому, что плохо само время, такое скверное для США (имелись в виду и экономика страны и моральный климат общества).

При данном положении сложилась любопытная, можно сказать, парадоксальная ситуация: незадолго до выборов 43 процента избирателей из числа сторонников Рейгана заявили, что будут голосовать за него, «поскольку они хотят голосовать против Картера». С другой стороны, 34 процента из всех избирателей, собиравшихся поддержать Картера, сделали подобный выбор потому, что «не хотели и боялись прихода в Белый дом Рейгана». Один из виднейших специалистов по изучению общественного мнения, Л. Харрис, назвал эти выборы «самыми негативно ориентированными выборами, с какими когда-либо приходилось сталкиваться». Таким образом, американский избиратель в основном выступал не «за», а «против». Похоже, что такой подход становится уже традиционным. Стоит вспомнить, что Картер пришел в Белый

На бульваре. * Праздник. * Уличный художник. * Экскурсия. * Полицейские. * Урок физкультуры. * Ночной Нью-Йорк. * На городском газоне.

На развороте вкладки: Учительница. * небоскреб-зеркало. * Беседа. * Он выступает «за освобождение мужей от ига жен». * Религиозный проповедник. * Женщина-репортер за работой. * Слепой нищий. * В зоопарке.

АМЕРИКАНЦЫ

НА

ПЕРЕНУТЫЕ

дом на крутой волне недовольства коррупцией в правительстве, когда после утергейтского скандала ушел в отставку президент Никсон. Сам Картер, в свою очередь, тоже стал жертвой, можно сказать, отрицательного голосования. Он за четыре года правления не смог выполнить своих главных предвыборных обещаний: не обуздал инфляцию, не справился с безработицей, не снизил налоги и увеличил (а не уменьшил, как опять-таки обещал!) расходы на вооружение. К этому надо добавить многие его крайне неуклюжие акции во внутренней и внешней политике, такие, например, как демагогическая кампания в защиту прав человека, бойкот Московской Олимпиады, военная авантюра в Иране в связи с проблемой американских заложников, и т. п. В этот же перечень входят и скандалы, сопутствовавшие пребыванию Картера в Белом доме (аферы его родного брата Билли, неблагоприятные поступки его ближайших сподвижников и т. п.). Агентство Ассошиэйтед Пресс сообщило: «Общенациональный опрос избирателей, проведенный АП и телекомпанией Эн-Би-Си, а также анализ в 10 ключевых штатах показали, что Картер проиграл потому, что по всем главным вопросам — инфляции, внешней и военной политике, безработице — избиратели осудили деятельность его администрации».

Недовольство Картером было самым мощным двигателем предвыборной кампании Рейгана. В своих бесчисленных обращениях к избирателям он не устал задавать один и тот же вопрос: «Лучше ли вам сейчас живется, чем четыре года назад, до прихода Картера к власти?» И всегда Рейган слышал в ответ громогласное «нет!» всей аудитории. Рейган говорил о положении в стране: «Президент называет это спадом. Я называю депрессией. Спад — это когда потерял работу ваш сосед, депрессия — когда потеряли работу вы сами. Подъем же начнется тогда, когда работу потеряет Джимми Картер».

Что же касается принципиальных расхождений в предвыборных платформах Рейгана и Картера, то различия в них было не больше, чем в составивших эти платформы республиканской и демократической партиях, ведущих буржуазных партиях страны. «Выбирать придется не между различными философиями, а между различными людьми. Картер и Рейган отличаются друг от друга. Один был актером и губернатором Калифорнии, другой офицером ВМС и губернатором Джорджии. Вот в чем разница между ними», — констатировала газета «Крисчен сайенс монитор», а газета «Нью-Йорк таймс» задавалась таким вопросом по поводу выборов 1980 года: «Была ли когда-нибудь кампания столь же пустая, столь же негативная по своему содержанию и столь же нудная?» В том же духе пресса определяла и характер предвыборной борьбы между кандидатами. «Как Картер, так и Рейган, — писала «Крисчен сайенс монитор», — то и дело переходят на личности. Каждый из них делает все возможное, дабы внушить избирателям, что победа другого приведет к национальной катастрофе. Ни один из них не затрагивает серьезных проблем». Газета «Интернэшнл геральд трибюн» свидетельствовала: «Предвыборные кампании кандидатов от обеих основных партий приобрели характер кухонной склоки».

Здесь, пожалуй, самое время прояснить еще один аспект избирательных кампаний в США, их смысл — борьбу между республиканцами и демократами за государственный пирог, за официальные места, дающие не только и не столько приличное содержание,

сколько влияние, которое при умении может обернуться большими деньгами — конечной целью и бизнеса и политики. Известный американский журналист и общественный деятель Джон Славичек пишет: «Общество плутократов вовсе не так однородно, как это может показаться со стороны. Глубокие противоречия и разногласия, вызванные столкновением экономических интересов и тщеславия, раскалывают ряды находящейся у власти элиты. Поэтому выборные должности являются объектом ожесточенной конкуренции частных лиц и группировок». Одни монополии поддерживают республиканцев, другие — демократов. Многие из них финансируют сразу обе партии, чтобы не прогадать.

Выше мы уже указывали на дорожную цену президентского кресла и других выборных мест. Она складывается из многих сумм. Как демократическая, так и республиканская партии получили в 1980 году на ведение предвыборной кампании из государственных фондов по 29,4 миллиона долларов. Но это, как говорится, только на закуску. Считают, что республиканцы, например, получили 165 миллионов долларов от разных групп и организаций. Цифра эта, разумеется, не точная, все поступления в фонд избирательной кампании просто не учесть, но известно, что у республиканцев средств было значительно больше. Еще до исхода выборов, не в порядке оправдания, а в порядке жалобы, констатации факта, руководитель избирательной кампании Картера сетовал: «Денежный поток Рейгана затопляет нас». Разумеется, что и это обстоятельство явилось одной из причин его победы. Рейган всегда тяготел к большому бизнесу, был тесно связан с ним. Его политическая карьера началась с помощью корпорации «Дженерал электрик» и калифорнийских миллионеров. Сильные мира сего поверили в своего избранника. Из пятидесяти руководителей корпораций, опрошенных газетой «Уолл-стрит джорнэл», только семь предпочли Картера. В ходе избирательной кампании Рейган рекламировал бизнес, сулил новые выгоды предпринимателям. Его победу на выборах газета «Нью-Йорк таймс» отметила огромным заголовком на всю полосу: «Бизнес верит в Рейгана». Недаром Уолл-стрит ответил на его избрание рекордной продажей акций! Это было, пожалуй, поважнее поддержки избирателей, голодовавших за Рейгана.

За понятие «большой бизнес» стоит реальная власть в США, по количественному составу эта правящая элита просто-напросто смехотворна, но по влиянию всемогуща. Всего 3500 человек, или 0,002 процента (1) населения Соединенных Штатов, контролируют почти половину активов в промышленности, банковской системе, системе коммуникаций, транспорте, коммунальном обслуживании и две трети активов в страховом деле (очень интенсивно развитом в США). Любопытно, что именно в выборах 1980 года бизнес открыто сыграл так никогда, решающую роль. Ставя себя на одну доску с разными общественными организациями, предприниматели создали так называемые «комитеты политических действий», финансирующие выборы и влияющие на их исход. Если в 1974 году таких комитетов было 89, то сейчас стало более полутора тысяч. Их активной деятельностью во многом объясняется успех республиканцев, особенно при выборах в конгресс, когда эти комитеты, затрачивая десятки миллионов долларов, способствовали на местах победе политиков консервативного толка.

Американцы считают, что самым главным, решающим моментом в ходе избирательной кампании были телевизионные дебаты между Рейганом и Картером, состоявшиеся за неделю до выборов. Стоя лицом к лицу, оба претендента на Белый дом высказывали свои взгляды перед объективами телекамер. Несколько ведущих журналистов задавали им вопросы, Рейган и Картер отвечали на них не забывая при этом всячески чернить друг друга. Все это продолжалось полтора часа и привлекло к экранам телевизоров более ста миллионов американцев. Пресса недаром на-

звала эти дебаты «великой электронной конфронтацией».

Оба оратора выглядели усталыми, причём более молодой Картер был, по-моему, в худшей форме, чем Рейган. Картер свободно оперировал огромным фактическим материалом. Ясно было, что за четыре года в Белом доме он многое узнал (но, как видно, с узанным не совладал). Он все время наступал на Рейгана, а тот, в свою очередь, работал на контратаках. Картер пытался обвинить его в незнании предмета спора, в забвении интересов американцев, в излишнем консерватизме, в излишнем милитаризме, в опасных взглядах на войну и мир и т. п., а Рейган делал все для того, чтобы отвести эти обвинения, доказать, что он вовсе не опасный и к тому же знающий человек. Разумеется, Рейган и здесь не упустил возможности заявить, что за четыре года Картер довел страну до ручки.

Общий характер дебатов был жестким, на пределе приличия. Недаром журнал «Ньюсуик» писал, что оба участника готовились к ним, как «гладиаторы к схватке со львами», а после их окончания Рейган заявил: «Я внимательно осмотрел себя и ранений не обнаружил». Время показало, что он был близок к истине. Уже на другой день после дебатов все средства информации решили, что Картеру не удалось добиться главной цели: доказать непригодность Рейгана для поста президента. Все опросы общественного мнения, проведенные сразу после дебатов, показали, что в этой конфронтации верх одержал Рейган. Тут, видимо, сказалась и актерская выучка, опыт почти сорока лет, проведенных перед кино- и телекамерами в качестве артиста и комментатора. Недаром один из его политических противников, калифорнийский демократ, говорил о Рейгане: «Он очень хорош, когда имеет дело с людьми. И удивительно хорош, когда необходимо сформулировать политическую проблему для общественного мнения и завоевать его на свою сторону». Газета «Нью-Йорк пост» так по-своему, весьма любопытно, объясняла доходчивость обращения Рейгана к избирателям: «Он всегда был и остался таким плохим актером, что просто нельзя не верить в его искренность». После дебатов в воздухе впервые серьезно запахло катастрофой для правящей администрации. Хотя по-прежнему все еще предсказывали, что к финишной ленточке избирательной кампании оба претендента придут почти одновременно, с равными шансами на победу.

Самым показательным во время этих дебатов был резкий поворот и Рейгана и Картера к проблемам войны и мира с целью продемонстрировать, что они оба преисполнены заботы о мире. Ведь, как известно, в ходе избирательной кампании они как бы соревновались друг с другом в воинственных заявлениях, в запугивании американцев так называемой «советской угрозой». На следующий день после дискуссии газета «Вашингтон пост» вышла с большим заголовком на первой странице: «Война и мир были главной темой дебатов». И это было действительно так. Та же газета писала: «На финишной прямой избирательной кампании тема мира доминировала над остальными, причем как Картер, так и Рейган заверяли избирателей, что на них можно положиться и они не втянут Соединенные Штаты в войну. Редко бывало, чтобы какой-нибудь вопрос так горячо обсуждался. Почему же и Рейган и Картер вдруг присмирели, начав выдавать себя за миротворцев на самом финише президентских гонок? Да потому, что все те же опросы общественного мнения показали, что по мере того, как они оба запугивали американцев, у последних наступила обратная реакция, избиратели все решительнее проявляли тенденцию не к милитаризации, а к ослаблению напряженности. Так, проведенный известной службой Харриса опрос показал, что 80 процентов американцев требуют запрещения ядерных испытаний.

Можно вспомнить, что Рейган обещал в ходе избирательной кампании отказаться в случае своей победы от Договора ОСВ-2. А тут

Панорама центра Нью-Йорка. * «Не повезло!» — говорят в таких случаях американцы. * Лошадь у остановки автобуса. * Девушка из Вашингтона. * В парке. * Уличный клоун. * Старушки.

вдруг заявил, что готов на еще более «совершенное» соглашение с нами, идущее дальше, чем ОСВ-2. Не менее резко повернул в сторону мира в своих последних предвыборных выступлениях и Картер. Это симптоматично! Думается, что ни одному американскому политику, если он хочет удержаться у власти, ныне нельзя забывать в милитаристском угаре и не считаться с тем, что стремление людей к миру неодолимо.

Итак, настал решающий день — четвертое ноября. Страна приступила к голосованию. С востока на запад, один за другим, в порядке часовых поясов, избирательные участки открывали свои двери. В США голоса избирателей учитываются тотчас, мгновенно. И сразу поступают в котел общего учета. А подсчитывают их на виду у всей страны три ведущие телекомпании, стараясь, как всегда, опередить друг друга, доказать телезрителю, что именно их телесеть самая оперативная и лучшая. Так что в эфире борьба разгорелась не менее жестокая, чем в ходе выборов. Известнейшие комментаторы, любимцы публики, всячески зазывали зрителей к экранам, приглашая их принять участие в азартной игре с двойной задачей: кто победит на выборах из двух претендентов и какая из трех телесетей первой назовет победителя. И комментаторы дружно призывали американцев не пожалеть времени и просидеть у своих телевизоров чуть ли не до утра, поскольку считали, что победитель на выборах определится только при окончательном подсчете всех голосов по стране и что перевес одного над другим будет минимальным.

Первым в стране проголосовал крохотный горный курорт Диксвилл Нотч: 17 голосов за Рейгана, 3 — за Картера. Это сообщение облетело Америку, но никто, наверное, не предполагал, что оно было пророческим, что Рейган одержит более чем убедительную победу и в масштабах всей страны. Любопытно, что вышедшая в день выборов, четвертого ноября, нью-йоркская газета «Дейли ньюс» успела поместить большой снимок с избирательного участка в Диксвилл Нотч (уже с результатами голосования), а рядом с ним была опубликована статья под заголовком: «Опросы общественного мнения: Рейган и Картер идут рядом, предсказать что-либо трудно». Правда, на той же газетной полосе есть и другой материал, в котором говорится о том, что служба Харриса в самый канун выборов предсказывает победу Рейгану. Для этого к тому времени появились новые основания.

Да, дебаты претендентов, которые, по общему мнению, выиграл Рейган, оказались не самым последним ударом по Картеру. За несколько дней до выборов вновь обострился кризис с американскими заложниками в Иране. Хотя администрация Картера сделала, казалось, все возможное, чтобы осложнить эту проблему (вспомните, например, еще раз американскую военную авантюру в Иране!), она тем не менее считала, что вопрос с заложниками может вдруг оказаться козырной картой в азартной предвыборной игре. Демократы рассчитывали, что в случае освобождения заложников до выборов шансы Картера значительно укрепятся. А республиканцы этого боялись, обвиняя Картера в политической спекуляции на заложниках. В последние дни перед выборами Белый дом если и не предпринял отчаянной попытки к освобождению заложников, то, во всяком случае, сделал вид, что предпринимает и что благополучный исход близок. Уже стояли в Западной Германии специальные самолеты, готовые направиться в Иран за заложниками, уже был там же, в Западной Германии, оборудован госпиталь для их приема. В последний момент, перед самыми выборами, все снова рухнуло. Трудно сказать, спасло бы Картера освобождение заложников или нет, но думаю, что его поражение оно, во всяком случае, смягчило бы. А так администрация Картера пожала горькие плоды своей же неразумной и действительно спекулятивной политики в этом деле.

Но как бы там ни было, многие американцы к вечеру четвертого ноября собрались у своих телевизоров. После 18 часов по нью-йоркскому времени на экранах появились первые результаты голосования. Они составлялись в телештабах на основе оперативных донесений со 120 тысяч (!) избирательных уча-

стков (всего по стране их было 178 тысяч). Считалось, что имя президента будет объявлено где-то под утро. В 1976 году, например, телекомпания Эн-Би-Си первой объявила победителем Картера в 3 часа 29 минут. В этот раз та же компания снова первой объявила победителя в невиданно ранний час — в 20 часов 15 минут! Им оказался Рейган. В 21 час 50 минут Картер официально признал свое поражение, признал тогда, когда еще на полный ход шли выборы в западных штатах страны. Их результатов дожидаться было бесполезно! Вскоре после выборов выяснилось, что Картер узнал о своем грядущем поражении (на основании самых последних опросов) еще в ночь перед выборами. А до того продолжал верить в возможность победы. Пресса сообщила, что, выслушав эту новость в четыре часа утра четвертого ноября, Картер заплакал.

В этот ранний час Картер оплакивал самого себя, а к ночи того же дня стало ясно, что демократы под его руководством в целом потерпели невиданное поражение от республиканцев. Мало того, что Рейган победил в 44 штатах (489 голосов выборщиков), а Картер взял верх только в шести штатах (49 голосов выборщиков), партия Рейгана добилась больших успехов и при выборах в сенат (получила большинство в нем впервые за последние 26 лет) и при выборах в палату представителей (завоевав там еще 32 места). «Сдвиг в сенате, — писала газета «Вашингтон пост», — серьезнее перемен в Белом доме».

Когда подбили все итоги выборов, то оказалось, что у Картера вообще не было никаких шансов, от него отвернулось большинство избирателей. Когда в ходе президентской гонки появился так называемый независимый кандидат Андерсон, демократы боялись, что он отберет часть голосов у Картера и тем самым обеспечит победу Рейгану. Характерно, что сам Картер все время имел в виду этот фактор и в своих последних обращениях к избирателям, в самый канун выборов, призывал сторонников Андерсона голосовать за него, за Картера, поскольку у Андерсона не было никаких шансов на Белый дом. И вот уже после подведения итогов голосования выяснилось, что, даже если бы все поклонники Андерсона пошли за Картером, последний все равно проиграл бы Рейгану.

День выборов пришелся, как всегда, на конец багряной и мягкой американской осени. В этот раз погода была на редкость благосклонна к избирателям. Нежаркое солнце светило почти над всей страной, но праздника оно не делало, во всяком случае, американцы не спешили исполнить свой гражданский долг. В выборах участвовало только 52,3 процента избирателей — это самый низкий показатель за несколько последних десятилетий. При всей весомости победы Рейгана за него отдали голоса всего 26 процентов избирателей (немногом более 40 миллионов).

Анализируя приход к власти республиканцев во главе с Рейганом, американские политические обозреватели задаются таким вопросом: «поправеет» ли теперь Америка, станет ли она более консервативной? Как известно, Рейган всегда считался деятелем консервативного толка. Правда, в ходе избирательной кампании, особенно по мере приближения ее к финишу, Рейган постепенно, но весьма целеустремленно делал все, чтобы откеститься от образа уж очень рьяного консерватора. Газета «Нью-Йорк таймс» в канун выборов справедливо отмечала такую тенденцию в тактике обоих кандидатов, республиканского и демократического: «Обе партии выдвинули своих самых консервативных кандидатов, но в конце избирательной кампании они оба резко сместились влево».

Есть в США и такое мнение, что все эти разговоры о конфронтации на последних выборах «либерализма» с «консерватизмом» не стоят ломаного гроша. Известный историк А. Шлезингер заявляет: «Трудно понять, как либерализм мог стать предметом спора в 1980 году, если его не было в помине в Вашингтоне... Картер же использовал либеральную фразеологию лишь как средство демагогии». Другой американский политолог, Ш. Уолин, отмечает, что Картер был самым консервативным из президентов-демократов за многие десятилетия.

На мой взгляд, есть еще одна причина победы Рейгана. Я думаю, что многие проголосовали за него потому, что он провозглашал еще одно (помимо бесконечных утверждений о том, что при Картере все стало хуже), что не могло не привлечь американцев. Характерно, что в своем последнем обращении к избирателям, за несколько часов до начала голосования, он снова обещал «эру национального обновления», обещал «возродить бесценное значение семьи, труда и добрососедства, восстановить частные и независимые социальные институты». В ходе всей своей избирательной кампании он не устал повторять, что твердо стоит за высокие моральные устои и добропорядочность, за «добрые старые времена». На первый взгляд такие утверждения могут показаться само собой разумеющимися, даже банальными, но в современной Америке они привлекают многих и звучат более чем актуально. Моральное разложение, деградация общества достигли почти предела.

И удивительная, такая символическая деталь! Сейчас по всей Америке идет фильм «Калигула», повествующий о разложении Римской империи. Правда, его авторов заинтересовал только один аспект темы — моральное разложение. Более трех часов на экране сменяют друг друга такие сцены, каких не увидишь даже в порнографических кинозабегаловках! А этот фильм идет по всем экранам. Многие американцы справедливо видят в «Калигуле», словно в зеркале, действительность, окружающую их.

Грязная волна порнографии, проституции, наркомании и организованной преступности затопляет всю страну. Ежедневно, ежечасно это подтверждается множеством примеров. Вот только один из них — детская порнография и проституция, начавшие процветать в последнее время. И все это делается легально!

За этим национальным бедствием стоит непреодолимая в Америке сила — бизнес. Те, в чьих руках находится индустрия преступности и разврата, ворочают миллиардами (!), и поэтому закон им не страшен, американская Фемида перед ними бессильна. Мало этого. В стране царит атмосфера, в которой бороться с такими явлениями бесполезно. Рушатся моральные устои. Семья, брак, любовь, верность, добропорядочность — «старые» и непреходящие ценности цинично отрицаются, потому что так выгоднее наживающим состояниям на преступности и разврате. Намеренное разложение общества, увя, дает свои страшные плоды. То, что вчера считалось неприличным, сегодня становится нормой жизни. В 60-е годы опросы общественного мнения свидетельствовали, что 85 процентов американцев выступали против того, чтобы была официально разрешена рассылка по почте порнографических изданий, а в 1979 году те же опросы показали, что мнение американцев разделилось поровну по такой проблеме, как открытая, легальная продажа порнографических изданий. Итак, сегодня половина населения не находит в этом ничего плохого! Заметный и зловещий сдвиг в сознании общества по сравнению с 60-ми годами... Вот почему обещания Рейгана хоть как-то поднять общественную мораль нашли такой широкий отклик.

Известный американский обозреватель Дж. Рестон писал после прихода Картера в Белый дом: «В первый же день пребывания у власти президент Картер вынужден был столкнуться с суровой действительностью. Он оказался в тисках обещаний, сделанных в ходе избирательной кампании, и реальностей президентской деятельности». Сегодня в ту же ситуацию попадает Рейган. И сегодня Дж. Рестон отмечает: «Печальным фактом в нынешних выборах является то, что они не прояснили проблем страны, а еще больше их углубили. Выборы оставили наших союзников в глубоком сомнении относительно будущего направления американской политики». По поводу последнего утверждения можно добавить, что сомнение это распространяется не только на союзников Соединенных Штатов...

Итак, в США наступает, как говорят американцы, «эра Рейгана». Что она принесет им? Поживем — увидим.

Вашингтон — Нью-Йорк — Москва.

ИСКРИНКИ СТАРОГО КОСТРА

СПИТ СЫН

Как спит мой сын!
Я вслушиваюсь в сон.
Вот быстро-быстро
что-то прошептал он.
Ведь в сердце детском
сгусток всех времен,
как в самородке —
гордый звон металла.

Сын крепко спит —
к нему я наклонюсь,
но от ветров
не заслону собою.
Слышна в нем ненапрянувшая
грусть,

как в раковине слышен
шум прибоя.
Я словно начинаю
жизнь с азов,
где нет костра,
а есть лишь только искра.
Вселенной зов
и материнский зов
в его чертах
слились до боли близко.
Сын спит,
небрежно руки разметав,
как крылья приготовив для полета.
Прислушиваюсь
к росту первых трав,
к пчеле,
уже нектар несущей в соты.

Что нам судилось, то свершилось
Давным-давно.
Но неспроста
Сегодня словно озарилось
Искриной старого костра.

А в нем, точь-в-точь как это было
В те годы, рядышком, рядком
И наши радости скупые
И бед-несчастий горький гром.
Послевоенных лет звучанье,
Как эхо, слышим до сих пор.
И детство — нет, не за плечами,—
Оно глядит на нас в упор.
Оно воробышком над крошкой
Буханки карточной вразвес
Не разменяется на пошлый
Материальный интерес.
Витало в дымке пепелища
Сиротство горькое земли.
Но верность ту, что вечно ищем,
Мы в искупленье обрели.
В степи развевая запах дыма,
И пепелища след простыл.
Лишь детство смотрит нелюбимо,
Нам благодущья не простив.

БЕЛЫЕ КОНИ ЗИМЫ

Мчатся кони зимы,
Норовистые белые кони,
Взяв у века взаймы
Нестерпимую скорость погони.

И летят напрямик —
Выются выюгами белые гривы.
Их полет, словно крик
Над застывшей землей
молчаливой.

Но оглянемся мы —
Опоясала радуга небо.
Где ж вы, кони зимы?
След простыл ваш, как будто
и не был.

И забился родник
Синей жилкой у края оврага.
Прямо в сердце проник
Он своею целительной влагой.

В каждой грудке земли
Настоящее смешано с прошлым.
Здесь отцы полегли,
Завещав нам нелегкую ношу.

Боль внезапных потерь
На меня налетала прибоем.
И тогда и теперь
Все равно я остался собою.

Я остался, я есть —
Босиком я ступаю по травам.
Рода нашего честь
Не ронял, не имею я права.

Все, что было давно,
Все, что в наших сердцах
отзвучало,

Жаль, что нам не дано,
Словно жизнь, повторить все
сначала.

Словно наши сыны —
Это мы. Те, что были. Мы сами!
... Только кони зимы
Чешут гривы уже небесами.

Сад засыпал,
проваливаясь в снег.
Но и под снегом корни согревало.
Круговорот продлился и во сне:
Рожденное росло и созревало.

У каждого своя пора созреть.
Нальется плод, пчела заполнит
соты.

Все то, что было, повторится
впредь —
Уже в глубинах колобродят соки.

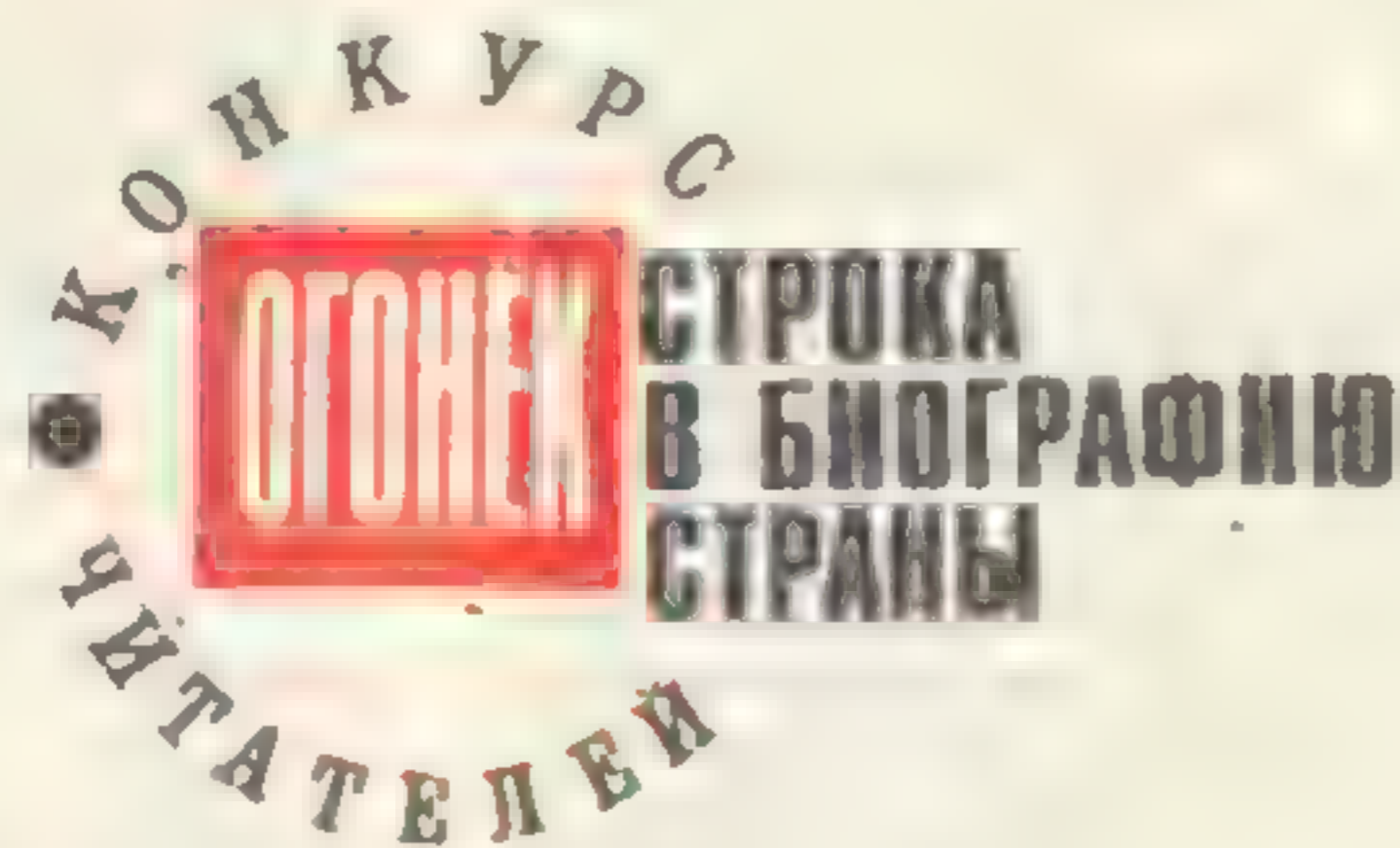
И нас желанья новые томят —
Как яблоню, их первый луч
разбудит.
И чутко спит укрытый снегом сад.
А в снах щедрее и сады и люди.

Бродит осень тропинками
горными.
Спит село с хлеборобами гордыми.
Спит и бредит душистыми веснами,
Золотистыми, теплыми плесами.
В сон являются вербы кудрявые
И поляны в лесу нежнотравные,
Ручейков переливы прозрачные
И скворцов голоса новобрачные.
Хоть за окнами осень — и надолго,
Все же мнится селу, будто радуга
Над горами, лесами и весами
Свой рушник разноцветный
повесила.

Снятся хатам в предутренней
роздыми
Двух влюбленных
свиданье под звездами,
Снятся пчел колдованье над
липами,
Снятся яблони в свадебной
кипени.

Спит село...
И опавшими листьями
К снам весенним пути его
выстланы.

Перевел с украинского
Леонид СОРОКА.

ЛЕГЕНДОЙ СТАЛИ БОЕВЫЕ ГОДЫ

...Шел 1919 год. Добровольческая армия Деникина рвалась к Москве.
В эти трудные для нашей Родины дни вблизи от фронта в комсомольском клубе Львовского поселка станции Брянск-2 состоялось экстренное собрание ячейки комсомола. Молодой рабочий паровозного депо, председатель ячейки Сергей Трофименко рассказал о смертельной опасности, нависшей над молодой республикой, о мероприятиях партии по укреплению Южного фронта, о решении II съезда комсомола помочь Советской стране ускорить победу над белогвардейцами и интервентами. Собравшиеся единогласно решили всту-

пить в ряды действующей Красной Армии.
Так из восемнадцати добровольцев родился 1-й взвод пулеметной команды батальона особого назначения Брянского укрепрайона имени И. И. Фокина. Несмотря на очень трудное положение с продовольствием, обувью, одеждой, работники Брянского учпрофсожа из последних запасов выделили уходящим на фронт овчинные полушубки, в которых они и сфотографировались на память.
Сражаясь в рядах прославленной 41-й стрелковой дивизии, они громили деникинцев под Глуховом и Днепрпетровском, ликвидировали банды Махно на Украине. Отважными бойцами

показали себя молодые коммунисты.

В один из ноябрьских дней 1920 года батальон, при котором находился с пулеметным взводом В. Толстун, был внезапно обстрелян петлюровцами. Молниеносно Виктор развернул тачанку и открыл огонь, уничтожив два вражеских расчета. Выдвинувшись вперед, он бросился к третьему неприятельскому пулемету. Бойцы последовали примеру командира, захватили пулемет и открыли ураганный огонь по отступающему противнику.

За этот героический поступок секретарь Льговской комсомольской ячейки Виктор Толстун был удостоен высшей награды молодой Страны Советов — ордена Красного Знамени.

Храбрым бойцом был и Тихон Сошенко. Но не дожидаясь победы молодой слесарь паровозного депо. О его героической смерти рассказал Виктор Георгиевич Толстун:

«Однажды после тяжелого боя наша часть остановилась на ночлег в селе за Камнец-Подольском. На рассвете мы были разбужены разрывами тяжелых снарядов и пулеметными очередями. Одна за другой выезжали наши тачанки на огневые рубежи. Заняв выгодную позицию, Тихон Сошенко не давал возможности врагам двинуться вперед. Несколько раз пытались они перейти в атаку, но были вынуждены отступить с большими потерями. И тогда вражеская артиллерия открыла огонь по храброму пулеметчику. Снаряды рвались все ближе и ближе, но Тихон продолжал строчить из пулемета. Наши бойцы пере-

шли в контратаку. В это время разорвавшийся в воздухе снаряд осыпал картечью тачанку героя...»

За великое дело Октября погибли Григорий Дашунин, Александр Хоботков и другие комсомольцы-добровольцы.

Интересно сложилась жизнь у председателя Льговской ячейки С. Г. Трофименко, навсегда связавшего судьбу с Советской Армией. В 1940 году он участвовал в боях на Карельском перешейке, командовал армией на Курской дуге, под Корсунь-Шевченковским, освобождал Венгрию. Закончил Великую Отечественную войну Героем Советского Союза, генерал-полковником. За боевые заслуги перед Родиной был награжден орденами Советского Союза и многими медалями.

В. Г. Толстун после гражданской войны стал инженером, работал в оборонной промышленности. В годы Великой Отечественной войны был уполномоченным ВВС РККА по ремонту самолетов на Калининском и Сталинградском фронтах. Награжден орденом Красной Звезды.

Н. А. Петров — участник гражданской и Великой Отечественной войн, кавалер двух орденов Красной Звезды. Недалеко от Берлина был тяжело ранен. После победы над фашистской Германией вернулся к мирной работе машиниста Брянского локомотивного депо.

Легендой стали боевые годы брянских комсомольцев-добровольцев.

Е. КУЛИНЕНКО,
председатель совета музея
брянских железнодорожников
Брянск.

ИСПОЛНИТСЯ В СИБИРИ

исследовано —
в практику

...Обеспечить разработку и реализацию целевых комплексных программ по решению важнейших научно-технических проблем. Существенно сократить сроки создания и освоения новой техники.

Из проекта ЦК КПСС к XXVI съезду партии «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года».

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ,
специальный корреспондент
«Огонька»

ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ГОДЫ

Человек идет по Сибири. Ищет нефть, уголь, минеральное сырье. Нацелены на сибирскую землю фотокамеры и приборы, установленные на самолетах, спутниках, космических кораблях, чтобы помочь человеку увидеть и изучить залежи полезных ископаемых, запасы пресной воды, оценить состояние лесов, рек, посевов, помочь выбрать места будущих гидросооружений. Человек выводит новые сорта сельскохозяйственных культур, породы животных специально для Сибири. Он создает материалы и машины, побеждающие мерзлый грунт, морозы, болота. Он строит вычислительные центры и автоматизированные системы управления, призванные решать задачи крупных масштабов, которыми измеряется размах грандиозной программы, получившей название «Сибирь».

— Программа «Сибирь» была принята в 1978 году на общем собрании Сибирского отделения, — рассказывает председатель Сибирского отделения АН СССР академик Валентин Афанасьевич Коптюг. — Она возникла в ходе выполнения постановления ЦК КПСС о деятельности отделения и предложений товарища Л. И. Брежнева, высказанных им в результате поездки по Сибири и Дальнему Востоку. Это наиболее крупная интегральная программа, сформированная Сибирским отделением за все время его существования. Она включает в себя более тридцати научных программ, нацеленных на решение узловых проблем социально-экономического развития нашего огромного региона. Прежде всего это касается комплексного изучения и освоения минеральных, земельных, лесных и водных ресурсов, охраны окружающей среды, развития сельского хозяйства Сибири и крупнейших народнохозяйственных комплексов — Западно-Сибирского нефтегазового, Куз-

басс, Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса, Норильского горно-металлургического комбината, зоны БАМ, Ангаро-Енисейского и других территориально-производственных комплексов. Существенное внимание уделяется поискам эффективных способов переработки сырья и созданию новой техники и технологии, приспособленных к сибирским условиям. Программа объединяет усилия свыше двухсот тридцати научных и проектных организаций, в том числе 46 институтов и конструкторских бюро Сибирского отделения АН СССР.

Партия указала: народное хозяйство, рост промышленного производства в Сибири должны развиваться более быстрыми темпами, чем в целом по стране. Это накладывает на нас, ученых, особую ответственность. Научные разработки Сибирского отделения используются пока далеко не полностью, и мы будем искать новые пути ускорения связи науки с народным хозяйством, стремясь во всех случаях доводить идеи до их воплощения в жизнь.

Особенно радует, что многие крупные научные результаты принадлежат не только ученым Новосибирского академгородка, но и нашим коллегам, работающим в филиалах Сибирского отделения в Иркутске, Якутске, Красноярске, Томске, Улан-Уде и других городах Сибири.

И вот после беседы с Валентином Афанасьевичем я лечу в те места — города и районы, где разворачивается, набирает силу программа «Сибирь».

ЧУДЕСА В ДОЛОТЕ

Зубок лежал на моей ладони и был похож, наверное, на сотни тысяч своих собратьев, грызущих мерзлые грунты. Насадят такие зубки на ленту — получается режущий инструмент, незаменимый в здешних условиях при рытье, скажем, траншей и многих других работах. Машины с таким инструментом называются баровыми.

Шел эксперимент в отделе физики твердого тела Томского филиала Сибирского отделения Академии наук. Зубок посыпали порошком, затем поместили в лазерную установку. Все мы надели темные очки. Раздались выстрелы, сопровождаемые яркими вспышками. Все.

— С помощью лазера мы нанесли на зубок порошковое покрытие, — сказал заведующий отделом доктор физико-математических наук В. Е. Панин. — Давайте сравним этот зубок с обычным.

Зубки закрепили в державках установки для изучения износа материалов. Завертело, закружилось. На образцы методично сыпался абразивный материал — все было, как в реальных условиях работы баровой машины.

Через полчаса установку выключили, и мне дали возможность все самому проверить и сравнить. Оказалось, что не прошедший обработку зубок похудел едва ли не вдвое больше, чем обработанный лазером.

В другой лаборатории отдела я увидел, как из порошка делают резец. Научный сотрудник Сергей Кульков приготовил необходимую смесь, поместил ее в пресс-форму и поставил на два часа в печь. Снова для сравнения взяли два образца и опять ставили им невыносимые условия — на этот раз на токарном станке. Обычный резец крошился, тогда как с порошковым покрытием не проявлял никаких признаков утомления.

— Это материал особо хитрый, — пояснил Виктор Евгеньевич. — При высокой твердости он обладает удивительным свойством смягчать ударную нагрузку. Автомобиль, скажем, на ухабах спасают рессоры. А резец из нашего материала сам оберегает себя, сам гасит нагрузку и при этом в десять — пятнадцать раз прочнее обычного. Это показали и промышленные испытания на заводе «Сиб-электромотор».

В свое время здесь, в Томске, были начаты первые исследования в области порошковой металлургии, — продолжает ученый. — Этот способ позволяет обходиться без таких традиционных технологических процессов, как плавка и литье, свести к минимуму механическую обработку или исключить ее совсем. Подсчитано, что изготовление каждой тысячи тонн изделий для машиностроения методом порошковой металлургии бережет две тысячи пятьсот тонн металла, дает экономии около полутора миллионов рублей и высвобождает почти двести человек, что особенно важно при нынешнем недостатке рабочей силы в Сибири. Новые методы не требуют строительства больших цехов, печей, установок сложного оборудования.

— А когда новые долота, штампы, резцы, зубья пойдут в массовое наступление? — осторожно спрашиваю я Панина.

— Скорее всего в будущем году, — отвечает Виктор Евгеньевич. — Во всяком случае, на строящемся гиганте — Томском нефтехимкомбинате сооружается специальный цех по нанесению износостойких порошковых покрытий. Кроме того, на нескольких предприятиях Томска уже действуют участки порошковой металлургии.

Так создается техника в сибирском исполнении. Техника, которой предстоит рыть траншеи, бурить скважины, рубить уголь.

САМЫЙ ТРУДНЫЙ УГОЛЬ

Летел я в Кузбасс вместе с Владимиром Константиновичем Аксеновым, заведующим лабораторией систем разработки угольных

месторождений Новосибирского института горного дела Сибирского отделения АН СССР, и потому «теоретически» был насколько возможно подготовлен. Самолет снижался над Прокопьевском, и хорошо видны были овалы безжизненные карьеры — здесь когда-то добывали уголь открытым способом.

Память о том времени, как и сами карьеры, уже давно поросла травой, а угля по-прежнему несметное множество. Однако все трудней до него добираться, все глубже он залегает.

Но если б только это. В районе Прокопьевска и Киселевска природа начудила немало. Угольные пласты здесь всюду очень крутые да к тому же часто перемешаны, изломаны. Сами собой напрашиваются слова, что такой уголь голыми руками не возьмешь. Но то-то и оно, что брать его приходится буквально голыми руками, то есть со сверлом и взрывчаткой.

А брать надо. Сам уголь здесь замечательный, качества высочайшего, буквально чистый кокс.

Спускаемся в шахту «Коксовая». Долго едем по выработке, потом долго идем, затем тяжело карабкаемся по крутой деревянной лестнице, пока, наконец, не попадаем в лагу. Работающая здесь бригада рубит лес и ставит крепи. Чтобы идти дальше. Инструмент — топор да тяжелая рука.

— Почти девяносто процентов угля здесь добывается так. Объем подготовительных работ огромный, — говорит Аксенов. — В три раза больше, чем в среднем по шахтам страны. Заработки, конечно, хорошие, но людей не хватает. Большая зарплата еще не решает вопроса. Интерес нужен, техника.

А теперь я забегу немного вперед.

«Все лучшее, что достигнуто мировой практикой по разработке крутых пластов, у нас есть», — скажет мне позже генеральный директор объединения «Прокопьевскуголь» Анатолий Иванович Петров.

И это правда. В объединении применяются полтора десятка технологических схем разработки угольных пластов, что продиктовано многообразием условий залегания угля. Но ручной труд во все эти схемы — увы — пока еще входит.

И все же новинка техники есть. Работает она на шахте «Зенковская». Агрегат АК-3 называли даже чудом двадцатого века, называли маститые деятели горнодобывающей промышленности Японии, Франции, США.

К сожалению, попали мы неудачно: где-то прорвало трубу, и шахта уже второй день бездействует — откачивают воду. Наконец, после обеда все наладилось, и мы снова едем в «метро», под-

нимаемся в лаву. Вот и он, знаменитый агрегат. Правда, основной части его шестидесятиметровой конструкции не видно, она устремлена вверх по пласту, скрыта в шахтном стволе, откуда сыплет на ленту транспортера уголь.

«Экипаж» АК-3 всего пять-шесть человек. Но в два с половиной раза увеличивается производительность труда. Добыча на участок здесь достигает двадцати тысяч тонн в месяц, тогда как в обычных лавах она в четыре-семь раз меньше. Огромная экономика леса: выработанное пространство заполняется твердеющей закладкой из породы. При такой технике можно почти полностью выводить людей из лавы.

Однако... Не первый год выпуск нового агрегата включается в план Министерства угольной промышленности, но Киселевский машиностроительный завод имени И. С. Черных, которому надлежит изготавливать «чудо двадцатого века», пока не приступает к делу.

В Институте горного дела Сибирского отделения мне много приходилось слышать про щитовую выемочную машину. Не вдаваясь в технические подробности, нужно все же пояснить, что сам щитовой принцип, на котором основана работа машины,—широко применяемый передовой принцип разработки крутых угольных пластов. Щит—искусственно созданное перекрытие—перемещается сверху вниз силой собственной тяжести по мере выемки под ним угля. Метод экономичный и безопасный. Под щитом можно работать и работают по-разному, но все-таки в основном вручную.

Новая машина предполагает другое: установить под щитом механизм для отбойки угля, причем механизм серийный—от проходческого комбайна КМ-56. Нужно только изготовить конвейер, монорельс, корпус для отбойного механизма. Причем все—из серийного производства.

— Никан не удастся изготовить опытный образец, у нашего института нет своей производственной базы,—делится своими трудностями В. К. Аксенов.—Такая база есть у института Сибгипрогормаш Министерства угольной промышленности. Но завод за изготовление не берется, мотивируя тем, что в проекте не достигнута высокая производительность. По их подсчетам, будет пятьсот тонн в сутки. Причем в плане-заказе самого министерства именно такая цифра и записана. А ведь речь идет пока только об опытном образце. В результате же испытаний неизбежно появятся новые идеи, решения, и производительность будет значительно увеличена. Против этих доводов Сибгипрогормаш не возражает, но дело все равно ни с места.

— Сколько будет стоить изготовление экспериментального образца?—спрашиваю я.

— Двести тысяч рублей. Не так уж много. Даже если чересчур оптимистичны ученые академического института, неужели правы специалисты отрасли, вот уже семь лет под разными предлогами отказывающиеся дать жизнь «чужому» изобретению?

А пока все гремят подземные взрывы. Да стучат топоры. И движутся сюда бесчисленные эшелоны с драгоценным лесом, который пойдет на крепи.

ЗЕЛЕНОЕ МОРЕ ТАЙГИ

Чтобы представить себе масштабы лесных угодий Сибири, не обязательно летать над ней, можно просто посмотреть на карту. Не простую, конечно, а спе-

На трассе БАМа.

циальную, лесную. Еще лучше поговорить со знающим человеком, особенно с таким, как А. С. Исаев, директор Красноярского института леса и древесины Сибирского отделения, член-корреспондент АН СССР. Правда, тогда уж не поднимется рука написать, что, мол, лесные богатства здесь безмерны. Ведь расскажет Александр Сергеевич о том, что рубки ведутся со значительным превышением расчетной лесосеки, а разрыв между промышленным освоением таежных лесов и их восстановлением увеличивается просто угрожающе. И добавит, что много, очень много леса гибнет от пожаров и вредителей, особенно от сибирского шелкопряда.

А еще вы узнаете, что добрую половину сибирских лесов нужно эксплуатировать крайне осторожно. Прежде всего из-за того, что они очень много значат для общей экологии.

Мы подходим к огромной карте в директорском кабинете.

— Вот Саяно-Алтайская горная система. Здесь, где берут начало крупнейшие сибирские реки, растут преимущественно кедровые леса. Они регулируют и фильтруют до восьмидесяти процентов поверхностного стока воды. Такой лес необходимо рубить лишь по специальным правилам. Много в Сибири и других мест, где леса по разным причинам нельзя отводить под сплошные рубки.

В общем, если брать лишь продуктивные лесные массивы и сохранять при этом нынешние темпы лесозаготовок и воспроизводства, то сибирской тайги хватит всего лишь на полвека. Или, может быть, чуть больше.

— Что же делать, Александр Сергеевич?

— Во-первых, намного полнее использовать древесину. Мы обращаемся с ценными породами подчас просто безобразно. Используем процентов на шестьдесят, не более. Остальное — в отвал, сжигаем. Думаете, не можем иначе? Можем. На Украине, в Прибалтике, например, дело обстоит совсем не так, как у нас в Сибири.

— А насколько можно уменьшить потери от шелкопряда?

— Давайте сначала выясним, какие это потери. Так вот, за столет погубило несколько миллионов гектаров. Очаг поражения за два-три года нередко распространяется на десятки тысяч гектаров.

Мы разработали метод контроля численности шелкопряда. Теперь можно быстро обнаруживать оча-

ги, определять вероятностный характер воздействия вредителя на лесные угодья, а значит, и эффективно бороться за сохранность леса.

Ну, а нашу работу вы можете увидеть своими глазами. Полетайте на самолете-лаборатории. Там много интересных приборов.

...Низко гудят моторы. Где-то справа поблескивает, удаляясь, лента Енисея. Летим пока низко, и самолет порядком болтает восходящими потоками. Тайга словно дышит.

— Видимость пятьдесят километров, облачность два-три балла, дыма нет, курс двести семьдесят,—слышится из динамика голос первого пилота Бориса Тарубарова.—Приготовиться к включению приборов.

В салоне стало холодно—открыты люки для съемочной аппаратуры. Все мы надели кислородные маски, как-никак начальная высота съемки пять с половиной тысяч метров.

Прильнула к окуляру своего прибора Стефанида Шварева, сотрудница Ленинградского университета. А прибор, вижу, мой старый знакомый—ручной спектрограф РСС-2Б. Писал я о нем не раз в репортажах из Центра управления во время космических полетов. Хорошо он работал на борту кораблей и орбитальных станций. Получали тогда космонавты и спектры лесов. Потом ученые увязывали полученные данные с наземными исследованиями состава лесов, их состояния в разные времена года. И вот РСС работает на совсем иных высотах. Уже иная, своя информация. Ведь, скажем, и Луну изучают и в телескопы и в микроскопы.

Бежит лента под самописцем другого прибора—малогабаритного скоростного спектрометра МСС-2. Потом на земле эти бесчисленные и невыразительные кривые после соответствующей обработки направят в ЭВМ, которая расскажет многое о том, чего не увидит ни один самый зоркий и опытный глаз.

Прошли полигон, и Тарубаров закладывает крутой вираж, после чего мы вновь летим по тому же

маршруту, но уже пониже. И так много-много раз до тех пор, пока мы едва не касаемся кроны деревьев.

Садимся в Абакане, заправляемся и снова взлетаем. Курс на Туву, к хребту Танну-Ола.

Пошли серые, блеклые, гнетущие пятна на фоне веселой зелени. Чувствует ли тайга, что рядом, совсем рядом беда ее? Человек чувствует. Видит и спешит на помощь.

Снова вспоминаю вчерашнюю беседу с А. С. Исаевым. Однажды они помогли защитить крупный массив от шелкопряда. И решили обратиться к экономистам с просьбой подсчитать экономический эффект от проделанной работы.

— Лес вы сажали?—спросили экономисты.—Нет. Самолеты летали? Летали. Съемку проводили? Проводили. Ядохимикаты сбрасывали? Сбрасывали. Люди в лесу работали? И это было. Во что все это обошлось? Подсчитайте. Вот и получайте ваш экономический эффект. Но только со знаком минус.

— Грустная штука,—закключил Александр Сергеевич.—Но она по-своему отражает положение дел в нашем лесопользовании. Ведь лес приобретает существенную стоимость только тогда, когда он посажен человеком. Ну, а природные леса? Они фактически ничего не стоят. Вот и по сей день в практике надзора за вредителями аэрофотосъемка используется едва-едва. И это при всей очевидности ее огромной практической пользы.

А ученые тем временем делают свое дело—с заведомо «отрицательным экономическим эффектом». Ведут контроль своими скромными порядками, совершенствуют методику.

Василий Ряполов, научный сотрудник лаборатории патологии древесных растений, показывает мне спектрозональные снимки разных лесных массивов, выполненные ранее.

— Вот леса, пораженные шелкопрядом в тридцатые годы, вот в сороковые, в пятидесятые, в шестидесятые.

Долго и мучительно залечивает природа свои раны. А вот и совсем свежие—под нами. Но сюда человек уже успеет, успеет, чтобы помочь.

Лес будет спасен. Для этого трудятся ученые. Все задуманное ими исполнится.

ДОСТОИНСТВО РАССКАЗА

литературные заметки

В. ЧАЛМАЕВ

Новелла — малый отрывок пути, кусочек спирали в вихревом движении человеческой жизни, счастливо уловленный художником полунамек истории в единичном сознании. Человек к тому же не всегда собран, сосредоточен, короче говоря, не всегда похож на самого себя. Новелла — это миг недолгой похожести человека на самого себя, когда оказываются словно в фокусе его самые искренние и главные стремления. Такими мгновениями, вероятно, не измеришь жизнь в длину, «по горизонтали». Но быструю эволюцию сознания, его пики высоты, незримые часто душевные движения они освещают порой с поразительной четкостью. И настоящий художник не будет «новеллистичен», прерывистые события или житейские случаи перемалывать в однообразный студень водянистого и «бескостного» романа, раскатывая их в длину. Он не засыплет человека ворохом бессодержательных, размывающих портрет частностей...

Меня не обуревают статистический восторг, амбиции учета, когда так приятно подсчитать и обнаружить с немалым самодовольством, что «толстых» и средней полноты романов сейчас появляется все же больше, чем рассказов. Этот факт говорит о неспособности многих писателей к концентрации мысли, о том, что кое-кто на свой лад переиначил мысль Н. А. Некрасова о гармонии мысли и слова (Словам тесно, мыслям просторно) и убеждает себя: «Зачем же мучить, теснить слова, пусть и им будет... просторно!» Найти сейчас новеллу, «сплюсчиваемую» в журнальной тесноте массивами «продолжений» и «окончаний» романов с таким просторно и аморфно разлившимся словом, порой трудно. И две крайне своевременно выпущенные издательством «Современник» антологии — «Рассказ-77» и «Рассказ-78» (составитель Ю. Ф. Галкин) сейчас невольно отыскиваешь и читаешь с великой благодарностью. Защита жанра и новые имена, разрез жизни «по вертикали», драмы сознания, не загнанные и не рассредоточенные в русла «резиновых» сюжетов...

...Дачный поселок где-то под Ленинградом. Усталый и пресыщенный книжными впечатлениями литературовед Марк Иванович в дачном промежутке жизни, в паузе между очередным симпозиумом и очередными... гипертоническим кризом, инфарктом, лениво листает рукопись молодого пришельца в литературу, вчерашнего школьника, сейчас рабочего Веньки (рассказ «Мой старший брат» Владимира Насущенко). Всякое дело — и профессорское в том числе, как не вспомнить чеховского Серебрякова («Дядя Ваня») — создает незримый для человека «кокон» вокруг его души, погребает ее под отходами ремесла, и Марк Иванович, не видя лица Веньки, не замечая обостренной юношеской наблюдательности, редкой «светочувствительности» его души, говорит величаво, слушая, в сущности, себя же:

«— Философская натерка у тебя есть. Неплохие детали. Но в целом склеено на скорую руку. По церковному преданию, хитон Христа не имел швов. И в искусстве швов не должно быть, — заключил он и надавил окурочку в пепельнице, изображающей медузу. — Работаешь или учишься?»

— Я глиномаз, — буркнул я с вызовом и развязно сел на стул, закинув ногу за ногу...

Молодой ленинградец В. Насущенко — новое для меня имя! — с тревогой, умело интонируя повествование, следит — как врач за перепадами пульса — за исчезающей все время возможностью диалога, контакта этих двух героев. Он не преувеличивает податливость жизненного материала: диалога практически нет, два духовных мира не разомкнулись навстречу друг другу. Марк Иванович, для которого вся философия — нечто вроде головки чеснока, которым Венька и «натер», дескать, черную хлебную корку своих впечатлений, не мог увидеть главного: юный герой и закипает в озорстве, и дерзит, и замыкается в силу многих предельно земных причин. Он сейчас подавлен старшим братом Аркадием — с ним они и живут на даче, — он знает пошлые нормы жизни, которые брат давно усвоил, но Венька не сломлен еще им, он упорно, в одиночку спорит с цинизмом брата. Иногда — до рукоприкладства. И не о том, как сцеплять слова и фразы, хочется ему говорить, а о другом: как прожить, не приняв унижительных, но, увы, ставших нормой, деспотично навязываемой здесь, в дачном поселке, условий жизненной игры.

Венька многое замечает... Он видит, как Аркашка без любви, от нечего делать вот-вот покорит, «обратает», как говорит бабна, дачная хозяйка, дочь того же Марка Ивановича, стюардессу Ленку. И чем? «Подобных фраз (дешевых хохм, анекдотов, афоризмов. — В. Ч.) у него было целый вагон на все случаи жизни. Когда Аркашке попадались трудные девочки, он их охмурял таким способом. Не умея любить, Аркадий вяло, впрочем, ждал любви, какого-то «интереса» от очередной партнерши. А друг Аркадия, горнолыжник Аполлон Георгиевич? Он нажмется мужественным, он даже уцелел в плену лавины, но это мужество — вне нравственных измерений — это прочность хорошо сделанной вещи. Ухаживая за женой Марка Ивановича, он и некий врач способны вдруг на глазах у Веньки «делить» двух девиц из прибрежного колхоза.

— Если решка, я беру Хельгу, ты — Ульви. Мне все равно, — сказал бывший студент. Выпала решка.

— Справедливо, — сказал Аркашка. — Чтобы не спорили, всем по манжету.

— Вы как лошади. Со стороны вроде порядочные люди, — сказал я.

— Что он говорит? — спросил Аполлон Георгиевич.

— Говорит, что мы — лошади.

— Он кто?

— Он чистый благородный джентльмен, который никому не ищет зла...

— Увы, не понимаю молодежь...

Подлость, «мерзавочность» потребительского и отчужденного отношения к людям — его натушно повторяют, как присягу, заучив и усвоив, Аркадий, Аполлон (с чьих слов?) — ужасают Веньку: эти люди не бросают даже ту же Ленку, Хельгу, а «просто РОНЯЮТ человека, ставшего им ненужным: как... бумажку с конфеткой, как невнятный билет лотереи» (Тургенев).

Это неприятие потребительства отрадно. Негласный кодекс «нормальной» для бесчисленных стаен городских юнцов, в вечном подпитии и возбуждении толпящихся у входа в «модные» кафе, скажем, морали этого циничного презрения к стыдливости и скромности, как уделу заведомых неудачников, как будто дает трещину. Венька словно не хочет уже пускать свою жизнь на распыл, в труху, не хочет ставить ее «на кон» в дешевой игре циников и хохмачей. Кстати говоря, и юный рабочий Слава в другом рассказе В. Насущенко, пришедший на верфь, очень круто, с острым чувством достоинства отвергает грубоватость, примитивность подхода к себе, и, с другой стороны, на верфи его в первый день встречает возглас:

«— А, молодая смена. Приветствую вас! Пахать мал, боронить велик, а за водкой послать в самый раз. Пошлем, Максимыч?»

— Не гаерничайте, вам не к лицу, — вежливо обрезал мальчик.

Рожков нахлобучил ему на глаза каску.

— Ишь ты, механик пожаловал! Яйца курицу учат...

Мальчик отдернул голову, поправил каску и ответил с достоинством:

— Вы несправедливый человек.

Мелочи, штрихи жизни, скачки секундных стрелок времени... Но и старый рабочий, помощник бригадира Максимыч, поручив Славе, «салаге», скучнейшую работу, спеша засесть дома перед телевизором, тоже был изумлен и смягчен серьезностью и достоинством, с которым этот юноша отнесся к делу.

«Он мог приказывать бросить это дело до завтра, с автогенном здесь пять минут работы. Но что-то удерживало помбригадира.

Труба уже свисала свободно, остался последний оборот... Мальчишка засмеялся:

— Я же говорил, вдвоем быстро...

Михаил Максимович ухмыльнулся. Он мог бы уже побаловать себя пивом на выходе и успеть на матч, а он сидел в затхлом танке с этим несмысленным...

— Как тебя зовут-то? — сурово спросил Трофимов, застегивая на груди брезенту.

— Я же говорил вам, когда шли сюда...

— Не помню, не помню. Заработался, брат...

— Славиком меня зовут...

— Понятно. Святослав. Князь такой был, — зачем-то сказал Михаил Максимыч.

В рассказах Вас. Белова «Свидания по утрам», И. Евсеенко «За тридцать земель», В. Астафьева «Древнее, вечное...», Ю. Казакова «Во сне ты горько плакал», В. Суглобова «Все от тебя мои страдания» с большой зоркостью, с чрезвычайной, порой «микронной» чуткостью запечатлено множество человеческих усилий — сберечь юность и чистоту души, не раствориться в пошлости и примитиве, повысить качество дней, проживаемых героями часто в соседстве с притязаниями на эти дни, на судьбы все той же измельчающей души пошлости. Мозаика рассказов передает в сумме весь накал споров, поединков героев гуманистического склада характера и всякого рода мещан, гордящихся часто, порой наивно, вселившимся в них вирусом жестокости, доблестью бездушия, гордящихся, и весьма агрессивно, бессердечной «деловитостью» как некоей новой душевной оснасткой. Варианты этого поединка очень многообразны. Его повторяемость создает впечатление определенной закономерности движения всего общества и к новой системе нравственных ценностей и к большей, чем было раньше, активности лучших героев в защите собственных душ.

Герой рассказа воронежца Ивана Евсеенко «За тридцать земель» тракторист Матвей Дорошенко нехотя, с опаской, как медведь, выманенный из берлоги, пустился по наущению земляка Саньки в путь-дорогу с мешками лука на Север с его «дорогим» рынком. Легкость и произвол назначения цен на лук, искусство парирования упреков «Совести у вас нет!», которому учит его тот же Санька, бывалый торговец, неуверенное вторжение в среду спекулянтов и воротил рынка, среди которых и бойкая продащица, ее сожитель цыган, и «южный человек» Отар Шотович, владелец дома в восемь комнат и двора, выложенного кафелем, — все кажется Матвеем сном. Хмель незнакомого легкого житейства, дурных денег туманит голову. И только внезапный испуг во сне — а вдруг «еще немного, и все, тут ему — конец, никогда не увидит он больше ни Таньку, ни Евдокию, никогда не сядет больше на трактор» — отрезвил героя. Испугало его вдруг то, что он невольно оплевал нечто дорожное для себя, уравнялся с подозрительно «непрочными» людишками. Припомнилось, как он юлил перед милиционером, предъявляя и права механизатора и газетку, где «был пропечатан его портрет» с призывом «Равняйтесь на передовиков!». Матвей представил, как мужики скоро будут советовать ему: «Давай лимоны теперь выращивай!» И горечь неминуемых утрат, «эрозии» прежнего счастья спасла героя, погасила сладость рыночного «вдохновения». Впрочем, надолго ли?

* * *

Фантастика быта, «экзотичность» самой заурядной внешне повседневности издавна питала новеллу комбинациями страстей, коллизиями нравственных борений... И малодушен тот художник, который бежит от этой ближайшей бытовой реальности в царство отвлеченностей как от мышей суесть, от сора житейщины.

Бесспорно, действительность семейной жизни, хаос бытовых обстоятельств рождает случаи, внутреннего драматизма которых, как говорил еще Белинский, «не хватило бы на драму, не стало бы на роман». Но они же, эти случаи, добавлял критик, поистине «в одном мгновении сосредоточивают столько жизни, сколько не изжить ее и в века!» Чехову не было

нужды длить мгновение встреч героев в новелле «Дама с собачкой». И читатель и сами герои знают, что героям не изжить до конца дней то, что дала им уже первая встреча. И Платонову не нужно было сплетать или, вернее, распускать пряжу дней и лет после того, как капитан Иванов («Возвращение»), увидев своих детей, бегущих за увозящим его поездом, соскочил с него. «Прежде он чувствовал жизнь через преграду самолюбия и собственного интереса, а теперь внезапно коснулся ее обнажившимся сердцем».

Конечно, быт — среда и стихия — по-своему, как вода солнечные лучи, преломляет, рассеивает, туманит лучи больших идей, важных закономерностей. Быт с его базарами, дачами, полковыми романами, загсами и судами, незримыми муками «перетираемых» в семейных склонах сердец, неснятыми напряжениями детских обид и слез — сила вообще чуть не иррациональная, часто «умонепостижимая». И это — при всей осязаемости, конкретности его частных. О быт может разбиться не только «любовная лодка», но и смелая мечта и дерзкое упование юности. Время здесь сплошь секундное. Но, с другой стороны, где же, как не в каплях жизни, в этом непромытом золотишке «песке» берут начало многие прекрасные порывы, отыскиваются «самородки» чудесных душевных качеств? Да и десятилетия складываются из секунд! Плоть времени — секунды... Обыденность — могучая сила, это среда распространения и преломления всех идей.

Герой рассказа Вас. Белова «Свидания по утрам» Константин Зорин, каждое утро приходит к бывшему своему дому, где остались на положении «обломков» семьи дорогие ему — бабушка, бывшая теща, вывезенная из деревни, и дочка Ляля. Они как беспомощные «заговорщики», тайном встречаются в час утренней прогулки ребенка, чтобы соприкоснуться сердцами, ощутить теплоту родственных, какой-то бесчеловечной стихией отторгнутых душ. Все трое боятся шума, скандала матери, победоносно озлобленной и в новом браке. Вот и сегодня — крик, брань, испуг ребенка...

«Гримаса боли, отчаяния и недоумения, чередуясь с улыбкой радости, все еще не сходит с ее (девочки. — В. Ч.) маленького заплаканного личика. Он достает платок и, не сдерживая собственных слез, вытирает ее, потом успевает благодарно одной рукой прижать к себе костлявое плечико бабушки. «Наплевать, что пенсионеры глядят, на все наплевать. Правда, Лялька?»

Ее тельце все еще содрогается.
— Папа, ты больше никогда не уйдешь? — медленно успокаиваясь, говорит девочка.
И он вновь крепко прижимает к себе этот единственно верный, такой беззащитный родимый комочек жизни».

Но почему все же беззащитный? Вас. Белов с тревогой, непривычной для него, певца традиционных нравственных ценностей, осознает внезапно развернувшуюся, почти неуправляемую разрушительную силу, которая стала какими-то волнами исходить вдруг от... женщины, матери и охранительницы семейного гнезда! Где же ее была стыдливость, самоотречение некрасовских женщин во имя близких, искусство терпеливо смолчать, не лезть со словом «поперек»? Ничего этого нет в Тоне — она победно идет «через» одну, вторую семью, «через» детей... Идет, переламывая мужественных мужчин и презирая покладистых... Куда? Во имя чего эти победы? Кто навязал ей, кто посеял это презрение к «мании семьи», к ее якобы «порабощающей» сути? В детали вопроса герой Вас. Белова не вдается: он слишком изумлен метаморфозой. Но как робко звучит голос защищающей семью женщины в ресторане, в грозной, победоносной и «современной» женской компании, «раздавившей» — без помощи мужчин — несколько бутылок портвейна:

«— Да чего ее слушать? ОНА ЖЕ ВЛЮБЛЕНА в своего Славика!»

Оказывается, что и любить Славика, то есть собственного мужа, уже несовременно с точки зрения такой веселой компании. Тоня всегда обвиняла Зорина в черствости, в неуважении к женщинам и... наконец, в домогательствах. Если никого не было поблизости, он тут же взвизгивал: «Домострой! Ты хоть читала его, этот «Домострой»?», «Не читала и читать не хочу», «А ты знаешь, что «Домострой» проповедует мужскую верность?»

Быт вязок, подвижен, изменчив. Он движется, конечно, замедленно, дробя, стирая в порошок человеческие судьбы, порождая тысячи не записанных пером взглядов, вопросов. Герой Вас. Белова, как ни пробует автор «помочь» ему, так и не выяснил, почему «у многих современных женщин дамское самолюбие сильнее материнского чувства» и им нужна игра в любовь, борьба с мужем как дурацкое самоутверждение... Но захватывающе интересен и «взрывчат» весь процесс познания этой стихии! О сложности нравственных исканий в этой сфере, неловком и часто «кустарном» формулировании героями — и где-то среди рыночной толчи, и на даче, и на допросе у следователя, и в колхозном ателье — каких-то важных истин порядочной и цельной жизни повествуют рассказы С. Воронина, Г. Семенова, Вас. Рослякова, Л. Фролова.

Герой рассказа В. Суглобова «Все от тебя мои страдания» Самохин, молодой следователь, похожий прямою характера и импульсивностью душевных движений на Венюку из рассказа В. Насущенко, вынужден тщательно разбираться в силу служебного долга в этой пестроте, житейских мнений о добре и подлости. В связи с чем? Таня, его одноклассница,

на каком-то этапе жизни поддалась «неотразимому» напору доводов «жизни» самодельной морали торгашей, полужуликов или людей, просто помалкивающих при виде воровства. И сейчас Самохин должен объяснить ей нечто важное. «Его давно уже мучил вопрос: почему они к этому приходят? Часто неглупые, ничем от природы не обиженные люди?» Интерес этой новеллы, помимо прочего, в том, что Чехов называл: «все время... говорить и думать... в тоне и чувствовать... в духе» своих героев. Может быть, оттого, что герои так молоды, что Самохин любил и еще любит эту Татьяну, что сам писатель молод, но этот тон и дух дались автору легко. Сцена в доме Тани, рассказ ее о директрисе магазина, убедившей ее — а противиться было лень! — что «не крадут лишь те, кому красть нечего» — исполнены подлинной музыки настроений. Старые пластинки, голоса забытых певиц и певцов, музыка школьных лет, в которой все так ясно, все так чисто... Первой не выдержала давнения памяти героиня. Наивные тексты старых танго будто упрекнули ее в чем-то, упрекнули в предательстве по отношению к своей же юности.

«Таня вдруг быстро шагнула к радиоле, и песня с хрипом оборвалась».

— Хватит! — зло сказала Таня. — Я хочу спать...»

Можно оценить чуткость многих художников к материалу, к тем эпизодам, житейским ситуациям, которые они «отграничили», внеся, конечно, душу живую в них, именно в новеллы. Ведь вся жизнь тоже в известной мере прерывиста, «новеллистична», соткана из замкнутых эпизодов и сцен. И многое в непоследовательном, прерывистом движении сознания, в вечной незавершенности каждого нравственного решения извечно передавал рассказ. В этом неназойливое, чуточку стыдливое достоинство этого жанра.

* * *

Невольно отмечаешь про себя то обстоятельство, что в новеллистике последних лет то и дело мелькают рассказы — не без влияния прекрасного «Белого Бима» Г. Троепольского — о собаках, об их обманутой или оскорбленной человеком верности («Отдай котлету собаке Борщаговского» В. Рослякова), рассказы о поездках не просто на родину, а в страну детства (С. Багров «Рябички на завтра», Г. Немченко «Отец»), наконец, новеллы, которые кажутся сплошь тонкой «дегустацией» изысканных настроений по поводу и без повода. Такова, например, интересно задуманная новелла из быта полунинтеллигенции Г. Семенова «Фригийские вазы» — с мастерскими художников, загулами в ресторанах, сумасшедшими страстями, с ситуациями такого плана: «Загул этот случился в ресторане гостиницы «Киевская»... Почему именно там? Ах, да, его пригласил туда старый приятель, оставившийся в этой гостинице...»

Нить постепенно распутывалась, и он, цепенея от ужаса, наконец-то вспомнил главное и, еще не представляя размеров того несчастия, какое приключилось с ним вчера, с утробным стоном понял вдруг, что рядом с ним в постели лежит юное существо, лежит спящая женщина, которую он вчера — о ужас! — уговорил выйти за себя замуж».

Удивляться эклектике мотивов, тем, настроений, пестроте цветочных пятен и хитросплетениям сюжетов не приходится. С «пошлостью бессмертной пошлости» (Цветаева) извечно проникают в литературу драгоценные явления истинно человеческих переживаний. При голоде, тоске по человечности и плохо выпеченный хлеб — с философской натеркой — медодраматизма, скажем — отчасти питает. Важно, что голод этот возник!

Вообще структура рассказа стала сейчас — после открытия многими И. А. Бунина и от этого «голода» — как-то музыкальнее, «зыблее» и психологичнее. Свинцовой тяжести описаний, очерковости нет почти. Новеллисты не отбивают хлеб у летописцев: горсть подробностей, «снимок» сложных настроений, преходящих, недолговечных — и часто все... Но все же нельзя без конца рисовать жизнь «без центра», без длительно действующей и объединяющей многих идеи жизни. Пыль впечатлений ведь прессуется в характеры... Есть ли этот центр в новеллистике?

К счастью, такой центр всех нравственных исканий, борьбы — помимо воли, может быть, самих новеллистов — образуется, становится очевиднее по мере чтения десятков новелл. Определить его, нанести на контурную карту, правда, нелегко...

Когда-то герой «Анны Карениной» Константин Левин ощутил — это было в момент рождения ребенка, его первенца — нечто неожиданное в себе, с поразительной точностью запечатленное писателем. «Что он испытывал к этому маленькому существу, было совсем не то, что он ожидал, — писал Толстой. — Ничего веселого и радостного не было в этом чувстве; напротив, это был новый мучительный страх. Это было сознание новой области уязвимости» (подч. мной. — В. Ч.). Это очень верно. Все дорогие нам люди — тоже уязвимые, открытые для ударов области нашей же души. Особенно дети. И мы часто молим судьбу не наказывать нас «через них», через эти особенно нежные области уязвимости. Но странно — и об этом сказал Толстой, — чем больше таких дорогих людей, «областей уязвимости», тем непобедимей человек перед ударами судьбы. Победоносный эгоист, заброшенный со всех сторон, гибнет первым, вырождается и до всякой грозы. Оказывается, что каждый близкий, любимый нами человек, тем более слабый, — это одновременно и опора, надежда, великий взлет души «на такую высоту, которой она никогда и не понимала прежде и куда рассудок уже не успевал за нею».

Сохранить человечность в человеке, жить в тепле взаимной связанности, ощущать себя частью народа с его неизмеримо превосходящим личный опыт и знания социальным и нравственным опытом подвигов и мужества — эти стремления человеческих душ также запечатлены в новеллистике наших дней с большой художнической зоркостью. Конечно, в современном мире число «областей уязвимости» для каждого и для народа в целом, пожалуй, не убавилось, а прибавилось. И условия жизненной борьбы стали сложнее. Но сколько высот, куда и ранее возносило время человека, творца новых моральных ценностей, влекут его сейчас в час беды, перед лицом опасности!

Поистине великолепным развитием гуманистической мысли Толстого стали многие новеллы В. Астафьева из цикла эскизов, зарисовок «Затеси»... И среди них одна из лучших — «Мальчик в белой рубашке»... Читая его, не просто приближаешься к душе и сердцу крестьянки-матери, к ее величественной трагедии, растянувшейся на десятилетия. Кажется, что писатель, как когда-то сказал А. Фет, может тоже сказать о себе:

Я понял те слезы, я понял те муки,
Где слово немеет, где царствуют звуки,
Где слышишь не песню, а душу певца...

...Дети героини, Санька, Ванюха, пришли из деревни, не выдержав затянувшегося одиночества, на далекую пашню. «Сладкими» обманами да соблазнами увлекли они и совсем еще малого трехлетнего Петеньку, который и не дошел-то один, как заправский мужик! — до материнского поля, может быть, сотню-другую шажков и утонул в водоемине, в зыбучей трясине. Никто не услышал его тихонького, недоуменного испуга, последних слез, трепета. Писатель деликатно — какая чуткость сердца! — не трогает, не расписывает этого эпизода, оставив для нашего воображения и совести мучительный рубеж...

«Много дней кружила мать вокруг полей, кричала зверем раненым, пока не обезгосила и не свалилась без сил наземь. Бригада колхозная рыскала по окрестным лесам. После всем селом искали Петеньку, но даже лоскутка от рубахи мальчика не нашли, капельку крови нигде не увидели. «Взял его, невинного и светлого, к себе в ангелы господь бог», — заверяли пацки на суеверия и жуткую небылицу старухи».

Писатель не показывает всей последующей судьбы героини. Время и новые впечатления внесли, конечно, сложную работу в душу ее. Ведь любое первоначальное горе, неожиданный удар — это травма, как бы открытая рана. И жизнь была бы невозможна, если бы человеческая душа не обладала замечательным свойством: след впечатления, резкий удар как бы подхватывается процессом воспоминания и смягчается. Живой образ ребенка постепенно обволакивается этими воспоминаниями, сновидениями наяву, рождается светлая и возвышенная печаль, позволяющая с великим достоинством, с особой щедротой и самозабвенной любовью к другим людям жить и нести свою ношу. «Тридцать уж лет минуло, а все слышит мать ночами легкие босые шажки, протягивает

Лев КОНДЫРЕВ

ЧУДЕН МИР ЖИВОЙ

КРАСНЫЕ КАМНИ

В небе, похожем
На синие плавни,
В траурных лентах
Плывут облака,
Слезы роняя
На красные камни
В трещинах горных,
Где дремлют века.
Реет над ними орел,
И двукрылость
Плеч его
В отблеск
Несет багрецов
Строки легенды,
Что здесь просочилась
Кровь за Отечество
Павших борцов.
Сколько их было?..
Сколько их было?..
Хлынула в очи
Им смертная мгла.
Крепом могильным
Глаза им закрыла
Смерть, но убить
Их мечту
Не смогла.
Красные камни,
Как сторожевые
Праха героев,
Глядят в небосклон.
В землю ушли они,
Вечно живые,
В красные камни,
В пламя знамен!

ЭЛЬБРУС

Как будто
Всей земли

Поднять пытаюсь груз
К мерцанью звезд,
К их вечному
Движенью,
Ледовый торс
Поднял старик Эльбрус,
Взбурив
Мускулатуру в напряженье.
Гигант гранитный,
Прянув в высоту
Над всей плеядой
Горных великанов,
Как человек,
Дымился он в поту
Своих незамерзающих
Туманов.
Прекрасен лик Эльбруса был
В лучах
Луны, как бы
Отлитой из металла..
Трещали жилы —
Трещины в плечах,
И в сердце
Лава
Грозно клочкотала.

ТЕБЕРДА

Снега, снега..
И глыбы льда..
В алмазной их броне
Тебя я вижу,
Теберда,
И горца
На коне.
Летит орла
Гортанный клич
В ущелье
С горных круч.
Неужто всадник тот

Казбич
В косматой
Бурке туч?
Глубок
Ледовый наст,
Глубок..
И красный
Камень в нем,
Как Бэлы кровь —
Кровоподтек,
Мне сердце
Жжет огнем.

АРХЫЗ

Как самородок
Золота, Архыз
Сверкает в полночи
Над лунною тропой,
На горном
Пастбище,
Спускаясь сверху
Вниз,
Стада ушли,
Закончив водопой.
Журчит ручей
Легенды крутизны
На светлострунной,
Каменистой лире
Об Эльбрусе
В кольце голубизны,
О демоне,
Тамаре
и о Мцыри..
Таким тебя
Увидел я, Кавказ,
Багряной осенью
Придя к тебе
Впервые,
В Архыз,

Где горы
Не смыкают глаз,
Как лермонтовской
Музы часовые.
И я в смятенье
Прочь бегу
По мерзлой
Целине.
Вид горький
Крови
На снегу,
На камне
Страшен мне..

КОЛЬЦО-ГОРА

Люблю я
В Кисловодске вечера,
Когда еще
Не спит
Кольцо-гора..
Когда ветра,
Струясь через кольцо,
Мне нежно глядят
Плечи и лицо.
В кольце заката
Чуден мир живой..
Гранитом влажным пахнет
И травой.
И я в кольце
Твоих волшебных рук
Сердец двух наших
Слышу перестук,
Волос твоих
Вдыхаю звездный дым.
Стал темный склон
От инея седым..
Приходит ночь..
И блещет, как алмаз,
Кольцо-гора,
Кольцом венчая нас.

руки, зовет, зовет и не может дозваться сына. И сон ее кончается всегда одинаково: ввысь, по горной дороге, меж замерших хлебов, осиянный солнечным светом, уходит от нее маленький мальчик в белой рубашке..»

Иные формы взаимной связанности, родства душ рисуют В. Кожевников («Лилась река», «В дальнем плавании»), Ю. Антропов («Пихтовый сучок»), В. Марченко («Чудится») и совсем молодой писатель Владимир Казарин в рассказе «Волгари».

Волжские капитаны, герои рассказа «Волгари», и среди них Пронякин, начальник пароходства, кажутся людьми скупыми в чувствах, сплошь погруженными в дело. Да они и видят друг друга редко! Разойдутся — борт в борт — на волжском фарватере, озорно погудят вслед друг другу, и снова лишь цепочка радиограмм свяжет их да прозаические заботы с навигационным планом. Но как чутко оценивают они — и на расстоянии, опираясь на богатый опыт труда, риска, на веру в друзей. — каждый смелый шаг друг друга! Капитан одного из судов Зотов, попавший временно в опалу, получивший нагоняй за рискованный эксперимент, словно «читает» в душе у начальника: «Теперь мне вот судом грозишь. А сам-то риск любишь, знаешь ему цену. Все пароходство сейчас, небось, на ноги поднял, считать заставил: можно ли? И выгода какая?» И Зотов не ошибся. Начальник пароходства, не забывший еще капитанских тревог и радостей, не боясь уронить свой престиж, телеграфировал Зотову: «Прости горячку. Мысль верна. Спасибо. Подраваю команду...»

Иногда это тепло душевной взаимосвязанности, возвышающую радость объединяющего всех чувства Родины вносят в жизнь героев, кажушиеся чудачками, наивными бесребренниками. В рассказе вологжанина Глеба Текотева «Агафоновы странности», написанном чудесным русским языком, столяр и краснодеревщик Агафон долго удивляет односельчан очень многим. Увидев, что искусно сделанные им санки, брошены нерадивым хозяином в крапиву, он вернул владельцу санок деньги и забрал свое изделие назад:

— Труд уважать надо.

Никому не дав в долг рубля «на водку», он

же вдруг сам предложил соседу, у которого пала корова, пятьсот рублей на покупку новой: «Токо не ошибись в коровенке-то...»

И улыбки над кажущимся чудачеством, странностями Агафона угасли, насмешки скоро умолкли, и все односельчане внезапно осознали себя более близкими, подобревшими друг к другу. Народ не просто сумма людей, но и общность самых идеальных чувств, единство исторической и нравственной памяти. Об этом талантливо напомнил вслед за В. Астафьевым, Г. Текотевым еще один новеллист, Геннадий Ненашев, в рассказе «От снега до снега». И традиционны, знакомы, кажется, характеры двух стариков — Силантия Лыткина и его жены Клавдии Тихоновны. Но куда их занесла судьба! Он, бондарь, вечно сколачивавший бочки в селах, поехал на Анадырь, чтобы «поправить», как он выражался, пенсию. Потянулась за ним на Чукотку и жена. Один вид беспризорной, невозделанной земли глубоко тронул сердце старой женщины. Напрасно ее уверяли, что здесь ничего не растет, что земля бесплодна: мерзлота, мол, убивает все. Она все же заставила утеплить свои грядки навозом, укрыла рассаду, помогла ей «дышать» под пленкой, то и дело взрыхляя землю.. «Но и как попало жить не годится. Раз приехали — значит, и устраиваться надо по-хозяйски. А то я вот смотрю, многие здесь годами живут, а все как командированные. Как на вокзале: на чемоданах сидят. А ведь годков-то на роду каждому точно отмеряно, и никто их потом не добавит. Так что ждать нечего, надо жить везде одинаково», — говорит она, оправдывая свою привычку везде прочно, основательно укореняться, утверждая свою веру: «Ничего, корень-то расейский — выдюжит...»

В таких нравственных решениях — пока единственный художественно достоверный

центр многих микродвижений в пестрой панораме быта наших дней. Конечно, он, этот центр, условен, зыбок, это часто мерцающий свет традиционной нравственности. И не случайно носители этого света чаще всего старики. В таком быту, при наличии светлых душ можно жить, не замыкаясь в себе, не затыкая уши, не шарахаясь с опаской от встречного. Даже души, растущие в сторону ожесточения, болезненного возбуждения, исцеляются и учатся жить любовью к другим.

Но натуры заземленные, скучные и в праздники и в будни, убийственно похожие обыденностью желаний друг на друга не могут заменить активного, устремленного к общественно-значимым целям героя. Так где же они, эти новые нравственные ценности, рождающиеся, скажем, в самоотверженном научном поиске, в подвиге солдата наших дней, в работе государственной мысли? Нравственность не узко личное достоинство, а состояние народной души. И все источники, ее наполняющие, особенно новые, должны «втекать» в литературу.

* * *

Доверие к жизни, к человеку... Это доверие и даже больше — горячая любовь ко всему, чем живет современный человек в труде, в быту, — позволило рассказчикам уловить те мгновения в жизни своих героев, когда и их души поднимаются на высоты мужества, благородства, неосознанного величия. Прекрасно, что писатели не разминулись с героями и их исканиями. И велика честность их — они не стали новеллистические события растягивать с помощью «резиновых» сюжетов до рамок пухлых романов, многословных повестей. Жизнь требует от художника верного глаза и уверенной руки мастера, знающего нужный для дела жанр.

И. Айвазовский. ЛУННАЯ НОЧЬ. Публикуется впервые.

Ереванская картинная галерея.

И. Айвазовский. ВИД НА МОРЕ. Публикуется впервые.

Ереванская картинная галерея.

ПЕРЕД БУРЕЙ. ФЕОДОСИЯ. Публикуется впервые.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Сначала его удивил свет в окнах своей квартиры, полосой горевших на восьмом этаже, а когда Мария открыла дверь, поразили траурные тени под ее глазами, и он бегом поцеловал ее, уже не сомневаясь, что дома случилось неладное, спросил, встревоженный:

— Что, Маша? Что с тобой?

— Спасибо, что ты приехал. Я позвонила тебе в мастерскую, потому что не могла...

Она прошла в комнату, опустилась на подлокотник кресла под торшером, поправила халат на ногах, взяла с края пепельницы дымящуюся сигарету. Ожидая его, Мария, по-видимому, в одиночестве читала здесь: развернутая английская книга лежала на журнальном столике.

— Я не хотела тебя будить,— сказала Мария, зачем-то положила на колени книгу.— Но прости, мне как-то не по себе. Все это становится ужасно! Виктория позвонила в шесть часов вечера, сказала, что говорит из автомата по дороге домой, а сейчас два часа ночи. И ее нет. Ты не можешь вообразить, чего я только не передумала. Гос-споди...

— Подожди, Маша, подожди,— остановил Васильев с напускной успокаивающей легкостью.— С кем она была? Ее провожал кто-нибудь?

— Я не спросила, с кем она была, мне не пришлось в голову, потому что еще было рано. Я знаю, что иногда они ездят куда-то на Дмит-

назад, но она вопросительно хмурилась, ночью же в его объятиях лежала как-то отдаленно, мертво, отворачивая в сторону лицо, пряча губы от его поцелуев, и в этой ее холодности, в ее равнодушно покорной близости было что-то незнакомое, страшное, умопомрачающее.

Нет, все началось гораздо раньше. Ее отчужденность он ощутил еще в Венеции, когда она отказалась вместе ужинать, а он пошел в бар, чтобы выпить там и расслабиться. В тот вечер он принял ее отказ за капризную усталость в результате переездов, встреч на выставках, приемах в Риме, он никак не связывал непонятное охлаждение Марии с письмом Ильи, его появлением на римском вернисаже и даже свиданием с ней в пригородном ресторанчике (о чем она рассказала позже): было бы смешно ревновать к тому детскому, предвоенному, ушедшему. И все же унижительная мысль о смехотворной ревности в его возрасте и одновременно то, что Мария знала заранее о приезде Ильи в Москву и сообщила о дне приезда Раисе Михайловне, ничего не сообщив ему, коготком царапало его душу, хотя он и не хотел думать об этом.

— Ты, наверное, знаешь, Маша, что приехал Илья,— сказал Васильев, не глядя ей в лицо, чтобы не увидеть неестественного удивления.

— Приехал Илья? Да, я знаю,— ответила она вскользь, бросила книгу на кресло и начала ходить по комнате, крестообразно обняв себя за плечи.— Илья, ты говоришь — Илья... Почему ты заговорил об Илье? При чем тут Илья?.. Ну, где она может быть? Скажи мне, пожалуйста, где? Если они заехали к своему режиссеру, то что они могут делать до двух часов ночи? А если она не у режиссера, то где она? Где? Где? Как же его фамилия? Как же его? Любарев? Никонов? Нет, нет! Ах, вспомнила — кажется, Тихомиров! Да, да, Тихомиров...— Она покусала губы, взглядывая вокруг в поиске ускользающего имени, и повторила:— Да, да, кажется, Николай Степанович Тихомиров. Я помню, она называла его

ду зажженного электрического света в квартире, и от сиротливых гудков в трубке, как бы из небытия возникающих и в небытие пунктирами утекающих — в непроглядную бездну ночной Москвы, где могло случиться всякое... Он не хотел верить в это ночное и темное, но когда представил гибкую, лебединую тонкость дочери, хрупкую беспомощность ее шеи и плеч, чересчур длинных ног, мало развитой груди, всегда вызывавших в нем пронзительную жалость, когда представил ее приглашающую улыбку, плавный голос: «Здравствуй, па-а!» — он почувствовал уже не беспокойство, а леденящее шевеление страха под ложечкой, и сразу же все стало ничтожным, кроме этого чувства.

— Послушай, Мария,— сказал Васильев, не снимая руки с телефонной трубки.— Есть еще один беспечный человек, у которого она может быть. Это твой милый дядя — Эдуард Аркадьевич. Его монологи бывают беспредельными. И уклониться от них не так-то просто...

Она зябко передернула плечами.

— С половины первого ночи я начала обзванивать всех. Звонила и Эдуарду, и твоему Лопатину, и этому балбесу Светозарову. Не поверишь, балбес оказался дома, смотрел какой-то хоккей и уверил меня, что Вику сегодня не видел. Какое бессилие, какое ужасающее бессилие!..

— Маша, давай посидим и спокойно подумаем,— сказал строго Васильев.— Где бы Виктория ни была, нам остается одно — ждать.

— Ты говоришь — ждать? — повторила она и вдруг сказала с медлительной самоказнящей насмешливостью: — У тебя нет такого ощущения, что в этой гостиной я уже два года жду свою дочь?

— Что ты хочешь этим сказать, Маша?

В гостиной зашипели часы, стукнул молоточек, и вместе с нарастающим шипением упал густым, органным басом отрезанный удар, отдаваясь тягучим гулом в коридоре и комнатах. Бой смолк, и снова ровно и одиноко отстукивал в тишине старый «Павел Буре». И в этих отсчетах безразличных ко всему секунд глубокой ночи на мгновение встал перед гла-

ВЫБОР

ровское шоссе, к преподавателю актерского мастерства. Ну, как же его фамилия? Довольно известный режиссер. Помнишь этот нашумевший фильм о деревенском мальчике? Так как же его? Ну, ты должен вспомнить, ты знаешь...

— Я не помню фильма, Маша. Я просто его не видел.

Мария нетерпеливо повела коленом, подерживая развернутую книгу, сползавшую по материи халата.

— Ну, ты должен помнить. Господи, я не вынесу...— сказала она, и по тому, как взглянула в раскрытую дверь комнаты на молчащий телефон в коридоре, по тому, как говорила она и придерживала мешающую ей сейчас книгу, он ощутил ее раздражение против него, ничем, казалось, не объяснимое внешне, однако закрытое, и подумал, что лучше всего не замечать этого и забыть мгновенно, как пытался забыть нечто новое в их отношениях, мучительно возникшее препятствием между ним и ею с одного осеннего утра. Тогда они завтракали, она смотрела в окно на туманные крыши, а он вдруг с волнением увидел — струились глубинным теплом ее темно-серые глаза, переливались молодым блеском, — почувствовал, что влюблен в нее с давней нежностью, стал говорить ей веселую чепуху о том, что любит ее больше, чем тридцать лет

имя. У нас должен быть его телефон, должен быть!..

В коридоре она выдернула из-под наваленных на тумбочке писем и разных счетов телефонную книжку и принялась быстро листать ее, роняя пепел с сигареты. Васильев подошел сзади, увидел в зеркале ее сосредоточенно наклоненное лицо, жалкое и родное в каждой морщинке, опять с горечью подумал, что все в этом мире висит на волоске, и внезапная спазма перехватила его голос:

— Разреши я позвоню, мне будет удобней.

— Господи, только бы с ней все обошлось... Ты нашел, нашел телефон?

— Да. Успокойся, Маша.

Он нашел записанный почерком Виктории телефон Николая Степановича Тихомирова, набрал номер, и торопливое вращение диска громко прожужжало в безмолвии коридора, как сигнал зыбкой надежды. Но трубку никто не снимал, и гудки длинные, безответно-однообразные доходили из затаенной пустыни чужой квартиры. Трубку не сняли и после того, как он в третий и четвертый раз набрал номер. Неизвестная квартира на другом конце города по-прежнему молчала. И когда Васильев отыскивал номер, звонил, ждал ответа, то ежеминутно наталкивался в зеркале на глаза Марии, мрачно-серые, замершие, и он пытался успокоить ее взглядом, испытывая растущее беспокойство и от тревожного оцепенения в ее глазах, и от пустынного, повсю-

дами Васильева утонувший в мартовской тьме их дом с тревожно-яркими, пронзающими темноту тремя окнами, за которыми неудержимо утекало необлегчающее время.

«Наверное, мы были бы по-настоящему счастливы, если бы наши чувства были выше времени,— подумал некстати Васильев.— И спасение приходило бы в лазурных снах».

— Наверное, наша дочь взрослая девица, влюблена в какого-нибудь парня и, конечно, между ними все может быть, как бывает в молодости,— сказал Васильев, совсем не желая этого «все может быть», но стараясь успокоить Марию.— Представь, что двое молодых влюбленных людей забыли обо всем на свете, телефона в квартире нет, к автомату бежать не хочется. Так, Маша, может быть?

— Господи, ты ничего не знаешь! — ответила Мария шепотом.— Ничего ровным счетом не знаешь... Ты не знаешь, как два года назад я вот так же ждала ее до утра...

Она стояла, зажмурясь, подставив лицо невидимому ему ужасу, представляя только то, свое, неотстраняемое, что он еще не мог знать и предположить, — и страх, смешанный с любовью к каждой черточке в ее лице, сжал его знакомым ознобом.

— Что я не знаю, Маша? — спросил он.— Что ты скрываешь от меня?

— Я не хотела...

Она села в кресло около торшера, ненужно положила ту же английскую книгу на ко-

лено, не к месту открывшееся полой халата своей белой округлостью и полнотой, и молча клонила голову к страницам, и он увидел ее опущенные ресницы, набухшие от слез.

— Может быть, тебе ничего не нужно мне говорить, Маша? — сказал он, намереваясь смягчить напряжение, чувствуя, как жалость к ней охватывала его зеленой колючей тьмой. — Что ты имеешь в виду?

— Я не хотела тебе рассказывать, — заговорила Мария носовым голосом и вытерла две расплывшиеся капли, упавшие на страницу. — Мужчине и отцу этого не надо знать. Ты помнишь болезнь Виктории? — Она не выдержала, слезы замелькали по ее щекам, и, жалобно отворачиваясь, она в тихой обессиленности сказала: — Конечно, ты всего ужасного не знаешь...

Нет, он не знал всего, что случилось два года назад, знал только, что болезнь дочери началась довольно-таки загадочно после поездки за город, в какую-то Грибановку. Это было дачное место под Москвой, где у одного из студентов собиралась после окончания экзаменов компания первокурсников. Виктория вернулась домой на рассвете (в ту ночь Васильев работал у себя в мастерской), а когда ранним утром позвонила Мария, и он, пораженный ее замороженным голосом, приехал немедленно на квартиру, она, задыхаясь, всхлипывая, припала виском к его груди, прошептала: «Не надо к Вике заходить сейчас...» — и по ее шепоту, по тишине, по запаху лекарств он понял, что произошло что-то серьезное, опасное, так молниеносно изменившее все в доме. Потом она ушла в комнату дочери, он же сидел у двери, сосал незажженную сигарету и слушал, как за стеной прерывисто плакала, звала Марию, вскрикивала в забытии Виктория, улавливая отдельные слова, бесвязные фразы, ее бред, ее мольбу, обращенную к какому-то шоферу такси, к какому-то парням, готовым к убийству, к какому-то милиционеру, который не хотел ничего предпринимать, и эти повторяющиеся вскрики, неутоленные рыдания его восемнадцатилетней дочери отдавались в нем ударами боли. И была непонятность того ужасающего, что случилось с ней вчера за городом. А Мария немело лгала ему, сбивчиво говорила о неких психических женских особенностях возраста, чего мужчине, по ее словам, объяснять не полагалось, наняла ночную сиделку, бывшую медицинскую сестру, взяла отпуск и сама целый месяц не отходила от Виктории, осунулась, подурнела, перестала улыбаться, а по вечерам чутко сидела с книгой у торшера, прислушиваясь к шорохам в комнате Виктории, вздрагивала от малейшего звука за стеной, и он думал с исчезающей тревогой: «Что же они скрывают от меня? И зачем?»

Васильев увидел дочь через восемь дней, когда июньским утром его впустили наконец в ее комнату, проветренную, наполненную солнцем (везде стоял свежий летний тополиный запах), увидел на снежно-белой подушке такое же белое, истонченное лицо дочери с черными пятнами под спекшимся ртом, с осиненными глазами, ставшими такими огромными, иконописными, испускавшими такой печальный беззащитный свет смертельно раненного животного, что его стиснул маятниковый озноб, и, боясь показать ей это, выговорил фальшиво-бодро:

— Здравствуй, моя дочь, как ты чувствуешь себя, милая?

Она повернула голову, посмотрела на него и в первую секунду попыталась даже улыбнуться ему своими огромными глазами. Он наклонился, чтобы поцеловать ее, и тоже улыбнулся, но лицо Виктории вдруг задрожало, скривилось, капли одна за другой покатились по ее искривленным, запекшимся губам, и, выпрастывая из-под простыни руки, она вся рванулась к нему, обнимая, плача, крича, ударяясь лбом о его шею, умоляя его о том, что он не предполагал:

— Па-па! Миленький... помоги мне! Помоги мне, па-па!..

И, прижимая ее, теплую, дрожащую, беспомощную, успокоительным родственным объятием и ощутив ее тонкие несильные позвонки на спине, он внезапно испытал такое отчаяние у зыбкой грани между жизнью и смертью близкого, дорогого, просящего помощи существа, что ни слова выговорить не су-

мел, лишь чувствовал, как мокрые родные щеки терлись о его подбородок, и она порывисто повторяла, судорожно икая:

— Папа, миленький, помоги мне, я не могу, не хочу... видеть людей!.. Я не хочу их больше видеть!..

— Что с тобой, Вика? Что с тобой, милая?

— Я не могу, не могу, папа, тебе рассказать, не могу, не могу, не могу!..

Потом слова дочери преследовали Васильева, не давали покоя ему, повторяясь все с одной и той же интонацией, с той же мольбой, надеждой и неистойвой жалобой, и познанная им отцовская мука была тем непереносимее, что Виктория инстинктивно искала его защиты, а он бессильно был ей помочь.

И сейчас, вспомнив свое состояние неразрешенной бессильной жалости после обвинившихся вокруг его шеи доверчивых рук дочери, после ее рыдающего вскрика: «Папа, миленький, помоги!» — он подумал, что то, потрясшее его, не кончилось у Виктории, что Мария связывала тяжкое нездоровье дочери с ее сегодняшним ночным отсутствием, и, силясь разжать железную петельку в горле, он спросил:

— Что было тогда с Викторией?

Она посмотрела на него снизу вверх, и он точно прикоснулся к влажному осторожному свету.

— Нужно ли тебе знать, Владимир?

— Решай сама, Маша. Наверное, нужно.

— Об этом страшно говорить, — помолчав, сказала она и задержала на его лице глаза, напряженные, потемневшие, за которыми все обрывалось. — О господи, надо же было ей тогда запоздать и не поехать со всеми к этому своему однокурснику! Она слезла с электрички и в темноте заблудилась в сосновой роще, отыскивая эту ужасную Грибановку. Но самое чудовищное было то, что ей встретились два местных парня с велосипедами, приятели однокурсника, и, представь, со смехом и шуточками взялись проводить до той улицы, где была дача, которую она искала... Она думала, что пришло спасение, а эти рыцари с велосипедами затаскивали бедную девочку в какой-то заброшенный сарай, зажали ей рот, угрожали ножом, распяли на грязной соломе... — с омерзением выговорила Мария, отворачиваясь. — Ты можешь представить, что она вынесла, что она вытерпела, какую подлость, какую грязь!.. Кто-то проходил по дороге мимо, и ей удалось закричать, вырваться, исцарапать рожи этим велосипедистам, и они оставили ее...

Мария швырнула книгу на журнальный столик, ее лицо, измененное судорогой, источало гадливое отвращение и показалось ему болезненным, страдающим.

— И мерзко было потом, когда Виктория выбралась из страшного сарая, дошла до электрички. На платформе оказался постовой милиционер, и она, истерзанная, ты можешь представить, стала говорить, объяснять, что на нее напали, а он ясно видел ее разорванную кофточку и твердил одну и ту же несусветную глупость, что, мол, джинсы носите, водку пьете, потому и драки учиняете. Понимаешь, драки учиняете! Этих дураков с велосипедами нетрудно было найти, но... «Но» заключалось в том, что этого не хотела сама Виктория. Представь одно только унижительное обследование врачей. При воспоминании о Грибановке ее охватывал ужас, какая-то лихорадочная дрожь, ее даже начинало тошнить...

Васильев, раздёрнув шторы, стоял у окна, не отвечая Марии, глядя на синеющие снежные крыши. Дуло от стекла студеным воздухом, а лоб его был овлажен горячей испариной, и ясно виделось ему то детское отчаяние, переполненные слезами глаза дочери, когда он обнимал ее, судорожно икающую от рыданий, потрясенный птичьей хрупкостью ее позвонков под пижамой и тем, как она просила его: «Папа, миленький, помоги мне...»

Раз в прошлом году, поздним сентябрьским вечером, на даче, Виктории захотелось яблок, и они оба вышли в сад, осенний, холодный. Возле забора в верхушках берез не по-летнему шумел, сыпал листьями ветер, крупные звезды выстроились несметной силой над черной крышей дачи, и меж угольных этажей елей проступал высоким белым поясом Орион. В потемках Васильев тряс стволы яблонь, включал карманный фонарик, нащупывая лучом в траве круглые бока антоновок, и Викто-

рия, шурша корзиной, собирала их, радуясь этому вечернему приключению: «Смотри, па, какой огромный дурачище, лежит и притаился!» Последние яблоки падали на землю с крепким, сочным стуком, а когда внесли полную корзину в дом и высыпали антоновки на столе террасы, везде разнесся ночной холодок ветра, и будто чистота прозрачного речного льда, первозданная свежесть исходила от Виктории, от ярких приглашающих к искренности и веселому пиршеству ее широких серо-синих глаз. И успокоенно он подумал, что Вика полностью оправилась после болезни и вернулось к ней прежнее ощущение жизни. Но через полчаса поднявшись на мансарду, в мастерскую, он увидел, что свет наверху погашен, в огромных, во всю стену, окнах стояла чернота ночи с пылающими созвездиями, а Виктория лежала под окном на тахте и плакала глухо, тихо, и глаза с блеском слез посмотрели ему в глаза умоляюще-испуганно, когда он наклонился к ней, спросил, что случилось. «Нет, ничего, свет, пожалуйста, не зажигай», — ожесточенно ответила она и села на тахте, стала грызть яблоко, всхлипывая по-детски носом, больше не сказав ничего.

«Папа, миленький, я не могу, не хочу видеть людей!..» — опять вспомнил он ее слова безысходного отчаяния в дни болезни и, заставляя себя не поворачиваться от окна к Марии, услышал, как она подошла осторожно сзади, приникла головой к его плечу, спросила шепотом:

— Почему ты молчишь?

— Ни ты, ни я не помогли ей. Единственное, что я могу сказать, — проговорил он с резким сожалением, словно не хотел сейчас прикосновения Марии.

Она отстранилась.

— Но как?.. Володя, ты, наверное, не замечаешь, как любит тебя Виктория. Ей было бы невыносимо, если бы она узнала о нашем разговоре... Она хотела бы остаться прежней в твоих глазах, — сказала Мария и погладила его плечо с насильной нежностью. — Я даже уверена, что она тебя любит гораздо больше меня. Но, кажется, ты в чем-то меня упрекаешь?

— Ни в чем.

— С нами происходит что-то нехорошее.

— Просто ты стала нас меньше любить, — проговорил он, еще не сознавая, зачем сказал эту фразу, и мимо отстранившейся Марии прошел в коридор, из конца в конец оголено залитый электричеством, с большим, пусто отблескивающим зеркалом, с бессмысленным телефоном, оделся быстро и, откидывая цепочку, приостановился, настигнутый ее жалким окликом:

— Володя, куда?

— Я буду ждать Викторию около дома, — ответил он и вышел на лестничную площадку к лифту.

Ему во что бы то ни стало надо было глотнуть освежающего воздуха и расслабить в себе сжатую пружину тошнотворного удушья. Выйдя из подъезда, он сдвинул меховую шапку с еще влажного лба, расстегнул на груди пуговицы — сырость ночи обмыла его сквозь свитер, и стало немного легче на улице.

А сверху гудело, грохотало по крышам, накатывало волнами, вязко плескалось во тьме, шумело где-то за домами море, порывами хлопала и разрывалась в клочья намокшая парусина, и из-за угла дома набрасывался ветер, забивая дыхание.

Васильев шел по хрумкающему ледку, а впереди над сучьями тополей месяца то появлялся в светлеющей глубине проруби, то мчался, нырял в сизом дыму. В воздухе всюду пахло мартом, в пахучей, набухшей темноте улицы волновались деревья. Их морской гул вместе с гудением проводов проносился тугими потоками, перехлестывал крыши, и, подточенный южным ветром, талый снег срывался с карнизов, обвально гремел в водосточных трубах.

«Уже весна?.. И я не заметил, как она пришла? Еще позавчера был февраль...» — думал Васильев, вдыхая сладкую влагу мартовской ночи, удивляясь скоротечности и не радуясь весне, всегда вызывавшей у него в дни молодости возможность и ожидание неутраченной надежды. — Что со мной происходит в последнее время? Я нездоров. Или я заболел какой-то мучительной болезнью. Я чувствую себя виноватым перед всеми — перед Машей,

перед Викторией, перед Ильей... И это похоже на боль... Но в чем моя вина? В том, что мы вовремя не можем помочь друг другу? Но Виктория хотела и не хотела помощи».

И, оглушенный шумом деревьев, глухим плеском в водостоках, он кругами ходил вблизи дома, по краю бульвара, мимо перезимовавших машин, которые уже вытаяли из сугробов под деревьями, показав горбатые спины, голубовато отливающие под месяцем.

«Где же может быть Виктория?»

Стояла непроницаемая предрассветная пора ночи. Ни единого прохожего не было на окрестных улицах, нигде не светилось ни одного окна. И острый внутренний холод стал вонзаться в него, и, подняв пропитанный насквозь влагой воротник, Васильев замерзал в дурном предчувствии наступающего, неотвратимого, жестокого, как напоминание и предупреждение о том, что рано или поздно надо расплачиваться за пятнадцать лет спокойной работы, за эти так называемые успехи, признание, покупки музеями его картин, поездки за границу с выставками — не слишком ли он был занят самим собою в эти удачливые годы?..

Внезапно он очнулся и поднял голову от звука мотора, от волгло плещущего шума колес по проталинам, от хруста ледяной крошки. В конце неосвещенного проулка вспыхнули фары, лучи их протянулись по лужам, по продавленным в буром снегу колеям, высветили отчетливо забрызганную ограду, отсыревшие стволы тополей, — и машина, обдав масляной теплотой мотора, затормозила напротив угла дома, фары, обляпанные грязью, погасли.

Он различил, что это такси, однако зеленый огонек не загорался, никто не выходил из машины, за ее стеклами было непроглядно темно. Но тут Васильев почувствовал такую рвущуюся легкость в груди и такую невероятную тяжесть в ногах, что привалился спиной к водосточной трубе, внутри которой картаво бормотала, звенела вода, вдохнул несколько раз воздух, чтобы успокоить бег сердца.

Нет, он не увидел Викторию, не услышал ее голоса, но в этой единственной появившейся из ночных улиц машине и в том, что в проулке она зажгла и погасила фары, выискивая удобное место для остановки, и в том, что она затормозила вблизи угла дома, было неопровержимое присутствие в ней Виктории, и он, не сомневаясь, пошел к машине с еще работающим мотором, и тотчас открылась задняя дверца.

— Папа, миленький, ты? Ты встречаешь меня?

— Я тебя жду...

Виктория, в меховой шапке, в длинной дубленке, отороченной мехом, вылезла из машины и, тонкая, выпрямилась перед ним, и это была реальность: ее всматривающиеся с улыбкой глаза, прохладное прикосновение родственных губ к его щеке и запах вина, который он ощутил упреждением опасности, и ее нежный молодой гибкий голос без малейшего оттенка вины, перевитый легким свободным непринуждением:

— Папа, я не знала, что я заставлю тебя ждать так поздно. Но я не одна. Меня провожают, и совершенно не нужно было беспокоиться. Илья Петрович, что вы застеснялись и не покажетесь папе? — с нарочитой веселостью сказала она в открытую дверцу, безобидно забавляясь тем, что непредвиденно создавало любопытное положение.

— «Илья Петрович? Илья? Каким образом? Как они встретились? Где?»

С улыбкой невинного интереса Виктория посмотрела на отца, он понял, что она ожидала его удивленного или неприязненного выражения, Васильев же только нахмурился, увидев, как через меру неторопливо выбрался из машины Илья в своем коротком пальто, мягкой фетровой шляпе, и забелело худое лицо в тени ее полей.

— Добрый вечер... вернее, доброй ночи, Владимир! — проговорил Илья излишне чеканным серьезным голосом, несколько не склонный ни к шутке, ни к оправданию. — Признаюсь, не предполагал встретить тебя. Но уж если встретил... прими свою чудесную дочь в целости и сохранности!

— Не слишком ли, Илья, черт возьми! —

не сдержался Васильев. — Как прикажешь все это понимать?

Илья снял шляпу, несколько изысканно поклонился Виктории, затем Васильеву, ответил тоном непоколебимой правоты:

— Прошу тебя, поговори с дочерью, она объяснит абсолютно все. Спокойной ночи. Я сегодня нарушил все свои режимы и должен ехать в отель. Прости, я смертельно устал. Разреши, Владимир, позвонить тебе утром? Я уезжаю послезавтра.

Он влез в такси, захлопнул дверцу с металлическим щелчком, громко отдавшимся в узком проулке, машина тронулась, влажно зашуршала шинами по проталинам, свернула в сторону центра вдоль трамвайной линии.

— Виктория, — начал Васильев сдержанно, зная, что смысла нет высказывать сейчас удивление, досаду или недовольство. — Ты взрослый человек и понимаешь, что делаешь. Мне

позвонила мама в мастерскую в половине второго, и мы ждем тебя три часа. Посмотри — без десяти пять...

— Па, ты плохо меня ругаешь, — сказала Виктория и взяла его под руку. — Просто ты меня любишь и не умеешь ругать...

Они вошли во двор, и здесь он невольно взглянул вверх, на светящиеся окна на восьмом этаже, где над крышей мелькал посреди дымных фиолетовых туч зеркальный месяц и высоко переплескивалось близкое море марта. Сверху несло в лицо теплой сыростью, мелкими каплями, пахнущими намокшей корой осины — весенним запахом ночи. Виктория перехватила внимание отца на окнах, задумчиво наморщила переносицу и мягко извлекла невесомую кисть из-под его руки.

— Па, — сказала она просящим голосом, — давай покурим и погуляем вместе немного. Я не хочу домой... Я хочу с тобой поговорить. Ты согласен, па?

Он кивнул, готовый согласиться на все и вместе испугавшись ее доверительного тона, ее искренности.

— Только позвони маме. И скажи, что все в порядке и мы с тобой около дома. Пошли к автомату. У тебя есть две копейки?

В автоматной будке она покопалась в сумочке, доставая монету, и когда заговорила с Марией, он подумал, что вот сейчас наконец ослабло в душе что-то натянутое до предела, и состояние, близкое облегчению, коснулось его в эту секунду.

«Надолго ли? — подумал он, увидев, что она закуривала, выйдя из будочки, не стесняясь его. — Но как... почему она приехала с Ильей?»

— Па, я знаю, тебе неприятно, когда я курю, — заговорила она своим гибким голосом и взглянула с озорной нежностью, снова просунула кисть ему под руку. — Но ты меня любишь и простишь. Тем более — отучиваться поздно...

Они миновали двор и пошли по обочине бульвара, сквозного, скребущего на ветру ветвями в пустынном уличном коридоре.

— Пожалуй, дочь, от моего прощения или непростения уже почти ничего не зависит, — сказал притворно-спокойно Васильев. — В твои годы я командовал батареей, и в чем-то был самостоятельным парнем. Может, я ошибаюсь, но, по-моему, ты стала тоже принимать самостоятельные решения... не советуясь ни с матерью, ни со мной.

— Откуда ты знаешь, папа?

— Что?

— Что я приняла самостоятельное решение.

Легким и требовательным нажимом кисти она заставила его остановиться, потянула за локоть к себе, и ее недавно улыбавшееся лицо обрело строгое, недоверчивое выражение человека, готового ни с чем не соглашаться.

— Откуда ты знаешь, папа, что я приняла решение?

— Какое решение? — спросил Васильев озадаченно.

Она опустила голову, вторичным нажимом кисти повлекла его за собой и, выбирая сапожками нерастаявшие бугорки звучно хрустящего льда, пошла рядом.

— Как странно, папа! — сказала она с сердитым осуждением. — Почему ты не спрашиваешь об Илье Петровиче? Ты ведь удивлен, правда?

— Ну что я должен спрашивать — как вы встретились? Я догадываюсь...

— Нет, ни о чем ты не догадываешься.

— Хорошо, пусть так. Что же ты хотела сказать, Вика?

Она затаилась сигаретой, отвернула лицо и нежными вытянутыми губами выдохнула дым в сторону.

— Па, не сердись, когда я заходила к тебе в мастерскую, то схитрила немножко. Я тогда не сказала, что придет твой друг Илья Петрович, хотя знала, что придет. И мама знала. Ты понимаешь меня, па?

— Не понимаю, но... слушаю, Вика.

— После вашей поездки в Италию маме как-то взгрустнулось, и она показала мне в альбоме фотокарточку Ильи Петровича и тебя. Где-то вы там стоите около турника на фоне какого-то сарайчика, какой-то голубятни... Два довоенных мальчика, два мускулистых Аполлона, просто прелесть. Таких сейчас и в помине нет. Илья Петрович был, конечно, до войны, неотразим. Па, скажи откровенно: в те времена он был кумиром мамы, да?

— Наверно, это было, Вика.

— Не выдавай меня, но после вашей поездки мама стала получать письма от него из Италии и скрывала их от тебя. Скажи, ты ревновал когда-нибудь маму к нему? Хоть раз?

— Мы были друзья, и я верил Илье Петровичу, — сказал Васильев искренне, чтобы не отпугнуть Викторину уклончивой двусмысленностью. — Я не хотел ревновать, но ревновал все же. Я любил маму без памяти...

— Мне давно известно, что ты любишь маму гораздо больше, чем меня. Ты однолюб, па.

— Я люблю вас обеих, Виктория.

Она засмеялась вынужденно:

— Просто ты не имеешь права не любить своего ребенка.

— В таком случае у меня два ребенка.

— Слушай, папа, что я тебе скажу, — заговорила Виктория, доверительно пожимая его локоть. — Когда я увидела последнее письмо Ильи Петровича в бумагах у мамы, я не выдержала и прочтала — видишь, какая я дрянь ужасная? Он написал маме, что приезжает двадцать шестого и заказал номер в гостинице «Метрополь». Слушай, па, как получилось... Я очень хотела увидеть его, твоего старого друга и бывшего маминого кумира, неотразимого Аполлона на той фотокарточке. Было чертовски занятно узнать его телефон, позвонить ему в номер из вестибюля «Метрополя» и увидеть, как он на лестнице вытаращил на меня глаза: «Как? Вы дочь Марии? Поразиительно! Не может быть! Впрочем, очень похожа, настоящая юная Маша!» Вот так и случилось, а потом было забавно слышать, как он два раза оговорился — назвал меня Машей. Знаешь, мне было интересно с ним: в нем есть трагизм и горечь какая-то...

— Но для чего тебе это, Вика, милая? — едва не застонал Васильев, страхась ее прозрачной, наивной чистоты, ее неосторожных поступков, и подумал, что эта незащищенная, пугающая его доверчивость дочери, быть может, была понята теми загородными парнями как признак обещающей доступности, и хрипло договорил: — Не будь это Илья Петрович, тебя можно было понять не так, как надо.

Виктория пренебрежительно свистнула.

— Папа, только не надо о дурацком благоразумии! Ведь это ложь, лицемерие, трусость и черт знает что такое! Боже, сколько в мире ложных спасательных кругов! Для кого они? — с вызовом сказала Виктория, поперхнувшись сигаретным дымом, и получился тонкий звук, похожий на детское всхлипывание, колынувшее болью Васильева. — Нет, папа, все зависит от нас самих! — овладела собой Виктория, сердито бросила под ноги сигарету, продолжала брезгливым тоном: — Знаешь, кто создает ад на земле? Не природа и никакая не темная сила. Нет, папа, сам человек, великий творец земного ада. Эту фразу стоит запомнить, она не жжет, как многие другие.

— Кто так сказал, дочь? Из какой пьесы?

— Не преувеличивай мудрость наших драматургов. Это сказал Илья Петрович... Послушай, па, и не удивляйся тому, что я тебе скажу, — проговорила Виктория, отпустила его локоть, плавно переступила сапожками проталину и, постукивая каблуками по ломким стеклянным закраинам луж, где раскалялось и отблескивало скольжение месяца, отошла шагов на десять вперед, потом повернулась, высокая в своей узкой дубленке, сказала издали необычно звонким, как отточенное лезвие, голосом: — Па, я, наверно, поеду в Италию! Он приглашает, и я решила.

— Он приглашает в Италию? — выговорил, обмирая, Васильев. — Приглашает? Когда? Зачем?

— Он пришлет приглашение, папа, и я поеду. Не знаю, на какой срок: на месяц, на год, на пять лет — не знаю. Только не надо разговоров о благоразумии: Иначе мы поссоримся. И не говори, что вы против потому, что любите меня, — это запрещенный прием. Знаю, на всем белом свете вы только двое меня любите. Но что же, па, делать? Я решила... и гадко отступать, трусить.

И он увидел на ее лице безмерное презрение к возможной трусости и возможному отступлению.

— Подумай об одном, Вика, — проговорил он не сразу, в мучительной попытке найти точный смысл возражения. — Ты убьешь маму. Мы не имеем права быть беспощадными друг к другу.

— Меня уже убили, папа, — сказала она почти весело и так безнадежно развела руками, как бы подставляя себя гибельному року, что он не выдержал, захлестнутый любовью, бессильной жалостью отцовского чувства, ощутив отчаянное, детское, слабое в ней, обнял и поцеловал ее в прохладный родной лоб.

— Вика, моя Вика...

— Не надо, папа, а то я заплачу, — выговорила Виктория шепотом и не уткнулась головой ему в грудь, а отстранилась, не принимая помощи, быстро пошла к дому под морским шумом тополей на бульваре.

Продолжение следует.

АЭРОБУС УШЕЛ В ПОЛЕТ

Мы приближались к самолету, и не верилось, что найдется сила, способная вообще оторвать от земли это. 60 метров в длину, высота с пятиэтажный дом, размах крыльев 48 метров, диаметр фюзеляжа чуть ли не вдвое больше, чем у ИЛ-18, — таковы габаритные размеры ИЛ-86, первого советского широкофюзеляжного самолета, отправлявшегося в технический рейс по трассе Москва — Ташкент.

Нам заранее сказали: несмотря на то, что в тот же день мы вернемся обратно, просьба взять с собой чемоданы — длительность регистрации и посадки будет хронометрироваться. 350 пассажиров в одном рейсе — задача для Аэрофлота нешуточная.

Загрузка ИЛ-86 предполагается по принципу «багаж при себе», и потому чемоданы мы не сдавали при регистрации, а вошли с ними в самолет. Трапы у него собственные, то есть откидные. Вспомним при этом, как часто после посадки мы ворчим на нерасторопность аэродромных служб, мешающих с подачей «автолестницы».

Багаж сдавали на нижней палубе, а затем поднимались на палубу верхнюю — в пассажирские салоны.

В аэробусе ИЛ-86 три салона. Очень высокий потолок со скрытыми светильниками. В целом архитектурно-художественное оформление салонов мягкое, можно сказать, даже радостное. Сразу хочется поблагодарить дизайнеров конструкторского бюро имени С. В. Ильюшина.

Девять кресел в ряд: три, плюс три, плюс три. Стало быть, два прохода. Сами кресла — кажется, никогда не сиделось так удобно. Находившийся рядом двухметрового роста мужчина со мной согласился. Вентиляторы в спинках кресел, в подлокотниках — кнопка вызова бортпроводника.

Подходя к кабине пилотов, я предвкушал увидеть настоящий зал управления — какой же иначе может быть у этой громады? Отнюдь! Кабина да и только. Оказывается, с самолетом управляются всего три человека: два пилота и бортинженер — такова степень автоматизации.

Но уж кормить и обслуживать 350 пассажиров не удел бортовой вычислительной машины, а потому в штатном расписании аэробуса 12 (!) бортпроводников. Снизу из кухни на лифте подается питание, которое они развозят по салону.

Путь до Ташкента занял три часа тридцать минут. Четыре двигателя работали шепотом, не свистели и кондиционеры. Кстати, после посадки система кондиционирования воздуха продолжала работать, что также из разряда новшеств в нашей гражданской авиации.

На обратном пути начальник сектора пассажирского оборудования Государственного научно-исследовательского института гражданской авиации кандидат технических наук А. В. Башкирова раздала всем пассажирам — специалистам самолетостроения из различных предприятий, представителям гражданской авиации анкеты для оценки комфортабельности самолета. Я попросил у Алисы Вячеславовны эти анкеты.

В целом оценка исключительно высокая. Но недостатки, конечно, есть. Так, например, высказывается пожелание иметь на борту касалетки — индивидуальные емкости для горячей пищи. Пока что питание подается в холодном виде, что отмечается многими пассажирами. Алиса Вячеславовна пояснила, что это связано прежде всего с отсутствием высокопроизводительного оборудования для подогрева пищи.

Будем верить в то, что все со временем станет на свои места. А пока ИЛ-86 начинает регулярные рейсы на трассе Москва — Ташкент.

Вадим СКВОРЦОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

В. МОРОЗОВА

ВКУС И МОДА

«Убор головной, — читаем мы у Брокгауза и Эфрона, — термин, включающий как способы собственно прически, так и способы убранства и покрытия головы. И те и другие в высшей степени разнообразны, в зависимости от расы, места, эпохи, религии...»

Впервые покрывать голову человек стал, разумеется, для того, чтобы уберечься от холода, зноя, дождя, ветра. Первыми материалами были шкуры зверей, перья птиц, кора деревьев, листья, цветы и даже пузырь тюленя или моржа. Охотники украшали себя трофеями своей охоты: рогами, когтями, клыками диких животных, а в Америке были популярны шляпы из чешуи аллигаторов. Именно в те далекие времена воины ввели моду на парики из волос или скальпов поверженных врагов — обычай кровожадный, но так было.

Огромную роль в развитии головных уборов сыграли религиозные обряды. Верующие украшали свои головы шкурами священных животных, перьями священных птиц, листьями священных деревьев.

Но настоящий расцвет наступил, когда головные уборы перешли в повседневную жизнь, став предметом особого искусства, предметом украшения. Тщеславие, праздность высших классов, этикет сделали из уборов предмет тщательного культивирования, серьезной жизненной заботой. Чего только не носило человечество на протяжении всего своего существования! Изучая историю развития головного убора у народов разных стран, поражаешься великому разнообразию форм, фасонов, названий того, что сейчас мы именуем скромным словом «шляпа», «шапочка». Бриллиантовое бандо богатой светской дамы, каперон (род капюшона) с длинным хвостом, надеваемый на круглую шляпу (Европа, позднее средневековье), эннэн с вуалем (убор невесты, XV в.), шляпа баволе (60-е годы XIX в.), капот барет (не путайте с беретом) — вот только небольшой перечень «шляп» прошлого. Интересно, что в разных странах существовали законы о рангах уборов для разных слоев общества. В Германии (эпоха Возрождения) был специальный «Полицейский устав об одежде», запрещавший крестьянам носить популярные в то время бареты. В древнем Китае ученый носил высокую шапочку с небольшими крыльями сзади, чиновник — шапочку с шариками из

шелка и загнутыми вверх полями, мандарины — шляпы с рубиновыми, коралловыми и сапфировыми шариками. Светские дамы носили шляпы с огромными полями, украшенными страусовыми перьями, крупными цветами, вуалями, даже чучелами небольших птиц. Во время Наполеона модны были шляпы в форме абажура, из-под которого едва видно было лицо женщины.

Зато головные уборы простого народа всегда отличались лаконичностью форм, удобством, целесообразностью, стремлением подражать прекрасному в природе. Народ всегда бережно, с большим вкусом и тактом сохранял вековые эстетические традиции. И хотя головные уборы простых людей на протяжении веков тоже претерпевали разного рода преобразования, усовершенствования конструктивного характера, обогащались новой палитрой красок, обретали все большую художественную выразительность, естественность, оправданность форм, народная мода была строже, реже изменялась. Эталоном вкуса народа были прежде всего эстетические нормы, а не желание вызвать зависть у других необычностью, богатством убора, как это было у купечества, городских чиновников, дворянства.

В наши дни уникальная мода устарела. Но само по себе искусство красивой одежды живет и развивается, ибо стремление женщины к красоте, к украшению непреходяще.

Сегодня мы хотим вам рассказать о людях, увлеченных идеей красивого головного убора. Трудятся они в мастерской «Модные головные уборы» на старой московской улице, улице Герцена.

— Головной убор в общем облике современной женщины — очень важная деталь. Он создает женщине настроение, придает уверенность в себе, — начала свой рассказ директор ателье Нина Федоровна Бунтури. — Конечно, он никогда не должен выглядеть механическим придатком в общем продуманном ансамбле. Безусловно, шляпа должна быть не только к лицу женщине, но и увязываться с общим стилем одежды, внешностью. Заказывая шляпку надо помнить, что изысканность каждого отдельного предмета одежды не представляет собой никакой ценности, если он не связан со всеми другими, и еще хуже, если вносит диссонанс. Самую дорогую шапочку можно легко обесценить не-

совместимостью с остальными предметами одежды. И напротив, самые скромные предметы, с достаточным вкусом, тактом скомпонованные в ансамбле и подобранные с учетом индивидуальности женщины, делают ее элегантно и привлекательно. Начинали мы работать в Столешниковом переулке, а вот сейчас нам дали это замечательное помещение. В ателье есть опытные мастера, работающие модистками по 20—30 лет. Во всяком случае, за два десятка лет работы с ними я не помню случая, когда хоть одна женщина ушла бы от нас недовольная, без шляпки.

И действительно, когда ближе знакомишься с этим замечательным коллективом, в котором двенадцать модисток, пять мужских мастеров и два сменных мастера, понимаешь, что это не просто слова. Своим заказчикам тут могут предложить модели на все вкусы. Шляпы из фетра, меха, кожи, замши, бархата, шелка, хлопка, шерсти, кружева можно заказать тут на все случаи жизни.

Не отказываясь от художественных сокровищ прошлого, от идеалов красоты прошлых лет, черпая из них вдохновение и используя все ценное, интересное, здесь ежегодно обновляют ассортимент, создавая новые модели в соответствии с движением всего модного направления в одежде, в соответствии с тенденциями и закономерностями развития моды сегодняшнего и завтрашнего дня. И всегда в любой идее мастеров этого коллектива эталоном вкуса служат эстетические нормы.

Надо сказать, что у таких старейших, опытных мастеров, как Г. С. Водовозов, В. В. Кузьмина, В. Д. Щербинина, А. П. Корниенко, есть и заказчики с таким же стажем — по 20—30 лет.

— Вообще я мужской мастер, — улыбается Г. С. Водовозов, — но сейчас восемьдесят процентов моих заказчиков — женщины. Ведь они отняли у нас не только брюки, галстуки, но и головные уборы — кепи, ушанки. Придет иной раз совсем молоденькая девушка, принесет какую-нибудь юбочку из красивой шотландки для кепи. На стандартный фасон материала не хватает, поэтому и отказывают ей во всех ателье, а мне ее жаль. Вот и ломаю голову, как помочь. Но зато уж как приятно бывает, когда видишь улыбку на девичьем лице. Увы, молодежь порой не знает, как надеть шляпку. А умение носить головной

убор составляет один из элементов культуры одежды. Смотришь иногда, идет по улице огромная лохматая енотовая шапка, а женщины-то и не видно. Печально, что воспитанием вкуса молодежи у нас еще мало занимаются. А сшить шапочку можно из всего. Из надоевшей замшевой юбки получится шикарное кепи, а из старой, вышедшей из моды трикотажной кофточкой можношить красивую чалму. К сожалению, молодые мастера не хотят возиться с переделками старого, а это неразумно. Впрочем, и в расценках ателье переделки не предусмотрены.

Таких мастеров, как Г. С. Водовозов, В. В. Кузьмина, любят заказчики. Двери ателье не закрываются ни на минуту. Несмотря на огромные очереди и долгие сроки изготовления, люди идут в этот уютный, теплый дом.

— Не успели мы сюда перебраться, — рассказывает сменный мастер Елена Александровна Рогова, — а Нина Федоровна уже заказала у гранитчиков вазы для цветов, которые мы поставили перед входом. Сами носили землю, сажали цветы, шили шторы, ламбрекены. Да и вообще отношение к ателье у нас, как к своему второму дому.

Хозяйка этого дома Н. Ф. Бунтури. К ее художественному вкусу прислушиваются все мастера. Много ее выдумок внедрено в производство. Лет пять назад она предложила выбивать специальным прессом кружевные поля на фетровых шляпах. Они стали популярны, а позже этот кружевной край швейники стали применять на замшевых юбках.

Есть в ателье одно интересное новшество, привлекающее сюда людей. С недавнего времени каждого желающего заказать шляпу консультирует художник-модельер Н. И. Маркова.

И, конечно, главный вопрос — направление сегодняшней моды.

— Суперавангардные предложения — для молодежи. И они у нас есть, — говорит Нина Федоровна, подводя нас к стенду. — Крошечные круглые шляпки с дутыми полями, токи, пилотки хороши только для молодых женщин с чистыми, правильными чертами лица. Женщинам постарше больше идут шляпы с полями. Не первый год уже популярны ушанки, кепи, и мы продолжаем их шить. Ведь главное для нас — хорошее настроение заказчика. И талант наших мастеров у них на службе.

ПОМОЧЬ ПАССАЖИРУ

В № 41 «Огонька» за 1980 год был опубликован репортаж З. Золотовой «Я еду на работу», в котором говорилось о недостатках в работе городского общественного транспорта в Горьком. Редакция получила ответ начальника Горьковского управления пассажирского автотранспорта В. Г. Коршунова. Критика признана правильной. Сейчас управление совместно с транспортным отделом горисполкома разрабатывает меры по улучшению перевозки пассажиров в часы «пик». Вводится дополнительное количество автобусов, увеличивается число экспрессных рейсов и специальных рейсов.

Работа общественного транспорта волнует и жителей других городов, от которых мы получили письма в ответ на нашу публикацию.

Сегодня редакция публикует некоторые из них. «Огонек» надеется, что партийные органы, руководители горисполкомов и транспортных организаций рассмотрят эти предложения.

х х х

Прочитал репортаж «Я еду на работу». Как все это похоже на Днепрпетровск! В нашем городе тоже много новых микрорайонов, а почти вся промышленность, вузы, учреждения остались в центре. У меня впечатление такое, что они начинают работать одновременно. Связь с центром только автобусная. Это очень ненадежно. Я не преувеличиваю, но иногда ждать на остановках приходится почти по часу. Представляете, какая огромная толпа штурмует автобус. Ну точно, как в Горьком! Сколько «нежных» слов раздается в адрес водителя — не подсчитаешь. Маршруты упраздняются и меняются так часто, что каждое утро ломаешь голову, как лучше и быстрее с улицы Ковалевской, где я живу, добраться до проходной завода.

Мое мнение такое: в городе с миллионным населением самый надежный транспорт — трамвай. Он и окружающую среду меньше загрязняет, и график точнее соблюдается.

Надо сказать, что в отличие от горьковчан жители Днепрпетровска без билетов не ездят даже в часы «пик». Билеты мы покупаем в киосках заранее, этим как бы авансируя транспортные предприятия. А вот руководители этих предприятий, к сожалению, не торопятся высылать автобусы на

линию. Вот и ждем по часу. А вообще хочу сказать, метро — это, конечно, идеально, а пока надо решить наши транспортные проблемы исходя из того, что есть.

С. Н. Соловьев

Днепрпетровск.

х х х

«Огонек» писал, как трудно в Горьком добираться на работу. Но у горьковчан хорошие перспективы — у них скоро будет метро. А что делать нам, жителям Кызыла, столицы Тувы? Приезжайте и попробуйте проехать по автобусным маршрутам №№ 5 и 7. Хорошо, если на линии три автобуса, тогда простишь всего минут тридцать. А если два или один? Так ведь тоже бывает. У наших водителей четкий режим питания: завтрак с 9.30 до 11.00, обед с 14.00 до 16.00, а ужин с 19.30 до 21.00. Вот и собираются в это время все автобусы на конечной остановке «Восток». А что же делать нам, пассажирам? Надо каким-то образом этот вопрос отрегулировать.

Р. Б. Николаева

Кызыл.

х х х

Дорогая редакция! Сам я бывший горьковчанин и не забыл свои транспортные мытарства. Но в Горьком еще цветочки. Ягодки у нас, в Якутии, в Нерюнгри. Живем мы в новом городе, а на работу, в больницу, в магазины приходится ездить в старом, за пятнадцать километров. Рейсовые автобусы ходят отвратительно. Представьте, что мы испытываем на остановках: мороз зимой минус пятьдесят градусов. Есть и служебные автобусы. Но они останавливаются чаще всего по желанию водителей, все зависит от их настроения. Самое страшное, что мерзнут дети.

Мы предлагаем составить обязательный график движения рейсовых автобусов и поддерживать его. И еще, надо пустить автобусов на линию побольше. Городские власти мер не принимают, вот мы и решили обратиться за помощью в ваш журнал. Если хотите получить морозостойкую закалку, просим к нам, в Нерюнгри, в гости.

По поручению жильцов дома № 6 по Южно-Якутской улице

В. Я. Грязев

Нерюнгри.

Як. ЗИСКИНД

ФЕЛЬЕТОН

Недавно я возвращался домой часов в десять вечера и в плохо освещенном подъезде наступил на что-то мягкое. Это мягкое взвыло и ухватило меня за ногу мертвой хваткой. «Собака!» — в ужасе решил я и, вырвав ногу из пасти чудовища, бросился вверх по лестнице. Тут чудовище перестало выть и заорало нечеловеческим голосом, и такое заорало, что я понял, что это не собака, а именно человек. Царь природы!

Пока я все это сообразил, я успел оказаться на своем пятом этаже, куда долетел быстрее лифта раза в три. Минут через пятнадцать я пришел в себя, отдышался,

ботать чуть ли не до ста лет, разумеется, при минимально грамотном уходе за своим организмом.

И вот это великолепное создание природы — человеческий организм — попадает к различным людям, и иной раз просто диву даешься, что человек способен с ним сделать. Вот о людях, которые относятся к своим организмам не как автолюбители к своему первому автомобилю, а как шофер к «казенному» грузовику, который в конце года будет списан, и хочется поговорить.

Скажем, тот же человек, на которого я наступил в подъезде. Вы представляете, до какого состояния надо было довести удивительный человеческий организм, если он не сумел доставить своего владельца домой и величайшее чудо природы — человеческий мозг с его мудрыми нервными клетками и гениальными извилинами не смог даже вспомнить домашний

НАЗАД К О

ся, выпил чаю с клубничным вареньем — и вот решил поделиться с вами некоторыми соображениями.

Давайте, как говорится, на минуточку призадумаемся... Мы живем в двадцатом веке и чуть ли не ежедневно поражаемся, сколько удивительно умных и точных машин, механизмов, агрегатов и аппаратов создал человек. Космические корабли, ЭВМ, радары, лазеры, телевизоры, телескопы... Да разве все перечислишь? А роботы, которые в умении и мастерстве дают фору самому человеку? А транзисторы, которые ему же, человеку, не дают жить? О чем говорить — двадцатый век, век научно-технической революции!

И все же даже в наши дни превзойти природу человеку не удалось. Самый совершенный механизм на земле создала она, матушка-природа. Какой? Самого человека! Он умеет абсолютно все. Он может выдерживать такие перегрузки, которые любую машину вывели бы из строя через пять минут. И главное, он способен ра-

адрес. Единственное, что смогли бедные нервные клетки и извилины этого варвара двадцатого века, — довести его до чужой лестничной клетки, и весьма извилистым путем.

Обидно, товарищи, за природу! Миллионы лет она старалась, экспериментировала на обезьянах, из которых и создала человека, и вот на ее глазах с помощью отдельных граждан творится обратный процесс — человек возвращается назад, к обезьяне. Да-да, если ученые утверждают, что труд создал человека, то водка превращает человека в кого? Конечно, в обезьяну. Еще Сенека много веков тому назад сказал: «Пьянство — это добровольное безумие!» И он прав. Вы представляете этого обезумевшего царя природы на следующее утро на работе? А результаты его работы?..

И что самое обидное: говорим «пьянство», кричим на собраниях, клеймим в печати, но, думаете, пьющих становится меньше? Как бы не так...

А кто виноват? Мы! И я и вы, товарищи, тоже. Если не все, то большинство из вас. Сомневаетесь? А я вам докажу. Для удобства начну с себя.

На прошлой неделе был день моего рождения. Гости. Двенадцать персон. К их приходу жена накрыла стол. А жена у меня хозяйка. Так что на столе винегреты, рулеты, паштеты, картошечка без головы и атлантическая сельдь в мундире... То есть наоборот. А в центре стола, между блюдами и тарелками, сами догадываетесь, что... Двенадцать бутылок! Нет-нет, две с нарзаном и одна «Бура-тино». Все равно много? Так меньше неудобно. Скажут: жмот, скупердяй. День рождения раз в году, а он, прохвост, экономит... И на практике оказалось как раз: весь стол «усидели». И весело было — передать невозможно!

И хотя, поверьте, собрались у меня не какие-нибудь алкоголики или забулдыги, а вполне уважае-

каком, рассказала, что на их заводе по причине прогулов и травм, полученных в нетрезвом состоянии, за два месяца потеряно 230 рабочих дней. Эти 230 заводских, скажем, купили 350 бутылок на полторы тысячи, а сколько убытку принесли, даже грубо ориентировочно подсчитать страшно. Спрашивается: выгодно ли государству продать водки на полторы тысячи и потерять столько, что и подсчитать страшно? Нет, невыгодно. И не только государству, но нам с вами. Вот вы пришли в магазин, чтоб купить вашему Петьке колготки. А их, оказывается... пропили. Серьезно! Не будь у тридцати рабочих колготочной фабрики прогулов, они бы выпустили на десять тысяч пар колготок больше, и вашему Петьке тоже, возможно, хватило бы. А так — предмет повышенного спроса! Дефицит!..

Ничто так не губит живой организм, как спиртное. Смешно, ей-

БЕЗЪЯНЕ?

мые члены нашего общества: один — заведующий лабораторией, другой — очень популярный артист — и все остались довольны моим приемом, но на следующее утро у очень популярного на киностудии был сердечный приступ, его отправили в медпункт и отменили съемку; у заведующего лабораторией разболелась голова, и он укатил с работы домой; а инженер, который был среди моих гостей, такое напугал в черتها, что потом специальная комиссия разобраться не могла.

И тут мы с женой, а она счетовод, подсчитали: нам этот банкет вышел в триста рз. А вот государству, грубо говоря, тысяч в шесть! Не верите? Давайте посчитаем. Отмененная съемка — тысяча восемьсот. За лабораторией ушел с работы, и был сорван эксперимент — шестьсот рублей. Инженер напугал тысячи на полторы. Да и моя жена-счетовод на следующий день ухитрилась перепутать дебет с кредитом...

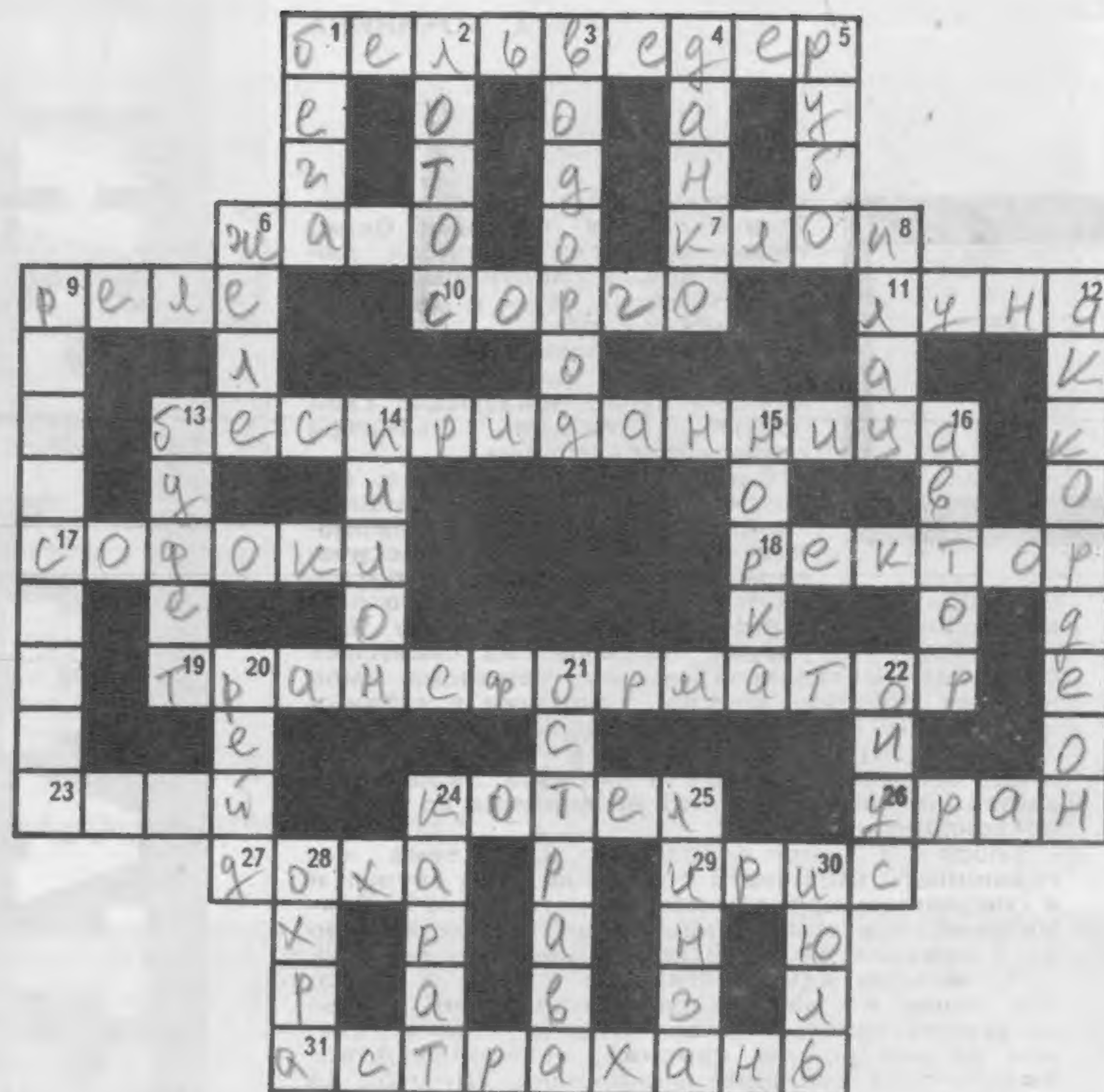
Жена, она работает на одном предприятии, не буду говорить на

богу, что животные это понимают, а люди нет. Вы когда-нибудь видели пьяную лошадь или свинью? Я лично не видел. Говорят: напился, как свинья, — а свиньи ведь не пьют. Один дрессировщик львов мне рассказывал: стоит ему выпить рюмочку — он в клетку войти боится, потому что хищники даже запаха хмельного не переносят. Могут растерзать. Вот это действительно цари природы: и сами не пьют и другим не разрешают!..

Поэтому, дорогие товарищи, запомните: организмы отпускают людям в количестве одна штука на всю жизнь! Запасных частей к ним почти не выпускают, а если выпускают кой-какую мелочь — зубы, почки и вот-вот наладят выпуск сердец, — то, поверьте мне, они куда хуже тех, которые нам вручила природа. То ли у нее материалы лучше, то ли ее поставщики не подводят. Так что берегите то, что есть! Организм, он такой — при неграмотном обращении может вас вернуть назад, к обезьяне!

Перетянула.

Рисунки В. Воеводина

По горизонтали: 1. Круглая вышка над зданием. 6. Серый попугай. 7. Комедия В. В. Маяковского. 9. Элемент автоматических устройств. 10. Злак. 11. Спутник Земли. 13. Пьеса А. Н. Островского. 17. Древнегреческий драматург. 18. Руководитель высшего учебного заведения. 19. Электромагнитное устройство, преобразующее напряжение переменного тока. 23. Приток Оби. 24. Теплообменный аппарат для получения пара. 26. Планета. 27. меховая шуба. 29. Сорт конфет. 31. Областной центр в РСФСР.

По вертикали: 1. Конские рысистые испытания. 2. Южное водяное растение, цветок. 3. Химический элемент, газ. 4. Герой рассказа М. Горького «Старуха Изергиль». 5. Живописец-баталист, создатель панорам «Вородино», «Оборона Севастополя». 6. Десертное блюдо. 8. Площадь для военных парадов, строевых занятий. 9. Слой почвы, соприкасающийся с корнями растений. 12. Духовой музыкальный инструмент. 13. Шкаф для хранения посуды. 14. Массивная прямоугольная колонна. 15. Пушной зверек. 16. Создатель литературного произведения, проекта. 20. Прибрежное водное пространство для стоянки судов. 21. Город в Чехословакии. 22. Музыкальное произведение, сочинение. 24. Единица веса драгоценных камней. 25. Оптическое стекло. 28. Минеральная краска. 30. Месяц года.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали: 1. «Снегурочка». 8. Минор. 9. Тост. 10. «Книга». 12. Косяк. 13. Сироп. 14. Балхаш. 16. Лирика. 18. Анчоус. 20. Домбра. 21. Долото. 22. Труппа. 25. Ершов. 28. Лемма. 30. Орлан. 31. Анод. 32. Пурга. 33. Мадагаскар.

По вертикали: 2. Нурек. 3. Готика. 4. Оптика. 5. Кокос. 6. Анис. 7. Титр. 8. Микеланджело. 11. «Аппассионата». 14. Бархат. 15. Шарда. 17. Ритм. 19. Осло. 23. Рулада. 24. Пандус. 26. Шаль. 27. Вента. 28. Лапта. 29. Марс.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Участок сборки прецизионных шлифовальных станков Московского ордена Трудового Красного Знамени завода шлифовальных станков. Обсуждается проект ЦК КПСС к XXVI съезду партии. Выступает слесарь-сборщик, депутат Верховного Совета РСФСР Александр Корсаков.

(См. в номере материал «Взгляд — на годы вперед».)
Фото С. Петрухина.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Модели московского ателье «Модные головные уборы».

(См. в номере материал «Вкус и мода».)
Фото И. Кукова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПолов (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Научи и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 19.12.80. Подписано к печати 6.1.81. А 00301. Формат 70×108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 790 000 экз. Изд. № 228. Заказ № 3465.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

огас огонь в олимпийской чаше Лужников, но праздник Олимпиады остался в сердцах людей, в новых спортивных дворцах столицы... И — в цирке на Ленинских горах.

Цирк — участник культурной программы Олимпиады-80 — каждый вечер показывает свой новый спектакль «Звезды олимпийской арены».

Спорт и цирк — братья. Известный укротитель Николай Гладильщиков был чемпионом республики по классической борьбе. Александр Буслаев — победитель мотопробега Харьков—Москва, входившего в программу Спартакиады 1928 года. Григорий Новак первым из советских спортсменов завоевал звание чемпиона мира и более ста раз вносил поправки в таблицу мировых и всесоюзных рекордов по тяжелой атлетике. И раньше всех, еще в 1914 году, Александр Сериков впервые в мировой акробатике выполнил двойное сальто на дорожке во владивостокском цирке.

Спорт и цирк — братья. Это тема сегодняшнего циркового спектакля. Она звучит и в специально написанной для него песне А. Пахмутовой, и в ярком красочном прологе, и во всех номерах феерического циркового действия. На манеже идут состязания в силе и ловкости почти по олимпийской программе. Только велосипедисты соревнуются не «совсем так», как на шоссе, они, например, ухитряются все вместе оседлать один велосипед!.. Шапат, да еще с партнершей на плечах, и сальто на канате происходят под куполом цирка. А медведи крутят «солнце» на перекладине и исполняют «крест на кольцах» — прямо-таки подобно Н. Андрианову или А. Дитятину...

В спектакле много музыки, танцев, неожиданных световых эффектов. Впервые из цирковых глубин всплывает уникальный водный бассейн, бьют вверх триста фонтанов... В представлении занято свыше двухсот исполнителей: артисты цирка, балета, учащиеся циркового училища, мастера художественного плавания.

Зрители как бы заново переживают радостную, приподнятую атмосферу, которая царит на Олимпиаде. Конечно, тут все — по-своему. Вот на манеже состязаются две команды — одна состоит из гимнастов, мастеров спорта, вторая... медведи! Они совершают опорные прыжки и работают на турниках, на брусках, на кольцах; ловко перелетают с перекладины на перекладину. Затем начинается футбольный матч. Исход спортивного поединка решает пенальти, которое четко реализует капитан медвежьей команды — девятилетний Данилка. В ответ на овацию публики он приветственно поднимает лапу и даже подпрыгивает от восторга! Еще бы: приз «Золотая шишка» завоевывает родня Мишки-олимпийца!

В интервью, которое Данилка дает для зрителей и которое тут же переводится «с медвежьего на русский», он утверждает, что его команда так упорно готовилась к состязаниям, что даже отказалась от зимней спячки!.. Упорно готовился к своему олимпийскому дебюту в Москве цирковой гимнаст Виталий Пузаков. Задумав номер с медведями, он сам постиг основы дрессировки, и его номер, ничего не повторяя, получился динамичным, оригинальным и очень веселым.

Номером эквилибристов на лестницах долгое время руководил Евгений Милаев. Артист, обладающий удивительным чувством баланса, он создал ряд рекордных трюков. Сейчас эстафету принял его сын Александр, выступающий в цирке с семи лет. В новом спектакле москвичи видят замечательный номер Александра Милаева: он на ногах балансирует лестницу, а на ней находятся пятеро его партнеров. Трюк удивительный, который никто, кроме Милаевых, не исполняет.

Номер сменяется номером. Всеобщие симпатии зрителей завоевывают недавний выпускник циркового училища жонглер Андрей Попов, клоуны Николай Шульгин, Станислав Щукин и Валерий Серебряков.

Гимнасты Гаджинурбановы и А. Медников демонстрируют на проволоке — на большой высоте! — трюки, от которых у публики поистине захватывает дух, а на манеже акробатический этюд, отличающийся свежестью и новизной, демонстрирует семья Расшивкиных.

Сивучи и морской котик выступают в своей родной стихии. И даже для участников воздушного полета под руководством А. Вязова бассейн пригодился! В него попадает один из воздушных гимнастов под дружный смех зрительного зала.

Доброе, хорошее настроение царит в цирке все три часа. И когда цирковая олимпиада заканчивается, с ней тоже грустно прощаться.

Сценарий спектакля написали А. Внуков, Е. Милаев, Ю. Архипцев. Художественный руководитель и главный постановщик — Герой Социалистического Труда, народный артист СССР Е. Милаев, режиссеры-постановщики: главный режиссер цирка, заслуженный работник культуры РСФСР Ю. Архипцев и заслуженный артист БАССР Р. Рибановас.

Заслуженный художник РСФСР М. Зайцева сделала все, чтобы постановка засверкала всем разнообразием красок, почти таких же радостных, какие сверкали на Олимпиаде-80.

Е. ГОРТИНСКИЙ

Отец и сын Расшивкины — акробатический этюд.

В ЦИРКЕ — КАК НА СТАДИОНЕ

Веселые мишки-олимпийцы Виталия Пузакова.

Парад дружных велосипедистов под руководством В. Голубева.

Ирина Дешко — игра с обручами.

Музыкальные эксцентрики Шахнины.

ISSN 0131—0097

Цена номера 35 коп.

Индекс 70663